

НАШ АРХИВ • МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

История науки знает немало примеров, когда очень важные, имеющие большое значение работы так и не выходили в свет. Забытые «рукописи не горят», но они должны находить своего читателя более или менее вовремя. Дабы ускорить с ними знакомство читателя, редакция журнала «Stratum Plus» открывает публикацией Г.Б.Федорова новую рубрику «Наш архив».

Монография «Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект)» была написана Георгием Борисовичем Федоровым в начале 80-х гг., но до сих пор не публиковалась по причинам, не связанным с собственно наукой. Редакция журнала «Stratum Plus» публикацией данной работы не только восстанавливает историческую справедливость в отношении известного ученого, но и надеется, что этот труд, принципиально не устаревший и представляющий не только историографический интерес, найдет глубокий живой отклик у специалистов. Монография дается в авторской редакции, стилистические и орфографические особенности рукописи, а также терминология соответствующей эпохи оставлены без изменений.

Редакция.

Г.Б.Федоров

ЭТНОГЕНЕЗ ВОЛОХОВ, ПРЕДКОВ МОЛДАВАН, ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ (историографический аспект)

G.B.Fedorov. Ethno-genesis of the Vlachs, Moldovans' Ancestors, According to the Archaeological Data (Historiographical Aspect).

The monograph *Ethnogenesis of the Vlachs, Moldovans' Ancestors, According to the Archaeological Data (Historiographical Aspect)* was written by G.B. Fyodorov, famous scientist of Soviet period, in the beginning of 1980s, but owing to circumstances beyond the author's control has still not been published. The monograph still preserves its scientific value. It deals with a critical analysis of Romanian historiography of 50s–70s dedicated to the issue of reconstruction of the Vlachs' ethno-genesis on basis of archaeological researches. Fyodorov revealed a radical change in the opinions on the Vlachs' ethno-genesis, accompanied by a complete "withdrawal" or limitation of the Slavic role in the ethno-genesis of the Eastern Roman peoples. Fyodorov distinguishes three basic stages in the ethno-genesis of the Eastern Roman peoples:

First: from the turn of bronze – iron ages till I century A. D. includes creation of the Thracian ethnic unity, distinction of the two close related tribes – the Gets and the Dacians.

Second: from II century A. D. till V century A. D. includes the Roman Conquest of the Dacia and romanisation of the Gets and the Dacians in Dacia and Moesia Inferior.

Third: from VI century A. D. till the first centuries of II millennium A. D. – the period of Slavic settlements in Balkan and Danube lands; their participation in the ethno-genesis of the Eastern Romans as the third important element of the latter; assimilation of the Slavs by the romanised population as the last and final stage in the Eastern Roman ethno-genesis.

The author is realistic about modest possibilities of the Archaeology concerning the issue of the Eastern Roman ethno-genesis study, yet he believes that the researches in this direction must be continued.

Введение

Все современные европейские народы образовались в результате длительного и сложного процесса, в котором имели место ассимиляции одних этнических общностей другими, культурные и этнические влияния, скрещивания и взаимопроникновения, создание, распад и снова создание, но уже на иной социальной и экономической базе новых этнических общностей.

Ассимиляционные процессы, процессы сложные, чаще всего двусторонние, включают и передачу от ассимилируемых ассимилирующим элементов языка, материальной и духовной культуры, технологических навыков и т. д. Эти процессы, проходящие с разной степенью интенсивности, особенно сильными и результативными становятся тогда, когда ассимиляция начинается и происходит не из-за военных

столкновений и завоеваний, а в результате мирного сосуществования, особенно между этническими общностями с близкими элементами культуры, мировоззрения, в частности, религии и т. д. Именно так, видимо, обстояло дело с процессом ассимиляции славян романизованным населением Карпато-Дунайских и Балкано-Дунайских земель и созданием собственно восточно-романских народностей.

В послевоенный период археологическое изучение древнейшей истории населения территории Молдавской ССР и его этногенеза в значительных масштабах проводили советские историки. Постепенно история этноса молдавского народа прояснялась, при этом по ряду вопросов древнейшей истории у румынских и советских историков сложились разные точки зрения.

Поскольку румынские археологи раскопали гораздо больше памятников и издали большее количество книг, мы ниже будем часто обращаться к их работам, тем более что выводы о древнейшей истории Валахии они обычно неправомерно распространяют и на древнейшее население Молдавии.

Существующие государственные границы не всегда совпадают не только с существовавшими, но и с ныне существующими этническими территориями. Однако во многих случаях сами государственные границы устанавливались в соответствии с преобладанием на той или иной территории определенного этноса, способствовали этнической консолидации. Таким образом, процесс этнической консолидации и процесс создания и развития государственности — это процессы не только сложные, но имеющие как прямые, так и обратные связи, в определенной степени детерминированные друг другом.

Различные признаки этноса, роль этих признаков для определения этноса служат предметом пристального внимания не только этнографов, но и историков, археологов, антропологов и т. д.

Консолидация современных, ныне существующих европейских народов — процесс сравнительно поздний. Так, о консолидации русского, украинского и белорусского народов на основе более или менее достоверных данных можно говорить лишь с XIV–XV вв. То же относится и к большинству современных европейских народов, в том числе и к восточно-романским — молдаванам и румынам, консолидация которых происходила в рамках феодальных княжеств Молдавии и Валахии в последующий период. Однако постепенное накопление особенностей, в конце концов приведшее к образованию народностей — предков современных народов, началось и в материальной и в духовной культуре гораздо раньше, часто еще в глубокой древности. Своего рода стартовой площадкой, с которой начались наиболее интенсивные процессы накопления особенностей, приведших к консолидации современных народов или народностей — их общих предков, была эпоха раннего феодализма в Европе — конец I и начало II тысячелетия н.э.

Процесс феодализации и укрепления феодализма был неразрывно связан с процессами этнической и социальной нивелировки — создания материальной и духовной баз новой формации. Этническая нивелировка, в основном, выражалась в ряде стран (Древнерусское государство, Англия, Болгарское царство и др.) в ассимиляции иноязычной и иноэтнической господствующей верхушки с высшими слоями коренного местного населения. Социальная нивелировка заключалась в превращении основной массы населения, до того сохранявшей остатки прежней формации (свободные общин-

ники, рабы, вольные группы населения) в однородное феодально-зависимое население, иерархически взаимосвязанное во всех своих социальных категориях. Эти процессы этнической и социальной нивелировки способствовали сплочению и появлению самосознания данного этноса. Эти же процессы прослеживаются и при изучении восточно-романских народов: молдаван и румын.

Появление и накопление особенностей, отличающих эти два современных народа, можно археологически проследить с глубокой древности, видимо, уже с разделения фракийской этнической общности на племена и племенные союзы в раннем железном веке. Советские молдавские исследователи специально обращали внимание на выявление местных специфических особенностей формирования народов.

В период развития феодализма — в конце I и начале II тысячелетия н.э. это различие прослеживается по ряду признаков. Один из важнейших — различный этнический субстрат: восточнославянский для молдаван и южнославянский (болгарский) для валахов, соответственно населявших Молдавское и Валахское княжества. Если сопоставить археологическую карту восточнославянских поселений по обоим берегам р. Прут и в Прутско-Днестровском междуречье в IX–XIII вв. с границами Молдавского средневекового княжества, в частности, с картой молдавских поселений, составленной на основании письменных источников XV–XVII вв. (Бырня 1966: 96, 97, 99), то эти две карты в основном совпадают. В частности, в Прутско-Днестровском междуречье — основной территории Молдавской ССР — восточнославянское население вплоть до XII–нач. XIII вв. и по письменным, и по археологическим источникам было основным (Федоров 1970; Федоров, Чеботаренко 1974), за исключением южной степной части междуречья, захваченной уже в X в. сначала болгарскими, а потом и тюрками-кочевниками. Карта же южнославянских (болгарских) памятников IX–нач. XI вв., так называемой Балкано-Дунайской культуры в Карпато-Дунайских землях, в основном совпадает с границами Валахского княжества. При этом нужно иметь в виду, что восточнославянский элемент в молдавском народе и южнославянский в румынском были важными, хотя и не главными слагаемыми этих народов. Эти слагаемые отчетливо прослеживаются и по археологическим данным, и по данным лингвистики, топонимики, особенно гидронимики. Чрезвычайно интересны в этом отношении выводы, сделанные румынскими учеными-лингвистами, работавшими в области ономастики и топонимики. При различии точек зрения в отдельных вопросах, эти ученые, как работавшие в двадцатых и тридцатых годах нашего века (Philipide 1925; Dragănu 1933), так и современные, прежде все-

го крупнейший специалист академик Эмиль Петрович (Петрович 1959; Petrovici 1960; Петрович 1964; Daicoviciu, Petrovici, Stefan 1965) пришли к одинаковым выводам, основные из которых сводятся к следующему:

1. В формировании восточнороманских языков славянские языки сыграли важную роль, войдя в них в качестве существенного компонента (до 30% корневых слов).

2. В Карпато-Дунайских землях это был славяно-болгарский язык, а на востоке — в Карпато-Днестровских землях — восточнославянский. Таким образом, в этом важнейшем вопросе данные археологии и лингвистики, в частности топонимики, совпадают, так как именно в Карпато-Дунайских землях и была распространена культура I Болгарского царства или Балкано-Дунайская, а в Карпато-Днестровских — восточнославянская. В особом положении находился Буджак — примыкающие к левобережью Нижнего Дуная причерноморские степи, где население I Болгарского царства было в конце I и начале II тысячелетия н. э. вытеснено тюрками-кочевниками.

После этого в течение ряда столетий в Буджаке и вообще в придунайской долине господствовали сменявшие друг друга волны кочевников — печенегов, торков, половцев, татаро-монголов (Степи Евразии 1982). Здесь снова данные археологии и топонимики совпадают, так как именно в этом регионе имеется большое количество кочевнических курганов различных эпох и здесь же широко распространены тюркские топонимы и гидронимы.

Археологические источники для изучения этногенеза восточнороманской народности используют в послевоенное время румынские ученые. Их работы представляют большой интерес и заслуживают подробного и благожелательного рассмотрения, не игнорирующего, однако, имеющегося расхождения во взглядах.

Наш обзор придется начать именно с одного из таких расхождений, имеющих принципиальный характер.

Под волохами, упоминаемыми с конца I или начала II тысячелетия н.э. византийскими, русскими, венгерскими и др. письменными источниками, в советской историографии понимают восточнороманскую народность, на основе которой сформировались два основных восточнороманских народа — румыны и молдаване, подобно тому, как на основе древнерусской народности сформировались русские, украинцы и белорусы. В румынской же историографии, в том числе и современной, утверждается, что существовала и существует единая популяция — румыны, в древности именовавшиеся волохами, позднее жившие в Валахском и Молдавском княжествах и т. д. Соответственно и носители восточнороманской культуры с самого начала ее существования называются проторумынами или просто румынами, а их культура — протору-

мынской, древнерумынской или просто румынской. Существование молдаван как отдельного этноса во внимание не принимается, какие бы то ни было высказывания об этногенезе молдаван в румынской литературе отсутствуют.

Такое положение в румынской исторической литературе сложилось к началу XX в., так как в XIX веке в Валахии и Молдавии не велось подобных исследования. В XX же веке там пишут только о генезисе румын. Поэтому в дальнейшем при изложении различных точек зрения румынских ученых нужно иметь в виду, что под терминами «румыны» или «проторумыны» они понимают восточнороманскую народность — волохов — предков румын и молдаван. *

Интерес к изучению происхождения волохов возник еще в XVII веке. С конца XVIII в. началась дискуссия между автохтонистами (сторонниками непрерывности обитания волохов на нынешней территории с глубокой древности) и миграционистами, считавшими, что волохи образовались на Балканах и Нижнем Дунае и лишь сравнительно поздно расселились в Карпато-Дунайских землях. Именно дискуссия между учеными этих двух направлений и составила в значительной степени форму и сущность разработки восточнороманского этногенеза вплоть до наших дней. В этой дискуссии на протяжении длительного времени археологическим материалам отводилась весьма скромная роль. Они либо вовсе не использовались, либо привлекались каждой из сторон в дискуссии в качестве иллюстративного материала для тех или иных положений, выдвинутых на основании письменных, лингвистических и др. источников.

Наиболее обстоятельный современный обзор и критика работ феодальных и буржуазных историков по вопросу происхождения восточнороманских народностей от XVII в. до нашего столетия содержится в труде Л.Л.Полевого «Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель» (Полевой 1972: 46-91). В заключении своей работы Л.Л.Полевой пишет: «К середине XX в. в решении проблемы происхождения восточнороманского населения буржуазная историография оказалась в тупике» (Полевой 1972: 91).

Письменные, лингвистические и др. источники были многократно и разносторонне проанализированы. Настоятельно требовалось для дальнейшей разработки проблемы этногенеза волохов введение археологических материалов в научный оборот.

Плодотворную роль в этом отношении сыграла деятельность выдающегося археолога, ос-

* Румыния как страна появилась только после 1859 г., когда отдельные княжества Молдавии и Валахии объединились в одно государство — Румыния, а молдаване и валахи в составе Румынии стали называть румынами.

нователя национальной школы румынской археологии Василия Пырвана (1882-1927 гг.). Его раскопки Истрии, Тропеума, Ульметума и др. нижнедунайских памятников, публикация этих раскопок, его известные исследовательские труды, такие, как «Гетика» («Getica»), опубликованный в 1926 г. в г. Бухаресте, «Дачия» («Dacia»), опубликованный в 1928 г. в Кембридже на английском языке и затем трижды (в 1937, 1957 и 1967 гг.) переизданный на румынском языке в Бухаресте и др., не потеряли своего значения и в настоящее время. В.Пырван и созданная им школа рассматривали археологические материалы как исторический источник, указывали на сложность этногенетических процессов, происходивших в Карпато-Дунайских землях до и во время римской оккупации Дакии, на множественность культурных и этнических включений в среду фрако-иллирийского Карпато-Дунайского ареала, а затем и гето-даков, основы, субстрата в процессе этногенеза волохов.

Впервые археологические материалы стали привлекаться для изучения процессов романизации гето-дакийского населения в Карпато-Дунайских землях. По своим взглядам В.Пырван примыкал к автохтонистам, в частности, к фракийской школе и на археологических материалах стремился показать реальные материальные свидетельства существования фракийского населения на территории Румынии, его отношения и связи с другими этническими группами, процесс его романизации. Писал В.Пырван и о серьезном вкладе славян в формирование волохов. Все это было значительным шагом вперед в постановке проблемы этногенеза восточнороманских народов. Следует отметить, что В.Пырван и его ученики в своих работах лишь положили начало использованию археологических материалов в разработке проблем восточнороманского этногенеза, только поставили ряд связанных с этим вопросов, и выводы их носили еще предварительный характер. Без дальнейшего широкого исследования археологических (фракийских, гето-дакийских) памятников (периода до римской оккупации, периода оккупации и после нее, почти совершенно неизвестных памятников второй половины I тысячелетия н.э. и начала II тысячелетия н.э.) проблема этногенеза волохов не могла быть не только решена, но и поставлена во всей своей сложности и многогранности.

Разработка проблем восточнороманского этногенеза с самым широким использованием археологических источников началась в Румынии во второй половине сороковых годов и продолжается до настоящего времени. За этот период накоплен огромный археологический материал — от древнейших времен до позднего средневековья, созданы опирающиеся в значительной степени на археологические источники концепции восточнороманского этногене-

за, введены в научный оборот тысячи новых, ранее неизвестных археологических памятников, позволяющих наполнить конкретным содержанием картину различных этапов восточнороманского этногенеза. Можно смело сказать, что археологические материалы сейчас занимают едва ли не главное место среди источников изучения этой проблемы. Нам представляется, что в ряде случаев роль этих источников даже преувеличивается, так как проблема этногенеза любого народа — это проблема, требующая комплексного изучения учеными различных специальностей: историками, археологами, этнографами, лингвистами, антропологами и т. д.

Следует отметить, что все без исключения современные румынские археологи полностью и безоговорочно примыкают к школе автохтонистов, отстаивают идею непрерывности обитания романизованного гето-дакийского населения на территории к северу от Дуная со времен римской оккупации этих территорий. Однако, как будет показано ниже, между едиными в утверждении «непрерывности» румынскими археологами имеются весьма серьезные расхождения в понимании сути, времени, ареала романизации, определении территории, на которой происходили процессы этногенеза восточнороманских народностей, условий, при которых этот процесс происходил, его компонентов, культурных и этнических включений, которые имели место во время этого процесса.

При всей множественности этногенетических процессов и их компонентов, при всем разнообразии концепций и точек зрения, к началу 60-х годов нашего века в румынской исторической науке, на основании прежде всего разработки археологических материалов, были выделены три основных этапа восточнороманского этногенеза.

Первый из них — от рубежа бронзового и железного веков и до первого века нашей эры — включает в себя создание фракийской этнической общности, выделение из нее двух больших близко родственных северо-фракийских племен — гетов и даков, обитавших в Карпато-Дунайских землях и к I в. н.э. составивших определенную этническую общность. Эти племена создали на всем своем ареале более или менее единообразную материальную культуру и в I в. н.э. находились уже на стадии создания предгосударственных образований — Дакийского царства.

Образование гето-дакийской этнической общности и было результатом первого этапа восточнороманского этногенеза, созданием субстрата, важного древнейшего компонента, из которого сформировались восточнороманские народности.

По этому вопросу в румынской археологической литературе и науке существует единая

точка зрения, получившая и общее признание в зарубежной науке.

Следует все же отметить, что центром Дакийского царства была Трансильвания, заселенная даками, а в Карпато-Днестровских землях, в частности, в Прутско-Днестровском междуречье и на Нижнем Дунае обитали геты. Между этими двумя регионами уже в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры были определенные различия и в отношении материальной культуры и в этнических и культурных включениях.

Второй этап — от начала II в. н.э. до V в. н.э. — включает в себя римское завоевание Дакийского царства, образование римской провинции Дакии, процесс романизации гето-дакийского населения в Дакии и Нижней Мезии, еще в I в. захваченной римлянами; обитание романизированного населения на территории Дакии и после эвакуации ее римлянами. Романизация гето-дакийского населения была вторым этапом восточнороманского этногенеза, а романизированное население — важнейшим основным компонентом этногенеза. Относительно второго этапа в румынской археологической науке существует единство лишь в общих чертах. По поводу того, где, когда, в каких масштабах, как происходила романизация, на какие регионы и этносы она распространялась, в какой материальной культуре проявлялась, существуют, как будет показано ниже, различные точки зрения.

Третий этап — от VI в. н.э. до первых веков II тысячелетия н.э. Это период расселения славян в Карпато-Дунайских и Балкано-Дунайских землях, включения их в процесс этногенеза во-

сточнороманской народности, как третьего важного ее компонента, ассимиляция славян романизированным населением — последний заключительный этап восточнороманского этногенеза. По этому периоду, как будет показано ниже, в румынской археологической науке шли и идут ожесточенные споры; выдвигаются различные, противоречащие друг другу гипотезы, коренным образом меняются взгляды и концепции, а с ними и этническая атрибуция памятников, общее представление о восточнороманском этногенезе. Начиная с середины 60-х годов создаются новые концепции восточнороманского этногенеза, отрицающие вообще третий этап, рассматривающие славян лишь как пришлый чуждый элемент с крайне примитивной материальной культурой, оказавшей лишь самое минимальное влияние на восточнороманскую народность, древних румын, этногенез которых протекал без сколько-нибудь значительного участия славян. Соответственно, как будет показано ниже, производится переоценка ценностей, или, вернее, их деноминация, коренным образом меняется этническая атрибуция не только отдельных памятников, но и целых культур. Все эти изменения происходят и продолжают происходить без открытия каких-либо качественных новых памятников или культур или совершенствования методики исследования уже накопленных материалов.

Перейдем к конкретному рассмотрению выделенных трех этапов и их освещению в румынской археологической науке. Естественно, что наибольшее внимание будет уделено третьему этапу.

I. Создание гето-дакийской этнической общности (первый этап восточнороманского этногенеза)

На рубеже бронзового и железного веков на Балканах и в Карпато-Дунайских землях наблюдается выделение фракийской этнической общности. В VIII в. до н.э. фиксируется культура фракийского гальштата. Видимо, с VI в. до н.э. начался процесс культурного и этнического выделения из фракийской общности двух близко родственных северо-фракийских племен: гетов и даков. В формирующейся гето-дакийской культуре, близкой к южнофракийской, были заметны иллирийские, скифские, греческие, а позже и кельтские влияния. Культура нижнедунайских областей Румынии тесно связана с южнофракийским миром и греческими городами Добруджи — Западного Причерноморья (Истрией, Томами, Каллатией). Для Трансильвании в III-II в. до н.э. хорошо прослеживается влияние кельтской культуры. В III в. до н.э. на Нижнем Дунае создается гето-дакийское межплеменное объединение («царство Дромихета»), а в I в. до н.э. — такое же объединение во главе с Буре-

бистой. Это объединение способствовало этнической и культурной консолидации гето-дакийских племен. В I в. н.э. произошло перемещение культурного, экономического и социального центра из Придунайской равнины в горы Трансильвании, где сформировалось ядро гето-дакийского межплеменного союза, в I в. н.э. достигшего уже стадии предгосударственного образования — Дакийского царства. Румынские ученые в настоящее время называют межплеменное объединение — царство Дромихета предгосударственным образованием, а межплеменное объединение Буребисты и Дакийское царство — рабовладельческими государствами. Ни письменные, ни археологические, ни какие-либо другие источники не дают основания для подобного удревнения социально-политических организаций в Карпато-Дунайских землях. То, что «царство Дромихета» и «царство Буребисты» были именно межплеменными союзами, а Дакийское царство — предгосу-

дарственным образованием, достаточно доказательно показано в историографии (Златковская 1953; Колосовская 1957; Кругликова 1955), и нет никаких оснований для того, чтобы вносить подобные коррективы.

В пределах Дакийского царства существовало уже множество укрепленных поселений, оппидумы — зародыши городов (экономические, военные, ремесленные центры), дороги, зачатки денежного обращения и т. д. Все это способствовало не только экономическому, культурному, политическому, но и этническому сплочению гето-дакийских племен (Федоров, Полевой 1973: 293-295).

Большое значение имеет изучение гетских памятников — поселений и могильников на территории Мунтении, Олтении и Молдовы последних веков до н.э. и первых веков н.э., таких, как городище Попешть на реке Арджеш III-I вв. до н.э. (близ Бухареста), неукрепленных поселений Зимнича на Дунае, Пояна на Серете и особенно многочисленных дакийских памятников на территории Трансильвании. Как уже упоминалось, именно в дакийскую Трансильванию из занятой греками долины Дуная в I в.

н.э. переместился центр гето-дакийской культуры, а также социальные, административные и производственные центры. Расцвет гето-дакийской культуры в Трансильвании продолжался на протяжении I в. до н.э. и I в. н.э. и сопровождался возникновением многочисленных крепостей и зарождающихся городов — Пятра Рошие, Блидарул, Тилишка, Сэрэцел и др., Пятра Нямц в Северной Молдове и т. д. Они были центрами ремесел, торговли, зодчества и опорными пунктами формирующегося государства. Расцвет гето-дакийской культуры и консолидация гето-дакийской этнической общности были прерваны в начале II в. н.э. войной с Римом, принесшей страшные опустошения и разрушения.

Культура доримской Дакии известна нам по археологическим раскопкам многочисленных дакийских памятников — могильников, сельских поселений, крепостей, прежде всего столицы доримской Дакии — Сармизегетусы (городище Грэдиште Мунчелуй).

Таким образом, к концу первого этапа была создана гето-дакийская этническая общность.

II. Романизация и судьбы романизованного населения (второй этап восточнороманского этногенеза)

Как известно, территория Добруджи с греко-римскими городами Истрией, Томами и Каллатией была еще в середине I в. н.э. включена в состав римской провинции Нижняя Мезия, большая часть которой располагалась на землях южнее Дуная. В начале II в. н.э. на очень короткий срок (всего на 10 лет) к этой провинции были присоединены Мунтения и Южная Молдова (очищенные римлянами около 118 года н.э., за исключением узкой южной полосы за Нижним Траяновым валом). Захват римлянами в 102-106 годах н.э. Дакии Децебала привел к образованию римской провинции Дакия, в состав которой была включена Трансильвания, часть Олтении и Банат, т.е. около половины нынешней территории Румынии. В 271 году н.э. при Аврелиане римляне оставили Дакию.

Таким образом, судя по письменным и эпиграфическим источникам, значительное римское население, а следовательно, и романизация на территории Румынии, прежде всего, имела на территории Дакии. В Мунтении и Молдове — в центре и на востоке страны — сколько-нибудь значительного римского населения, а следовательно, и романизации не было.

Перед археологами, таким образом, встал ряд спорных вопросов.

Вопросы эти следующие: сопровождалась ли дако-римская война, завоевание римлянами Дакии и превращение ее в римскую провинцию полным уничтожением или вытеснением местного гето-дакийского населения, как счи-

тают сторонники «латинской школы», или гето-дакийское население хотя бы частично оставалось на местах и подвергалось латинизации, романизации, как считают сторонники «фракийской» школы. Далее, если в пределах римской провинции сохранилось сколько-нибудь значительное гето-дакийское население, то каковы были его отношения с римскими колонистами, с гето-дакийским и другим «варварским» населением вне пределов провинции, была ли романизация гето-даков в пределах провинции полной и всеобъемлющей? Где происходила романизация? Где были ее центры? В какой мере испытывало романизацию гето-дакийское население, жившее вне пределов римских провинций? Каковы были судьбы романизованного населения после эвакуации из Дакии римских войск в 271 г. и прекращения существования римской провинции?

Главную роль в разработке этих проблем сыграла клужская школа археологов во главе с выдающимся ученым академиком Константином Дайковичу. Особую ценность в историографии работ этой школы представляет блестящая монография Думитру Протасе «Проблема непрерывности в Дакии в свете археологии и нумизматики», опубликованная в Бухаресте в 1966 г. (Protase 1966).

После захвата римлянами Дакии на ее территорию (судя по эпиграфическим и археологическим данным, в частности, по материалам раскопок могильников) из ближайших провинций стали переселяться римские ветераны, ре-

месленники, торговцы, различные чиновники, рабы и т.д. На холмах Ботешть и Подурь, у Златны (римский г.Ампелум) в Западных Карпатах открыты могильники, принадлежавшие смешанному населению: дакийцам и перемещенным сюда иллиро-далматинцам. Заселяя Дакию римскими колонистами, римская администрация одновременно перемещала местное автохтонное население в отдаленные от Карпато-Дунайских земель провинции. Кроме того, большое число их было отправлено в центральные районы империи в качестве рабов, гладиаторов, солдат вспомогательных войск. Надгробные памятники римских солдат с дакийскими именами встречены в Италии, Испании и других странах. И все-таки, как показали археологические исследования, значительная часть гето-дакийского местного населения осталась жить в пределах провинции. На ряде сельских дакийских поселений II-III вв. н.э. на территории Дакии отчетливо заметно продолжение древних местных традиций в развитии материальной культуры. В настоящее время известно уже свыше 50 пунктов (поселения и могильники), относящихся к периоду римской оккупации Дакии, в которых найдены элементы, притом весьма значительные, местной гето-дакийской культуры. В период оккупации такие, сохранившиеся доримский дакийский облик, поселения были в основном сельскими (Обрежа, Кашлоц, Лекинца де Муреш, Чернату де Жос и др.). На этих поселениях смешение местной дакийской и римской культур прослеживается в керамике, орудиях труда, украшениях, жилищах, в обрядах погребения, в антропологических материалах и т.д., причем встречаются как поселения, весь облик которых был провинциально-римским, т.е., принадлежавших римлянам или полностью романизованному населению, так и поселения со смешанной римско-дакийской культурой, с постепенным усилением римских элементов и, наконец, преимущественно в горных районах, поселения и могильники свободных даков, не имеющие следов романизации и сохранившие по всем основным категориям материальной культуры и по обрядам погребения (кремация) традиционный гето-дакийский облик.

Вместе с тем на большей части территории провинции, благодаря строительству городов, укреплений, поместий, мастерских, системы коммуникаций происходило усиленное приобщение гето-дакийского населения к римским обычаям, языку, образу жизни.

Земли к востоку от Карпат (территории Молдовы) были заселены карпо-дакийцами (поселения Хангу в долине Бистрицы в Восточных Карпатах, поселения у с.Сучава, Цифешты у г.Фокшаны, могильник Поянешть у г.Васлуй. Карпо-дакийское население, жившее вне пределов римских провинций, сохраняло традиционный облик своей культуры, обряд погребения

(кремация), облик поселений и т. д., испытывая при этом определенное воздействие греко-римской культуры, в частности, в керамическом производстве, в ювелирном деле и др. Судя и по письменным, и по археологическим источникам, карпо-даки совершали частые набеги на римскую Дакию и на Добруджу, а в конце III в. н.э., покоренные готами, вошли в возглавляемый ими союз племен.

К югу от Карпат в Мунтении также обитало в первые века нашей эры гето-дакийское население, развивавшее традиционные черты своей культуры (поселение и могильник Килия, часть могильника Тыргшор, поселение и могильник у оз. Тей близ Бухареста и др.), испытывая при этом определенное влияние римской провинциальной культуры. Однако ни о какой романизации населения в этих частях Румынии в первые века нашей эры говорить не приходится.

В 271 г. Дакия по приказу императора Аврелиана была покинута римскими войсками и прекратила свое существование в качестве провинции. Вопрос о том, все ли население ушло вслед за отступающими римскими войсками или часть его оставалась жить на прежних местах, — один из важных и спорных вопросов, связанных с этногенезом румын. Этот вопрос получил весьма убедительный ответ от археологов, в частности, в упомянутой уже монографии Д.Протасе. Как показали исследования археологических и нумизматических материалов, значительная часть романизованного и нероманизованного гето-дакийского населения продолжала жить на прежних местах в различных районах бывшей провинции вплоть до середины V в. н.э., когда гуннское нашествие заставило население Трансильвании, как местное, так и пришедшее, искать спасения либо в горах, либо на других территориях.

При эвакуации римляне выводили прежде всего население городов, в частности, ремесленников и торговцев. Были заброшены и крупные поместья типа *villa rustica*. Однако вплоть до середины V в., до самого гуннского нашествия, ряд городов был обитаем, хотя и количество населения в этих городах, и уровень их жизни резко понизились. Общественные и частные городские здания были заброшены и постепенно превращались в руины, вышла из строя вся система городских коммуникаций и благоустройства (водопроводы, канализация, бани, мощеные дороги и улицы, театры и т. д.).

Обширные помещения зданий римского времени кое-где перегораживались, служа примитивными жилищами и т.п. Такие примитивные жилища открыты в развалинах римских зданий в Сармизеgetусе во дворце Августалиев. Городской амфитеатр здесь был превращен в укрепление, входы в него завалены камнями. Внутри сохранились остатки обитания IV в. н.э.; в одной из лож амфитеатра был найден

клад бронзовых монет императора Валентиниана I (364-375). В Напоке (современный Клуж) найдены остатки гончарной мастерской IV в. и поселение этого времени. В городах сохранились лишь отдельные ремесленники, снабжавшие своими изделиями сильно поредевшее городское население. Это население продолжало хоронить умерших по традиционному римскому обряду ингумации. Значительная часть сельского населения и после ухода римских войск продолжала жить на прежних местах. Во многих областях бывшей римской провинции открыты поселения III-IV — начала V вв. — Чоройу Ноу, Вербица (в Олтении), Порумбень Мичь, Муджень, Себеш, Ернут и др. в Трансильвании. Иногда такие поселения располагались на территории бывшей *villa rustica*, как, например, поселение Ернут III-IV вв. н.э. Жилые землянки строились с использованием кирпичей и черепицы из развалин строевых *villa rustica*. В III — середине V вв. появился и ряд новых местных сельских поселений, часто на развалинах римских каструмов и других укреплений (Аркюд, Мэнештур возле Клужа, Ношлак возле Турда, Братей, Сопорул де Кымпие и др.). На холме Проштя Мика в Трансильвании в IV в. возникло поселение с земляным оборонительным валом. В отличие от жителей города, жители сельских поселений погребали своих умерших по древнему дакийскому обряду — кремации. Могильники и отдельные погребения III-IV вв. открыты во многих пунктах в Трансильвании (Лекинца де Муреш, Сопорул де Кымпие, Проштя Мика, Ернут, Стэрецен, Братей и др.). В целом материальная культура стала гораздо более примитивной после ухода римлян, однако отдельные элементы провинциальной римской культуры сохранились, в частности, в гончарном производстве, где длительное время после ухода римских войск в Дакии сохранились гончарные горны и гончары, владевшие всеми навыками римского производства посуды, наряду с распространением и грубой примитивной посуды, формы и технология производства которой говорит о возрождении древних дакийских, еще доримских традиций. Римские традиции продолжались не только в гончарстве, но и в других областях производства, например, в производстве таких типичных провинциально-римских фибул (фибулы с тремя «луковичными головками», найденные в погребениях IV в. в Апулуме и др.). Наряду с преобладающим после эвакуации сельским хозяйством продолжали существовать и некоторые ремесла — кузнечное, гончарное, ювелирное. Существовало, хотя и в меньших размерах, чем раньше, и товарное производство, и денежное обращение. Население Дакии не утратило полностью и связей с империей, вероятно, вывозя туда продукцию сельского хозяйства и ввозя монеты, различные изделия провинциально-римского типа: фибулы, све-

дельники, стеклянную посуду, изделия из бронзы и серебра. О существовании денежного обращения свидетельствуют довольно многочисленные находки римских монет III — середины V вв. на территории Дакии. В обращении по-прежнему была римская монета, теперь уже не серебряная, а главным образом медная. После подъема денежного обращения в первой половине IV в., в конце этого века снова наступил упадок, видимо, связанный с усилением набегов варварских племен на территорию бывшей провинции. В материальной культуре конца III — первой половины V в. в Дакии прослеживаются следы древней дакийской культуры еще доримского времени (кремация, некоторые формы посуды и т. д.), такие черты обнаружены в Дакии более чем в 30 пунктах. Римская Дакия была со всех сторон опоясана поселениями свободных непокорных даков и других варварских племен.

Трансильвания имеет хорошую естественную природную защиту — горный пояс Карпат. Поэтому именно сюда, спасаясь от участвовавших в набеге различных мигрирующих племен, переселялись с равнин свободные даки, продвигаясь с востока, юга, запада. В восточной части Трансильвании открыты поселения свободных даков-карпов (Безид в верховьях Тырнавы, Речь в верховьях Олта и их могильники у Медиаша и др.). Поселения даков, переселившихся в Трансильванию с юга из Мунтении, открыты в предгорьях Карпат у Стэнешть и Килии, открыты и памятники переселившихся в Трансильванию даков с запада из Кришаны — например, могильник у с.Чипэу в Центральной Трансильвании. Вместе с тем и после ухода римлян в Дакии продолжало жить значительное романизованное население — носители традиций провинциально-римской культуры, многочисленные следы обитания которого прослеживаются вплоть до середины V в. н.э.

За пределами римской Дакии — в Молдавии, Мунтении, Кришане, а также Марамуреше и части Олтении — продолжалось развитие местной гето-дакийской культуры, испытывавшей на себе лишь более или менее сильное влияние римской провинциальной культуры. М.Комша в работе «Проникновение славян на территорию Румынской Народно-Демократической Республики и их связи с автохтонным населением» замечает, что проникшие в VI в. во внекарпатские области славяне соприкоснулись здесь и сосуществовали с местным римским населением, и делает сноску следующего содержания: «Здесь нужно отметить, что, кроме территории бывшей Дакии, в течение III-VI вв. романизовались и территория Мунтении и часть Молдовы вследствие переселения в эти области римского населения, либо из провинции Дакии, либо с юга от Дуная из Мезии, о котором свидетельствуют как письменные, так и археологические данные». М. Комша не приво-

дита никаких данных, подтверждающих раннюю романизацию за пределами римских провинций, да нам такие источники и не известны. Более того, как явствует из указанной работы Д.Протасе, даже в самой Дакии романизация не была сплошной и всеобщей. Со времени публикации цитированной статьи прошло уже 10 лет, однако М.Комша так и не написала об этом подробной работы, да и не подробной тоже. Хотя, как будет показано ниже, в румынской археологической науке желающих видеть раннюю романизацию за пределами Дакии и Мезии, по всей территории страны, недостатка не ощущается. В самой же Дакии после эвакуации римлян на первое место выдвинулись остальные восточные области бывшей провинции с их преимущественно сельскохозяйственным производством и относительно слабой романизацией. Уход римлян привел к известному возрождению и укреплению местных доримских гето-дакийских традиций, привнесенных на территорию провинции свободными гето-даками, продвинувшимися сюда после ухода римлян.

На протяжении сотен лет, со времен раннего гальштата культурное и этническое развитие местного населения — фракийцев и выделившихся из них гето-дакийцев носило, в общем, последовательный и непрерывный характер. В результате этого на протяжении II-III вв., главным образом на территории Дакии, появился новый этнос — романизованное местное гето-дакийское население. Однако в этнической истории населения Румынии, особенно после оставления Дакии римлянами, все большую роль стали играть вторжения новых в этническом отношении племен и союзов с востока, севера и запада. Так, с востока двигались сарматы, с севера — германские племена, серьезные опустошения принесло гуннское нашествие. Этническая и культурная стабилизация началась лишь в VI-VII вв., и связана она с появлением нового важнейшего этноса на территории Румынии — славян — и завершающим этапом этногенеза румынского народа. Но пока необходимо уяснить, какие процессы, связанные с этногенезом румын, происходили на юге страны, а также в областях, находившихся вне пределов римских провинций и на территории самих провинций, после оставления их римскими воинами.

Как уже говорилось, Добруджа была захвачена римлянами еще в середине I в. н.э. и к концу этого столетия включена в границы провинции Нижняя Мезия. Эта провинция занимала территорию нынешней северной Болгарии и румынскую Добруджу. Граница между Нижней Мезией и территорией, оставшейся в руках варваров, проходила по правому берегу Дуная, начиная от границы с Дакией (Трансальптанский лимес) до устья Дуная. Вдоль берега Дуная были возведены многочисленные крепости, лагеря и т.д. (Новиодунум, Диногечия,

Троесмис, Капидава, Аксиополис, Сальсовия и др.), мощные укрепления были построены и в глубине провинции на скрещивании основных дорог — Ульметум, Тропеум и др. Помимо сильно укрепленных в римское время Истрии, Том и Каллатии римляне возвели и ряд других укреплений по берегу Черного моря в Добрудже, в том числе и оборонительные валы от моря до Дуная в средней части Добруджи. Многие из римских крепостей были возведены на месте ранее существовавших гето-дакийских поселений (Диногечия и др.). Помимо ряда городов (Новиодунум, Тропеум и др.) римляне жили и во многих сельских поселениях, в которых наряду с преобладающим сельским хозяйством были развиты и различные ремесла.

Судя по эпиграфическим материалам, письменным источникам и результатам раскопок, население Добруджи в период римско-византийского господства было разноплеменным, особенно с III в. н.э., когда римская администрация стала заселять эту пограничную провинцию различными варварами, рассчитывая с их помощью отражать набеги с севера. На ряде поселений встречены гето-дакийская керамика и другие предметы периода до римской оккупации и оккупационного периода, в III-IV вв. в Добрудже поселились фракийские племена карпов, сарматы, германские племена — готы, герулы и др. Исследования могильников, таких, как Пятра Фрикацей в западной части Добруджи, где вскрыто около 800 погребений различных эпох, показывает, что население ее во II-VII вв. было весьма смешанным и этнический состав этого населения менялся. Древнейший период использования могильника относится ко II-VII вв. н.э., и принадлежал он гето-дакийскому населению, находящемуся под влиянием римской культуры. В конце III-IV вв. обряд погребения резко изменился (от традиционной для гето-даков кремации к ингумации), изменился и инвентарь, судя по которому и по деталям обряда погребения, в это время население Добруджи состояло из сарматов, возможно, гето-даков, носителей черняховской полиэтнической культуры и др. Такой же смешанный характер носил и инвентарь погребений V в. В VI-VII вв. в могильнике появляются погребения, видимо, связанные с заселением этой области славянами.

Многочисленные погребения могильника Пятра Фрикацей наглядно свидетельствуют о пестром этническом составе «варварского» населения Добруджи в римский и ранневизантийский период, о появлении новых этнических групп населения с востока и с севера, о смешении различных в этническом и культурном отношении племен (Аурелиан 1962; Augélian 1964). Все эти племена в той или иной степени испытывали влияние римской и ранневизантийской культуры, однако, судя по данным археологии, нет оснований говорить о сплошном

заселении римлянами этой области или сплошной романизации варварского населения, как это имело место в Дакии. Следы местной гето-дакийской культуры прослеживаются в Добрудже до II-III веков. Однако в этническом отношении изменения в Добрудже не ограничивались, судя по археологическим данным, приливом римских колонистов, а с III, особенно с IV вв., основные этнические изменения связаны были здесь со значительными переселениями различных варварских племен, приходивших в основном с севера из-за Дуная. С VI в. в Добруджу во все возрастающем количестве стали проникать славяне. Материальная культура пришлого населения Добруджи подвергалась более или менее сильному влиянию греко-римской культуры вплоть до падения большинства греко-римских городов в VI-VII вв. Главными определяющими факторами этнической истории в Карпато-Дунайских землях во II-V вв. н.э. была романизация автохтонного населения в Дакии, а также продвижение огромных масс различных в этническом и культурном отношении племен с севера и востока и перемешивание с ними местного населения. С кочевниками, в частности, с сарматами-кочевниками, местное население не смешивалось, видимо, прежде всего, ввиду различий в форме хозяйства и быта. Более или менее значительное смешивание происходило лишь при оседании сармат на землю, в частности, в Трансильвании, где осевшие на землю сарматы-языги перемешивались с местным дакийским населением. Процесс смешения наблюдается и с другими оседлыми племенами, как, например, с носителями черняховской культуры (на территорию Румынии она привнесена с востока и в румынской литературе называется культурой Сынтана де Муреш, по одному из первых открытых здесь могильников в Трансильвании у с.Сынтына на р.Муреш). Перемешивание было весьма значительным и, во всяком случае, в этом регионе, как и в Прутско-Днестровском междуречье, гето-даки были, видимо, одними из создателей и носителей этой культуры.

Наиболее ясное представление о черняховской культуре на территории Румынии, в частности, в Мунтении, дают раскопки черняховского могильника Тыргшор, где вскрыты сотни погребений (свыше трехсот), а также выявлены местные автохтонные элементы в основном слое могильника. *

В Мунтении и других свободных от римской оккупации регионах, носители черняховской культуры появились, видимо, еще в III в., а в Дакии лишь в IV в. после оставления ее римлянами.

* Специальная работа об этническом составе населения, оставившего могильник Тыргшор — об автохтонных и мигрирующих элементах, оставивших этот могильник, опубликована в 1971 г.) (Diaconu Gh.1965; Geza 1971: 68 etc).

В.Геца в статье, специально посвященной автохтонам и пришельцам в Тыргшоре, приходит к следующим выводам: в последние годы на территории Румынии открыто много черняховских могильников, которые использовались различными народами. Оказывается возможным определить их социальную структуру и расчленив их материальную культуру. В IV в. могильник Тыргшор использовался как гето-сарматами, так и тайфалами (германское племя), а также местным гето-дакийским населением. Каждая из этих трех групп имела свои особенности в погребении и свою группу могил. Три эти группы населения жили обособленно друг от друга. Мигрировавшие элементы — гето-сарматы и тайфалы не вытеснили гето-даков с мест поселений. Гето-даки продолжали жить на прежних местах в этом районе. Между автохтонами и пришельцами существовала карпо-гето-тайфальская коалиция. У гето-сарматов сохранились еще большие семьи и ее пережиточная форма — патронимия. У них была коллективная собственность, хотя уже выделились семейные участки земли. Они находились на последней стадии существования первобытно-общинного строя и начала классового общества. У гето-даков уже была индивидуальная семья, единая экономическая база, частная собственность на землю, выделился уже класс феодалов, существовало уже классовое общество. Для автохтонного населения это была пора начала формирования феодализма, происходившего в условиях великого переселения народов. Местное население в области развития материальной культуры и социально-экономических отношений шло далеко впереди пришельцев, было гораздо более развито, находилось уже на стадии формирования феодализма, а пришельцы еще на стадии первобытно-общинного строя (Geza 1971: 68 etc).

В статье содержатся интересные наблюдения, однако, как нам представляется, без всяких на то оснований автор удревняет социальные процессы, происходившие в гето-дакийском обществе, приписывая этому обществу существование, или, во всяком случае, формирование в IV в. феодализма. Кроме того, выводы эти не подкреплены фактическим материалом, не документированы источниками. В самом деле, можно ли делать такие далеко идущие выводы на основании одного могильника, без исследования поселений? Да и в этом-то могильнике, собственно, к гето-дакам относится всего 8 погребений из сотни, датированных концом III-IV вв. Что же касается остальных погребений, то строгое выделение там гето-дакийских из общей массы погребений с точки зрения автора раскопок и монографии «Тыргшор» Г.Дьякону (Diaconu Gh. 1965: 30), да и с нашей точки зрения невозможно.

Гуннское нашествие в конце IV и первой половине V вв. привело к глубоким потрясениям

в этносе и материальной культуре. Черняховская культура и, видимо, в значительной степени ее носители (по мнению румынских археологов — союз различных в этническом отношении племен во главе с германскими племенами готов, а в Мунтении, возможно и тайфалов) были уничтожены.

Вообще, большая часть местного населения, видимо, была сметена, уничтожена или вытеснена, сохранившись в более или менее значительном количестве в труднодоступных для гуннской конницы горных областях.

Наступивший вслед за гуннским нашествием период неустойчивости и безвременья (V в. н.э.) характеризуется только слабыми очагами заселения Карпато-Дунайских земель. В равнинных районах, часто подвергавшихся набегам кочевников, оседлое население было малочисленно (Молдова, особенно Мунтения, Олтении, западная часть Баната и Кришаны). О более или менее значительном населении и последовательном развитии его материальной культуры можно говорить, за исключением греко-римских городов Добруджи, лишь для Трансильвании, где, видимо, продолжало в какой-то мере оставаться местное население и куда мигрировали земледельческие племена. В первую очередь это были германские племена гепидов, в V веке переселившихся из Паннонии в Трансильванию и оставивших как собственно гепидские памятники

(например, погребение вождя из Апахиды возле Клужа), так и поселения и могильники V — первой половины VII вв. н.э., в которых элементы гепидской культуры смешаны с элементами культуры местного автохтонного населения (Морешть, Чипэу, Порумбень Мичь, Тыргу Муреш и др.). В это бурное время население Трансильвании жило как в укрепленных поселениях (Морешть, Порумбень Мичь и др.), так и в неукрепленных (Чипэу и др.). Однако и Трансильвания подвергалась частым и опустошительным набегам сначала гуннов (из Паннонии), а затем и аваров (их памятники открыты в Трансильвании), которые сделали эту территорию частью своих кочевий, в конце VII в. н.э. Авары позже были ассимилированы на территории Румынии, как и в других местах их обитания земледельческими народами.

Суть этногенетических процессов в Карпато-Дунайских землях во II-V вв. такова: романизация местного гето-дакийского населения шла, главным образом, на территории римской провинции Дакии, в основном в горных районах; бесспорно последующее сохранение местного романизованного гето-дакийского населения после оставления римлянами Дакии (в определенной степени населения, уже смешивавшегося с мигрировавшими на эту территорию племенами готов, гепидов и др.).

III. Заселение Карпато-Дунайских земель славянами (Третий завершающий этап этногенеза восточно-романской народности). VI-VII вв. н.э. — первые века второго тысячелетия н.э.

Следует отметить, что до послевоенного времени памятники VI-XII вв. в Карпато-Дунайских землях, на территории Румынии почти совершенно не изучались, а единичные открытые и частично раскопанные, оставались обычно вообще без этнической атрибуции, как например, славянское поселение VI-XII вв. н.э. под Бухарестом в Дэмэройя, исследованное и опубликованное в тридцатых годах нашего века Дино Росети (Rosetti 1934: 207 etc.), или некоторые памятники средневековой Олтении (Berciu D., Berciu I 1937: fig.4-6, p.6).

Открытие и исследование в Карпато-Дунайских землях памятников материальной культуры второй половины I и начала II тысячелетия н.э. — целиком заслуга археологов Румынии, работающих в послевоенные годы. Важную роль в изучении этого периода и его этнической истории сыграли открытия и изучение сла-

вянских памятников на территории Румынии. Эти открытия и исследования начались еще во второй половине сороковых годов, и количество открытых в настоящее время различных памятников (поселения, могильники, отдельные находки) составляет уже несколько сотен. При этом нужно отметить, что своды и картографирование этих памятников в румынской археологической науке производилось лишь частично для отдельных групп памятников.

Развитие славянской материальной культуры в Карпато-Дунайских землях во второй половине I и начале II тысячелетия н.э. соответствовало тем же периодам, что и в окружающем славянском мире: VI-VII, VIII-IX и X-XII вв. Поэтому нам представляется целесообразным обзор исследований румынскими археологами славянских памятников также проводить по этим периодам.

Славяне VI-VII вв. н.э. в Карпато-Дунайских землях

Раньше всего славянские памятники в Румынии появились на востоке страны — в Молдове, в северо-восточной Мунтении и на юге в Добрудже. В Молдове ранние славянские по-

селения открыты в Ибэнешть, в пригороде Суцавы — Шипоте, в Яссах, Тырпешть и др. и датируются они VI-VII вв. н.э. На всех этих селищах найдены типичные славянские прямоугольные

полуземлянки с печами-каменками, лепная славянская керамика типа Прага-Корчак, различные орудия труда, оружие и украшения, в том числе и пальчатые фибулы. В Тырпешть, близ г.Тыргу-Нямц (Молдова) в одной из хозяйственных ям наряду с обломками раннеславянской посуды найдены и фрагменты лепных горшков, которые, по мнению И. Нестора, могут быть связаны не только со славянской, но и с гето-дакийской традицией. Это горшки банкообразной формы, украшенные налепными валиками. Один из важнейших раннеславянских памятников открыт в северо-восточной Мунтении в долине Дуная у села Сарата-Монтеору возле г.Бузеу (область Плоешть). Это раннеславянский могильник с обрядом трупосожжения. За несколько сезонов раскопок там вскрыто свыше 1500 погребений. Авторы раскопок И.Нестор и Е.Захария вначале датировали этот могильник VII веком н.э., позже — VI-VII вв. и относили его вначале к одной из групп славянских племен, не уточняя, впрочем, к какой именно и отмечая в нем, наряду с преобладающей лепной славянской керамикой пражского типа, наличие некоторого количества серой гончарной керамики, по мнению авторов раскопок и публикаций, принадлежащей местному населению, хранителю латинских — романских традиций.

Что касается селища, связанного с могильником, то его культурный слой, по мнению авторов раскопок и публикаций, был уничтожен в результате эрозии почвы берегов ручья Сэрата, вдоль которого было расположено селище.

К сожалению, это, один из важнейших и обширнейших раннеславянских могильников не только в Карпато-Дунайских землях, но и вообще в Восточной Европе, до сих пор остается неопубликованным и все сведения о нем ограничиваются краткими, по несколько страниц, предварительными сообщениями (Nestor 1957: 289-325; Nestor, Zaharia 1957: 187-194; idem 1959: 511-518; idem 1960: 513-517; Nestor 1953: 83-68; Федоров 1960: 193-197). Поэтому трудно судить и о степени обоснованности некоторых положений авторов. Так, например, серая гончарная керамика, видимо, встречающаяся лишь в весьма небольшом количестве, могла быть и керамикой местного населения (правда, в этом случае остается неясным, где это население жило и где производило такую керамику), а могла быть наряду с золотой лунницей, стеклянными сосудами, высококачественными бронзовыми изделиями, бусинами и т.п., предметом византийского импорта, т.к. в этот период славяне, в том числе и обитавшие на севере Балканского полуострова, имели весьма тесные экономические и торговые связи с Византией и часто совершали походы на Византию.

Во взглядах автора раскопок и публикаций, в частности, Иона Нестора, на этническую при-

надлежность населения, оставившего могильник Сэрата-Монтеору, произошла своеобразная эволюция. В течение ряда лет И.Нестор определял этот могильник как славянский и отмечал в нем лишь отдельные элементы, которые могут быть связаны с романизованным и просто гето-дакийским населением (Nestor 1957: 289-325; Nestor, Zaharia 1957: 187-194; idem 1959: 511-518; idem 1960: 513-517; Nestor 1953: 83-68; Nestor 1961). Однако в последних работах им проведена полная переакцентировка или даже этническая переатрибуция могильника (Nestor 1973: 32-33). В этих последних работах могильник Сэрата-Монтеору объявляется, в основном, принадлежащим местному автохтонному романизованному гето-дакийскому населению и имеющим лишь отдельные незначительные славянские элементы в материальной культуре. Сделано это без какой-либо аргументации. Никаких новых раскопок на могильнике или публикаций уже полученных материалов не производилось. К сожалению, подобная этническая переатрибуция славянских памятников в памятники романизованного населения стала с середины шестидесятых годов, как будет показано ниже, весьма частым явлением в румынской археологической науке.

К VI-VII вв. н.э. относится и славянская керамика из районов Бухареста, Сучавы, Тыргул-Секуеск и др., к VII, видимо, относится славянский могильник с трупосожжением у с.Балта Верде (обл. Крайова)(Комша 1957: 310). К этому времени, видимо, относится и древнейший период использования могильника Сату Ноу (обл. Констанца)(Комша 1957: 311; Федоров 1960: 200-201). Уже на этом раннем этапе славяне достигли Дуная и в некоторых местах, перейдя его, поселились на правом берегу. В Добрудже раннеславянские жилища VI-VII вв. были открыты в Диногечи. Несколько позже, чем в других местах, а именно, в VII веке, видимо, не ранее его середины, появились славяне в Трансильвании. Одной из первых работ, посвященных славянам в Трансильвании, была статья Курта Хоредта, опубликованная в 1951 году (Horedt 1951: 189 etc.). Автор описывает славянскую керамику от VII до XII вв., найденную в Трансильвании в 50 различных пунктах, исследует ее в различных аспектах, выделяет 4 фазы ее существования, отмечая непрерывность бытования этой керамики на территории Трансильвании от VII до XII вв. Касаясь феодального периода (вторая половина I тыс. н.э. до установления венгерского феодального государства в Трансильвании), автор приходит к выводу, что «в продолжительном процессе этногенетических изменений и скрещивания наиболее значительным движением является проникновение и распространение славян, определившее картину социального и исторического развития, особенно во второй половине I тыс. н.э.». (Horedt 1951: 189). Дальше автор отмечает, что «... мо-

жет быть констатирована в прошлых исследованиях явная тенденция преуменьшения или желание обойти молчанием важное значение славян для истории Трансильвании. Это проявляется и в игнорировании археологических источников» (Horedt 1951: 189). К сожалению, эта тенденция, причем не только для Трансильвании, но и для всей территории Румынии возродилась с середины шестидесятых годов.

Если в Молдове, Мунтении, Добрудже славяне появились уже в VI веке, то появление славян в центре Трансильвании связывают с восстанием кутригуров против авар, происходившим в 631, 632, 637 гг. и сокрушившим господство авар. Перелом происходит начиная с 637 года, причем первая волна славян появилась в центре Трансильвании между 637 и 650 годами в долине Среднего Муреша и оставила памятники типа могильников Банду де Кымпие, Морешть, Молдовенешть и др. (Вако 1962а: 453-459).

По мнению М.Комши и К.Хоредта, на территорию Трансильвании славяне пришли в начале VII в. вместе с аварами (смешанные славяно-аварские могильники в Ношлаке, Банду и др.), либо самостоятельно продвигались с запада — из Словакии, из окрестностей Верхней Тиссы и со Среднего Дуная.

Судя по наличию на ряде поселений наряду со славянской керамикой керамики древних местных традиций, славяне, придя в Трансильванию, сосуществовали с местным населением (Комша 1970). Вообще вопрос о материальной культуре местного романизованного населения на территории Румынии в VI-VII вв. является довольно сложным. Сравнительно недавно, сначала для территории северо-восточной Мунтении, а затем для всей Мунтении и Олтении была выделена культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, датируемая VI-VII вв. и связываемая с местным романизованным населением, сосуществовавшим со славянами (Teodorescu 1964: 485-505; Комша 1970: 275-276). *

Виктор Теодореску, выделивший в северо-восточной Мунтении около 30 поселений этой культуры отмечает, что для нее характерны прямоугольные полуземлянки с печами-каменками и выделил 4 фазы ее развития:

* В работах В.Теодореску и М.Комши приведены и ссылки на археологические исследования и публикации, связанных с памятниками этой культуры, известными до 1964 г. Позже к культуре типа Ипотешть-Кындешть-Чурел были отнесены различными исследователями ряд памятников из Молдовы (памятники типа Костиша-Ботосань), в частности, с юга Молдовы, типа Братей в Трансильвании, а также из Мунтении ранее известные памятники (Дэмэроая, Лакул Тей, Фундень, Бэняса и др.) и вновь открытые поселения Сфинцешть, Дулчанка, большинство из которых являются бесспорно славянскими — Coman 1969а: 227 etc.; idem 1969b: 287-314; Constantiniu 1966: 655-678; Dolinescu-Ferche 1967: 123 etc.; idem 1969; Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia Em. 1970: 99-103.)

I — от второй половины V и до начала VI вв. — дославянская, характеризуемая посудой, сформованной на быстром гончарном круге позднеимского типа и лепными горшками и др. сосудами карпо-дакийского типа;

II фаза — середина VI в. — появление в связи с приходом славян лепной посуды славянского типа, наряду с гончарной керамикой римского типа. Это период дако-романско-славянского симбиоза;

III фаза — последняя треть VI — начало VII вв. — фаза максимального развития. Продолжение производства всех категорий керамики II фазы, и появление элементов, свидетельствующих о дако-романско-славянском синтезе. К концу фазы наблюдается появление сосудов, сделанных на медленном круге с примесью песка в тесте, с линейным и волнистым орнаментом — сосудов славянского типа;

IV фаза — VII век — романская культура снова принимает единый облик, что отражает ассимиляцию славян. По мнению В.Теодореску, культура Ипотешть-Кындешть-Чурел развивалась как ветвь позднеимско-византийской культуры и переросла в культуру местного населения т.н. «прото-Дриду», о которой см. ниже (памятники которой были открыты в Тыргшоре и Ваду Сапат). Наряду с интересными наблюдениями и самим фактом выделения новой культуры в работе В.Теодореску имеется ряд бросающихся в глаза методологических недостатков.

Так, необоснованным остается деление существования этой культуры на 4 фазы. Хронология этих фаз — утверждение автора, ничем не аргументированное по существу. Отсутствуют какие-либо статистические подсчеты для керамики и других элементов материальной культуры, позволяющих определить роль различных этнических элементов в ее создании, соотношение между этими этническими элементами и изменение этого соотношения. Отсутствуют доказательства перерастания этой культуры в какую-либо другую родственную ей более позднюю культуру романизованного населения. Отсутствуют доказательства того, что в VII веке, судя по археологическим данным, в ареале этой культуры закончилась ассимиляция славян романизованным населением. Нет и каких-либо доказательств единого романизованного облика этой культуры в VII веке.

Все это делает шатким не только основные этногенетические выводы В.Теодореску, но и тех исследователей, которые открывают аналогичные культуры на юге Молдовы, в Трансильвании, элементы этой культуры в типичной для центральной и северной Молдовы восточнославянской культуре и т. п.

Более сдержанную и осторожную характеристику Ипотешть-Кындешть-Чурел дает М.Комша (Комша 1970: 275-276). М.Комша отмечает, что в Мунтении и Олтении открыто свыше 60 поселений культуры Ипотешть-Кындешть-Чу-

рел, характеризует жилища, керамику этой культуры. М.Комша отмечает ее смешанный славяно-романский характер этой культуры, отразившийся и в жилищах, и в керамике, и в других элементах типов и особенностей, характерных как для дакийской, так и для позднеимской и для славянской культур. М.Комша приходит к выводу, что «все выше сказанное с предельной ясностью свидетельствует о существовании в рамках этих комплексов элементов местной дакийской и римской провинциальной традиций, к которым в течение VI в., особенно во второй половине, добавляется и славянский элемент» (Комша 1970: 276).

Далее М.Комша отмечает, что в славянском, по преимуществу, могильнике Сэрата-Монтеору (см. выше) в некоторых могилах имеются сосуды или черепки, характерные для местного романского населения, что указывает на связи славян с этим населением. Далее тот же исследователь сообщает, что в Молдове с чисто славянскими комплексами, распространенными прежде всего на севере и северо-востоке Молдовы, в ряде пунктов (Тырпешть, Костиша, Лозна, Ботошан и др.) открыты памятники, близкие к культуре Ипотешть-Кындешть-Чурел, свидетельствующие о совместном проживании местного населения и славян, и что родственная культура открыта и в Трансильвании (Комша 1970: 276).

Таким образом, М.Комша определяет эту культуру, как культуру смешанного романо-дако-славянского населения и вовсе не утверждает, что культура эта в VII веке имеет уже единый, чисто романский облик и свидетельствует о завершении ассимиляции славян романизованным населением. Еще более отличается от определения культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, сделанного В.Теодореску и принятого рядом румынских археологов, характеристика этой культуры, данная одним из виднейших европейских археологов академиком М.Дайковичу, который в своей известной работе «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований», опубликованной в 1968 г. (Daicoviciu 1968: 83-98), считает, что определение культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной к востоку от Олта, как автохтонной дако-романской, является большой ошибкой и преувеличением, и что материальная культура этого времени носила преобладающий славянский характер (Daicoviciu 1968: 90).

Таким образом, этническая интерпретация культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел в румынской науке не является однозначной, существует три версии ее этнической интерпретации, из которых две (М.Комша и К.Дайковичу) относительно близки друг другу, а одна (В.Теодореску и ряд других исследователей) находится с первыми двумя в серьезном противоречии. Эти две основные версии, два различных подхода в этнической интерпретации культуры Ипотешть-

Кындешть-Чурел, как увидим ниже, соответствуют двум различным концепциям этногенеза румын в современной румынской науке.

Прежде, чем перейти к следующему, также очень важному для изучения проблемы восточнороманского этногенеза периоду существования и развития в Карпато-Дунайских землях славянской и местной культур — VII-IX вв. н.э., необходимо дать краткую характеристику самой культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел.

Культура эта существовала в VI-VII вв. в ридунайской низменности (Мунтении, часть Олтении и, видимо, юг Молдовы), особенно на севере и в центре Мунтении. Поселения этой культуры (все неукрепленные) характеризуются прямоугольными полуземлянками с печами из камня или глины, реже с открытыми очагами, довольно бедным инвентарем и двумя большими группами керамики — лепной, в которой наряду с преобладающей посудой пражского славянского типа Прага-Корчак есть и вытянутые горшки (близкие к посуде и к сосудам из могильника Сэрата-Монтеору), иногда с налпами, характерными для дакийской традиции, и гончарные серые сосуды, сделанные в римско-византийских традициях. Последние связывают с местным дако-римским населением. Однако до сих пор отсутствуют статистические подсчеты для различных групп керамики, сопоставление гончарной посуды этой культуры с провинциальной византийской керамикой VI-VII вв. и другие данные, позволяющие обосновать соответствующие выводы, связанные с этническими определениями. Следует отметить, что гончарная керамика провинциально-византийского облика в наибольшем количестве встречается в области Плоешть (Комша 1970: 275) и на поселениях, расположенных ближе к Дунаю, к границе с Византийской империей, где и находились многочисленные византийские города и крепости, переживавшие в VI веке, особенно при Юстиниане, бурный расцвет всех видов материальной культуры, в том числе и гончарного ремесла. В ареале памятников культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел найдены и византийские монеты VI-VII вв. Следует отметить, что лепная керамика славянского облика на всех поселениях этой культуры резко преобладает над всеми другими видами керамики. Эта культура, видимо, просуществовала до конца VII в. Возможно, что это связано с тем, что именно в ареале этой культуры происходили основные столкновения славян и авар с Византией, а также с тем, что прорыв славянами византийской границы на Дунае привел к продвижению на юг огромных масс славян, которые увлекли в своем движении и население, жившее в долине между Карпатами и Дунаем. Во второй половине VII в. через эти земли с уже разреженным населением прошли кочевые орды тюрков-болгар во главе с Аспарухом, которые также принесли

серьезные опустошения и, вероятно, увлекали в своем движении в византийские земли остатки местного населения. В VIII — первой половине IX вв. в Мунтении и Олтении, видимо, существовало незначительное оседлое население, оставившее лишь редкие поселения.

Недавно была предпринята попытка связать между собой памятники культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел VI-VII вв. с памятниками культуры Дриду (определяемыми в качестве культуры местного романизованного населения) X в. при помощи биритуального могильника Изворул, открытого в Мунтении у с.Изворул на расстоянии 20 км к северу от Дуная, в районе Джурджу Бухарестская область (Mitrea B. 1967). Автор раскопок и публикаций Букур Митря, описывая суммарно 142 погребения из этого могильника (137 труположений и 8 трупосождений), датирует могильник VIII-IX в. и полагает, что могильник этот принадлежал местному романизованному населению, культура которого подвергалась влиянию авар со Среднего Дуная, протоболгар с Нижнего Дуная и Византии. Однако, те предметы, которые Б.Митря связывает с аварами и датирует VII-VIII вв. —

серпы, бронзовые браслеты с несомкнутыми, слегка утолщенными концами — могут быть датированы и более поздним временем, диапазон их бытования (VII-X вв.) весьма широк, а те вещи, которые имеют более узкую датировку — серьги в виде виноградной лозы IX-XI вв. и гончарная керамика, характерная для I Болгарского царства (красная и коричневая с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серая с пролощенным орнаментом) — скорее датируются IX — началом XI вв. Кроме того, в инвентаре могильника есть предметы, характерные для провинциально-византийских древностей, но нет ничего, что могло бы быть бесспорно отнесено к восточнороманским древностям. Сам по себе могильник Изворул в высшей степени интересный памятник конца I тысячелетия н.э., однако его датировка и этническая атрибуция представляются весьма спорными. Таким образом, в VI-VII вв. материальная культура подавляющего большинства оседлых поселений Карпато-Дунайских земель имела славянский характер и лишь отдельные элементы этой культуры могут быть связаны с дако-романской или гето-дакийской традициями.

Славяне VIII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях

Если для периода VI-VII вв. славянская материальная культура на территории Румынии, как и вообще в славянском мире, была довольно однородной, и различия ее в разных регионах страны лишь намечались, то в VIII-IX вв. эти различия уже выступают ясно, отражая ту поляризацию между различными ветвями славянства, которая происходила и все усиливалась ближе к концу I тыс. н.э. Весьма своеобразной была в этот период славянская культура на востоке страны — в Молдове и Восточной Мунтении. Культура эта, частично привнесенная в Молдову новыми массами славян, переселившихся с востока, частично развивавшаяся из местной славянской культуры VI-VII вв., носит ярко выраженный восточнославянский характер и получила название свое от одного из первых поселений, открытых в предместье г.Ясс — Хлинча. Открытия памятников этой культуры начались еще в конце сороковых годов. Сейчас их известно в Молдове около 100. На юг они доходят до Бырлада. Больше всего их известно в центральной Молдове (свыше 20 поселений вокруг г.Ясс и южнее его — Хлинча I, Куза Водэ, Доробанцу, Тодирешть, Спиноаса и др.), есть они и в северной Молдове — Сучава, Бухэешть и др.). Известны они и в восточной Мунтении (Ликотьянка, восточнее г.Бузеу, Курэтешь — восточнее Бухареста и др.). Ясские археологи, которым принадлежит основная роль в открытии и исследовании восточнославянских памятников в Молдове, датируют эти памятники VII-IX вв. и называют (вернее, называли до середины 60-х годов) комплексом культуры Хлинча-I-

Ромен-Брошево (Petrescu-Dîmbovița și col. 1953: 316-323; idem 1954: 233-255; Mitrea B. și col. 1954: 299-318; Petrescu-Dîmbovița 1954: 569-584; Petrescu-Dîmbovița, Nițu, Zaharia E., Dinu 1955: 687-712; Zaharia N. 1955: 287-295; Nițu, Teodor 1959: 485-493; Nițu, Zaharia E., Teodor 1960: 531-539; Petrescu-Dîmbovița 1958: 209-222; Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 103-122)*. В последней сводной работе об археологических памятниках Молдовы ясские археологи стали датировать культуру Хлинча I VI-X вв. и выделили три ее фазы: фаза Шипот-Сучава (VI-VII вв. — раннеславянская), собственно Хлинча (VII-IX вв. — преимущественно восточнославянская, к ней в Молдове относится 91 пункт) и фаза Протодриду — смешанная романо-славянская IX-X вв. (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 99-122). Нам данное выделение фаз, особенно третьей, представляется не подкрепленной фактическим материалом.

Основной исследователь древностей на территории Румынии М.Комша датирует культуру Хлинча I концом VII-IX вв. и называет ее культурой Хлинча I-Лука Райковецкая или Незвиско (Комша 1957; Она же 1970: 282-287; Comșa 1958: 73-89; idem 1959: 65-99; idem 1960: 159-166; idem 1968: 355-380; Комша 1963:

* Авторы насчитывают 91 пункт, в котором найдены древности, относящиеся к культуре Хлинча I. Славянские памятники в районе Сучавы, в том числе и типа Хлинча I исследовались в основном М.Матеем, которому принадлежит ряд работ (Matei 1963; Matei 1960: 375; Matei 1959: 409 etc.; Matei 1962: 149 etc.).

520) по украинским правобережным синхронным славянским памятникам. Это название и сопоставление представляется более точным, т.к. и территориально и типологически культура Хлинча I ближе к правобережным восточнославянским памятникам, распространенным и на территории Молдавской ССР и в верхнем Поднестровье, чем левобережным, находящимся между Днестром и Доном. Общая характеристика славянских древностей VII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях имеется в отечественной историографии (Федоров, Полевой 1973: 301-307). Славянские древности Румынии стали предметом острой дискуссии между известными румынскими археологами И.Нестором и М.Комшей.

И. Нестор выступил с развернутой статьей о роли славян в процессе этнических и культурных процессов второй половины I тыс. н.э. в Румынии и с критикой некоторых положений, выдвинутых М.Комша (Nestor 1959: 43-64; Ответ М.Комши см.: Comşa 1959; idem 1960). Констатируя наличие по археологическим данным славян на территории Румынии с VII в. н.э. (могильник Сэрата-Монтеору, пальчатые фибулы, найденные главным образом в долине Дуная в Трансильвании, могильники VIII в. у Нушфалуэ и Сомешень — Трансильвания), И.Нестор в противоположность М.Комше считает, что нельзя для VIII-IX вв. разделять западнославянскую культуру, восточнославянскую и южнославянскую и что культура Хлинча I не является восточнославянской, а выросла из местной славянской культуры VII в. типа Сэрата-Монтеору, что нельзя для VIII-IX вв. относить одни комплексы к восточнославянским, другие — к западным, оспаривает некоторые из датировок, например, конца культуры Хлинча I (по М.Комше — конец IX -начало X вв.) и начала Балкано-Дунайской культуры (по М.Комше — IX в.). Следует отметить, что дискуссия эта была весьма плодотворной и привела к формированию развернутой аргументации в пользу точки зрения М.Комши о наличии существенных различий в VII-IX вв. между западнославянской, южнославянской и восточнославянской культурами, позволила уточнить конечную дату культуры Хлинча I (IX век) и начальную дату Балкано-Дунайской культуры (также IX век). Мнение румынских ученых относительно ареала, датировок, этнической атрибуции и ряда особенностей славянской, в том числе и восточнославянской культуры не оставалось неизменным, о чем не раз придется упоминать по многим поводам.

Так, в одной из своих поздних работ «Проникновение славян...» (1970), посвященных этой проблеме, М.Комша определяет ареал восточнославянской культуры в изучаемом регионе таким образом: Молдова, Попрутье, от Бырлада и далее к северу, вся центральная и северная Молдова, затем восточная и юго-восточная Мунтения, главным образом, долина

Дуная. В более ранней работе М. Комша к варианту этой культуры относит и ряд памятников Центральной и западной Трансильвании (Comşa 1958: 85). Исследователь выделяет три фазы развития этой культуры, из которых первая характеризуется исключительно лепной керамикой, вторая — появлением лепной и гончарной керамики, причем среди последней исследователь выделяет горшки с линейно-волнистым орнаментом, которые она считает заимствованными от романизованного населения (Комша 1970: 282). Это мнение, как и само деление на три фазы представляется недостаточно мотивированным, тем более что горшки с линейно-волнистым орнаментом являются самыми типичными для всей славянской керамики, да и фактура у них соответствующая. М.Комша отмечает, что между славянскими памятниками и романскими была тесная связь, проявляющаяся, в частности, в том, что на поселениях культуры Хлинча I находятся гончарные серые и др. сосуды, характерные для культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел в Мунтении, а на поселениях этой последней есть лепные сосуды типа Хлинча I (Комша 1970: 282-283). К сожалению, отсутствие статистических данных и типологических корреляционных таблиц по различным типам керамики, равно, как сопоставления гончарной серой керамики с соседней провинциально-византийской, не дает возможности видеть прочной источниковедческой базы, на которой основаны выводы автора. Сопоставление же серой гончарной керамики VI-VII вв. и вообще второй половины I тыс. н.э., находимой на различных поселениях в Румынии с провинциально-византийской необходимо, ибо византийский экспорт в эти пограничные с империей районы имел место, был довольно широко развит, что и зафиксировано рядом исследований (Teodor 1980: 97 etc.) *.

Помимо открытых поселений с землянками прямоугольной формы и печами-каменками, полуземлянками, расположенными гнездами, известен и могильник с трупосождениями культуры Хлинча I у с.Кодрень близ г.Васлуй в Молдове. Культура Хлинча I всем своим обликом теснейшим образом связана с восточнославянской культурой Прутско-Днестровского междуречья, вообще восточнославянской культурой восточнее Прута и составляет с ней один комплекс. Какова же была судьба восточнославянского населения, носителей культуры Хлинча I? По мнению М.Комши, в Трансильвании восточнославянское население было ас-

* В этой работе для одной территории Молдавии зафиксированы 45 пунктов находок византийских вещей второй половины I тысячелетия н.э. (точнее, VI-XI вв.): амфоры, костяные изделия, серебряные серьги, фибулы, бусины, перстни, кресты, пряжки и т.д. Импорт из Византии был интенсивным в VI-VII вв., видимо, в связи с кризисом в империи. Византийский импорт в Попрутье отсутствовал.

симилировано романизованным и венгерским населением в XII в., а в другой работе она же пишет, что процесс этой ассимиляции закончился в X в. (Комша 1970: 325). На севере и в центре Молдовы восточнославянская культура Хлинча I, как и в Прутско-Днестровском междуречье, перерастает в славянскую культуру X-XII вв. На севере и в центре Молдовы, в частности, обнаружены помимо селищ и древнерусские городища с кольцевым валом и рвом, которые формой, размерами, конструкцией, видимо, и по всем категориям материальной культуры были подобны древнерусским городищам Прутско-Днестровского междуречья. Точное количество и местонахождение открытых городищ, к сожалению, не известно. Четко зафиксированы городища Фунду Херцей близ с. Дорохой, Баранка близ с.Доробань (оба на севере Молдовы) и Поянаку Четате близ г.Негрешть в Центральной Молдове. К сожалению, данные об этих городищах ограничиваются лишь краткими сведениями, их детальное обследование не производилось, небольшие раскопки были произведены лишь на городище Фунду Херцей.

Относительно этого городища М.Комша сообщает: «На территории Молдовы (имеется в виду румынская Молдова — правобережье Прута — Г.Ф.) памятники X-XIII вв., открыты до сих пор в небольшом количестве. Наиболее известными из них являются памятники, обнаруженные при раскопках городища у с.Фунду Херцей и селища Глинча II. Городище у с.Фунду Херцей имеет культурный слой типа Хлинча I, над которым находится городище IX-X вв. Как по керамике, так и по типу поселения, это городище связывается с аналогичными памятниками, известными в юго-западных районах УССР, вместе с которыми оно относится к восточнославянским племенам». (Комша 1957: 326 и сл.; см также Ambrojević, Popović 1945: 118-121).

С юга и из центра Молдовы восточные славяне были вытеснены в IX веке (в связи с экспансией I Болгарского царства) носителями Балкано-Дунайской культуры, в которых М.Комша видит славяно-болгарское и романизованное население. Пришельцы смешивались с восточными славянами и постепенно ассимилировали их (смешанную культуру М.Комша видит, например, на поселении Хлинча II). Граница между восточнославянскими и балкано-дунайскими памятниками в Румынской Молдове проходила вдоль долины реки Жижия, а на территории Молдавской ССР вдоль долины реки Бык (Федоров, Салманович 1970) *. Эта граница не была неподвижной, обе стороны подвергались взаимному влиянию. Процесс ассимиляции славян романизованным населением в Молдове закончился, видимо, в XI-XII вв. (Comşa 1958: 86), в то время, как на большей части территории

страны этот процесс завершился уже в X в. (Комша 1970: 286). В Молдове романизация шла как за счет южных элементов, проникших в X в. с территории бывшей Нижней Мезии, вообще с юга — носителей Балкано-Дунайской культуры, так и за счет пришельцев из Трансильвании, проникших в Молдову в XI-XII вв. (Comşa 1958: 86).

Славянские древности VIII-IX вв. и более позднего времени на территории Трансильвании изучались К.Хоредтом, М.Комшей, М.Макря, И.Ференцом и другими исследователями. В Трансильвании на протяжении VII-IX вв. продолжалось проникновение славян с запада из Центральной Европы. Причем наряду с обычными славянскими поселениями с прямоугольными полуземлянками и печами-каменками, с лепной и гончарной керамикой VIII в. (Морешть, Молдовенешть, Чипеу, Безид, Сэлашурри, Филиашь и др.), открыты и славянские могильники с трупосожжениями в Нушфалэу (р-н Шимлеу, с-в Кришаны) (Комша 1959: 525; Она же 1957: 314), в Сомешень (Масгеа 1959а: 515-522; idem 1959b; Комша 1957: 314; Макря 1958; Horedt 1958) и Апахиде (Комша 1970: 282) возле Клужа в северо-западной Трансильвании. Датирующиеся VIII в., они, вероятно, принадлежали западным славянам. Возможно, что появление этих могильников связано со славянами, находившимися под аварским господством, которые после разгрома авар франками в 795, 796 гг. бежали в области к востоку от Тиссы (Комша 1970: 282). Кроме могильников с трупосожжениями, в Трансильвании находятся и могильники с трупоположениями: расположенные в районе Кымпия Турзий-Тетюш. В материальной культуре этих памятников, наряду со славяно-аварскими чертами, есть и такие, которые связывают с местной романской традицией (Комша 1970: 280; Horedt 1958: 61, etc.). Это, в первую очередь, могильник у с.Чумбруд (у г.Аюд), датируемый концом IX-первой половиной X в. и, возможно, связанный с продвижением моравов в Трансильванию после разгрома венграми Великоморавского государства в 906 г. (Dankaničs, Ferenczi 1959: 605-615; Comşa 1959: 71). Аналогичные погребения найдены в Тэртэрии и в Лопадя Ноуэ возле Аюда.

К концу IX в. в Трансильванию, как и в Молдову, стали проникать и все более распространяться с юга памятники Балкано-Дунайской культуры и ее локальный (возможно, не только в культурном, но в этническом отношении) вариант — культура Буков, видимо, связанные с экспансией на север I Болгарского царства, в IX веке включившего в свои границы не только Добруджу, Молдову (значительную часть), но и Трансильванию (Horedt 1951; idem 1958), и вообще большую часть Карпато-Дунайских земель. Памятники этой культуры на территории Трансильвании изучались К.Хоредтом и М.Комшей (Комша 1957: 315-319; Comşa 1959: 78). Эти исследователи именно с экспансией I Бол-

* Любопытно, что в народных жилищах, одежде и т.п. определенное различие между южным и северным комплексами сохранилось до наших дней.

гарского царства связывают появление здесь в IX-X вв. памятников типа Блындиана, Себеш и др., а также типичных южнославянских топонимов: Целиград, Мойград, Бэлград, Злата и др., сохранившихся до сих пор в Трансильвании. Как считают эти исследователи, вместе с болгарами проникло в Трансильванию и романизованное население, усилив здесь романизованный элемент (Комша 1957: 316-318; Comşa 1959: 78).

Таким образом, в VIII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях продолжалось развитие славянской материальной культуры теми же путями, что и в остальном славянском мире. Определяются три славянских ареала в этом регионе:

небольшой западный в Трансильвании, довольно значительный восточнославянский в Молдове и самый большой болгарский или южнославянский, занимавший центральные регионы страны и все более распространявшийся по мере расширения границ I Болгарского царства. На ряде памятников, наряду с преобладанием славянской керамики, формой жилищ (прямоугольные полуземлянки с печами-каменками и т.д.), как будто бы выделяются типы серой гончарной посуды, сделанной в романско-византийской традиции и, возможно, принадлежавшей местному романизованному населению.

Славяне в Карпато-Дунайских землях в IX-XII вв. н.э. Общие концепции восточнороманского этногенеза в румынской археологической науке.

Завершающий третий этап восточнороманского этногенеза знаменателен среди прочего и тем, что на нем кончается период «ex silentio», т. е. «умалчивание» в письменных источниках со времен античности о романизованном или романском населении в Карпато-Дунайских землях (один из аргументов сторонников миграции или балканской теории в пользу позднего появления волохов в этих землях).

С первых веков II тысячелетия н.э. относительно X в. и позже, это романизованное население упоминается в русской летописи XII в. (конец IX-X вв.) под именем волохов, в различных византийских источниках X-XIII вв. под именем влахов и в венгерских источниках XII-XIII вв. и позже (древнейшее упоминание относится к X в.) под именем блахов или влахов.

О том, что волохи-влахи-блахи в X-XIII вв. (и позже) представляли собой именно романизованное население, тесно связанное со славянами и занимавшееся преимущественно пастушеством, кочевым и отгонным скотоводством на основании письменных источников достаточно четко доказано учеными, в том числе исследованиями последних лет (Королюк 1971а; Он же 1971б; Он же 1972а; Он же 1972б; Литаврин 1972).

Относительно интерпретации письменных источников, касающихся волохов, как уже упоминалось, существует огромная литература на многих языках мира. В нашу задачу не входит ее рассмотрение. Ограничимся лишь кратким изложением выводов из последних исследований отечественных историков, касающихся интересующих нас вопросов.

Г.Г.Литаврин посвятил специальную работу анализу византийских свидетельств о валахах X-XIII вв., в основном на территориях южнее Дуная на Балканах (Литаврин 1972).

Первое бесспорное и точно датированное свидетельство письменных источников о влахах относится к 980 г. н.э., и речь в нем идет о влахах Эллады. Оно содержится в сочинении византийского полководца XI в. Кекавмена.

Примерно к этому же времени относится и упоминание о влахах другого византийского автора XI в. Иоанна Скилицы, и речь в нем идет о влахах в Македонии, в пределах I Болгарского царства. Дальше до конца XIII в. термин «влахи» в византийских источниках применяется наравне с другими этнонимами. Впрочем, одно исключение все-таки есть. Анна Комнина в своей «Алексиаде» (конец XI в.) говорит, что кочевников «в просторечье называют влахами», т.е. ставит знак равенства между терминами «кочевники» и «влахи» (Анна Комнина 1965: 232). Нередки и отождествления влахов со скотоводами в источниках XIV-XV вв. вне зависимости от их этнической принадлежности. Однако, в византийских источниках X-XIII вв. влахи, за одним исключением, обозначают именно этноним, определенный этнос, обитавший в Эпире, Фессалии (особенно в ее северной горной части, пригодной именно для скотоводства), Халкидике, северо-восточной Болгарии, в районе нижнего течения реки Марица и на самом Балканском хребте. Источники часто характеризуют влахов, как скотоводов, имеющих летние пастбища в «горах Болгарии», а зиму проводящих в долинах Фессалии и т.д. Частично, волохи, жившие южнее Дуная в XI-XIII вв. оседали на землю (процесс, усилившийся в XIII-XIV вв.) и постепенно ассимилировались с греками и славянами. Однако, влахи нередко упоминаются на территории, входившей в пределы I Болгарского царства, а во II Болгарском царстве они составляли очень заметную группу населения, с самого начала основания этого царства, сыграв большую роль, едва ли не решающую, в восстании 1185 года против византийского владычества. После этого вплоть до 20-х годов XIII в. нередко влахами называлось все население забалканской Болгарии и Балканского хребта. В конце XII в. Фессалия составляла провинцию, получившую официальное наименование «Влахия» или «Великая Влахия».

Влахами же в конце XII в. и начале XIII не-

редко называли вообще все население II Болгарского царства. Лишь после окончания его формирования (около 1210 г.) термин «болгары» вытеснил термин «влахи». Итак, вообще, первые упоминания в письменных источниках владов, упоминания бесспорные и хорошо датированные, относятся к концу X в. н.э. и фиксируют их на Балканах, на землях южнее Дуная. Остается, однако, неясным, там ли сформировались влахи или пришли туда уже вполне сформировавшись где-то в конце I тыс. н.э., когда они впервые стали упоминаться в письменных источниках. Во всяком случае, с X по XIII век на территории южнее Дуная, в пределах I и, особенно, II Болгарского царства влахи составляли очень заметную, значительную часть населения. Известны они по письменным источникам и в других регионах южнее Дуная на территории Балканского полуострова. Но вот, что весьма знаменательно. Несмотря на то, что влахи южнее Дуная в течение ряда столетий составляли весьма значительную часть населения, игравшую большую роль в экономике, политических событиях и т.д., их материальная культура нигде в этих регионах не выделена. Для территории I Болгарского царства характерна именно его особая культура, в которой слились собственно славянская и салтово-маяцкая культура — т.н. Балкано-Дунайская. Для II Болгарского царства характерна провинциальная византийская культура, как и для остальной части Балканского полуострова. А вот специфической волошской культуры на территориях южнее Дуная, где это население бесспорно было в большом количестве, по крайней мере с X по XIII век, не выделено. Трудно переоценить значение этого факта, особенно учитывая, что эти регионы являются одними из самых интенсивно изучаемых в археологическом отношении. Для объяснения этого феномена нам придется обратиться к рассмотрению соотношения между материальной культурой и этносом применительно к территориям, расположенным к северу от Дуная. Пока же приведем наблюдение Г.Г. Литаврина о том, что по мере аграрного освоения долин Фессалии в XII-XIII вв. зомовища скотоводов здесь сокращались. «Даже в Фессалии — пишет Г.Г.Литаврин, — перед влахами, где их было особенно много, уже в конце XII-XIII вв. должна была встать дилемма: или уход в горы, или превращение в таких же земледельцев, какими были здесь местные греки и славяне. И, вероятно, большинство их предпочитало все-таки горы».(Литаврин 1972: 111).

Так обстояло дело в X-XIII вв. в землях, расположенных к югу от Дуная, на Балканах, судя по письменным источникам, датировка которых и достоверность никем не оспаривается.

Значительно сложнее обстоит дело с письменными источниками для территории, расположенной к северу от Дуная, для Карпато-Ду-

найских земель. Здесь постоянные и частые упоминания о волохах содержатся в различных венгерских документах, в актах венгерских королей, начиная с 20-х годов XIII в., есть много и других письменных источников этого и более позднего времени. Все они, однако, и тематически и хронологически выходят за рамки настоящей работы.

К наиболее известным о волохах (перед приходом венгров) в Карпато-Дунайских землях относятся два источника XII в.. Оба они впервые введены для подтверждения непрерывного обитания в этих землях романизованного населения со времен римской Дакии немецким ученым Иоганном Тунманом, сторонником автотонной или карпатской теории в 1774 г. (Thurman 1774).

Эти источники сообщают об обитании волохов и славян на территории Паннонии и Трансильвании, причем, с территории первой они были вытеснены венграми в X в.

Источники эти — «Повесть временных лет» и историческое сочинение «Деяния венгров» («Gesta Hungarorum»), принадлежащее перу анонимного нотариуса (секретаря) венгерского короля Бельи III, датированное обычно 1196-1203 гг., и как считают, автор его использовал более раннее историческое сочинение XI в. под тем же названием.

Волохи дважды упоминаются в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», впрочем, первый раз просто при перечислении народов «Афетова колена», без каких-либо хронологических и территориальных привязок.

Второе упоминание «По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви, где ныне Угорська земля и Болгарьска... Волохомъ бо нашедшем на словени на дунайския и седешемъ в них и насиляшемъ имъ...». (ПВЛ 1950: I, 11).

Следующее упоминание о волохах в «Повести» относится уже к 898 году, к рассказу о завоевании венграми Паннонии: Угры «пришедшие от вьстока и устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьское, и почаша воевати на живушя ту волохи и словени. Седяху бо ту прежде словени и волохове приша землю словенську. Посемъ же угри прогнаша вольхи, и наследша землю ту, и седоша съ словены, покорише я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска». (ПВЛ 1950: I, 21).

В сочинении венгерского Анонима сообщается о славянах и волохах, как о предвенгерском населении в Среднем Подунавье, в частности, о том, что имелось три волошко-славянских княжеств, во главе одного из которых стоял вождь или князь по имени Гела. Княжества были разгромлены венграми в ходе завоевания территории Среднего Подунавья, где до того жили славяне, болгары, влахи, римские пастихи. Сообщаются подробности боев, свиде-

ния о вооружении волохов (Шушарин 1961; Королюк 1972б: 149 и сл.)

Анализируя эти два источника, Иоганн Тунман пришел к выводу, что они свидетельствуют о том, что в конце IX — начале X вв. волохи — потомки романизированного населения римской Дакии продолжали обитать где-то в районе Трансильвании.

Однако, уже в 1781 году историк Франц-Иосиф Сульцер в своей двухтомной «Истории Трансильванской Дакии» (Полевой 1972: 55; Sulsar 1781-1782) выступил с резкой критикой интерпретации «автохтонистами» этих двух источников. Волохи «Повести временных лет» по его мнению — это франки империи Каролингов, за сто лет до прихода венгров отвоёвавшие Паннонию и Трансильванию у авар. Сведения же, содержащиеся в сочинении «Анонима», о существовании на этих территориях перед приходом венгров влахо-славянских княжеств, Сульцер посчитал просто фальсификацией, поскольку ни в каких других источниках нет упоминания об этих княжествах.

С тех пор и до настоящего времени в науке не прекращаются ожесточенные споры по поводу этих двух источников между «миграционистами» и «автохтонистами», причем аргументация сторон остается без каких-либо существенных изменений или добавлений. Есть сторонники обеих точек зрения и в советской исторической науке. Так, например, мнение и аргументацию Сульцера разделяет, в основном, В.П.Шушарин (Шушарин 1961; Он же 1972), а частично к «автохтонистам», как будет показано ниже, примыкает В.Д.Королюк. После рубежа IX и X вв. вплоть до середины XII в. волохи в письменных источниках в Карпато-Дунайских землях не упоминаются. Византийский историк XII в. Никита Хониат сообщает, что двоюродный брат императора Мануила I Андроник, пытавшийся овладеть престолом в 1164 г., бежал из константинопольской тюрьмы в Галицкую Русь. «Андроник перестал опасаться погони, поскольку уже избежал рук преследователей и достиг пределов Галиции, в которую, как в спасательное убежище стремился, тогда-то он и попал в тенета ловцов. А именно: схваченный валахами, до которых еще раньше докатилась молва о его бегстве, он был отведен назад к василевсу». (Цит. по Литаврин 1972: 103).

Источник спорный. Г.Г.Литаврин (1972) склонен считать, что влахи схватили Андроника на левом северном берегу Дуная. К нему присоединяется и В. Д. Королюк. Однако В.П.Шушарин (1972) убежден, что это событие произошло на правом берегу Дуная (т.е., к югу от этой реки), т.е. еще в пределах империи, пограничные посты которой располагались в это время по Дунаю. Нужно сказать, что сторонники обеих точек зрения опираются лишь на косвенные данные. Такие же споры идут и об этом свидетельстве Никиты Хониата и в зарубеж-

ной историографии, как и по отношению к некоторым другим свидетельствам византийских источников.

Последнее по времени и одно из самых интересных, хотя, как нам представляется и не бесспорным, исследованием трех вышеупомянутых источников XII в. принадлежит В.Д.Королюку. Проанализировав «Аноним» и указав на ряд имеющихся в нем неточностей, В.Д.Королюк приходит к следующему выводу: «Из сказанного только что не следует, разумеется, что влахо-славянских политических объединений в действительности никогда в Среднем Подунавье не было и не могло быть. Рассказы «Анонима» могут быть и своеобразным отголоском существования таких объединений в устной народной традиции. Однако, поскольку параллельных сведений о них в других источниках не сохранилось, вопрос этот остается открытым. Может быть, он будет решен впоследствии комплексными историко-археологическими исследованиями». (Королюк 1972б: 149).

Заметим, что такие исследования в Румынии до сих пор проведены не были, как впрочем, и в Паннонии. Если вопрос о существовании влахо-славянских княжеств в Трансильвании и Паннонии В.Д.Королюк считает открытым, то к самому факту обитания здесь волохов и славян, на основании свидетельств «Анонима» он относится с полным доверием: «Как бы то ни было, анализируемый нами источник дает полное право полагать, что в нем под именем «влахов», «римских пастухов» и «римлян» следует понимать одно и то же пастушеское романизированное население Среднего Подунавья». (Королюк 1972б: 157).

Проанализировав и сопоставив известия о волохах в «Повести временных лет», в сочинениях «Анонима» и Никиты Хониата, В.Д. Королюк приходит к выводу: «Итак, существование в Среднем Подунавье на левом берегу Дуная влахов-волохов в конце IX-X вв. и даже в XII в. полностью подтверждается тремя взаимодополняющими, но совершенно самостоятельными, независимыми друг от друга источниками XII-XIII вв. русского, византийского и венгерского происхождения» (Королюк 1972б: 140).

В общем, соглашаясь с выводами В.Д.Королюка, хочу отметить их излишнюю категоричность, так как ряд исследователей дают этим источникам иную интерпретацию.

Итак, с некоторой долей условности, можно считать, что, судя по письменным источникам, в конце IX-X вв. волохи, как определенный этноним, уже существовали, что они были очень близки со славянами (вступая с ними то в конфронтацию, то в объединения), но составляя особый этнос, и, наконец, что раньше всего они упоминаются на левобережье Среднего Дуная, в районе Трансильвании и Паннонии (из последней они были вытеснены венграми уже в конце IX-начале X в.). Таким образом, письмен-

ные источники дают основание для того, чтобы считать волохов потомками романизованного населения римской Дакии, центр которой находился именно в Трансильвании, а то, что волохи были именно романизованным населением, судя по письменным источникам, не вызывает никаких сомнений.

Каков же вклад археологии в решение этой проблемы?

Как было показано выше, материальная культура в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании, имела в последние века I тыс. н.э. и первые века II тыс. н.э., в основном, славянский характер. Один из основных исследователей истории Трансильвании, археолог Курт Хоредт в упомянутой уже работе «Целиград-Бландиана, район Орештие. Вклад в историю Трансильвании IX-X вв». выделяет четыре периода бытования славян в Трансильвании:

1. С начала проникновения славян в Трансильванию до середины VII в. после падения господства гепидов и ослабления авар, когда славян здесь почти не было;

2. С середины VII в. до первой половины IX в. — проникновение в Трансильванию славян из Словакии с запада, в частности, появление в конце VIII в. курганных могильников с трупосожжениями Нушфалэу и Сомешень;

3. От середины (первой половины) IX в. до второй половины X в. — период болгарской экспансии на север от Дуная, появление в Трансильвании славяно-болгарских памятников культуры I Болгарского царства и южнославянских топонимов, а также появление в конце IX в. в долине Муреша славянских погребений с трупоположениями — результат миграции из Словакии;

4. От начала IX в. до татаро-монгольского нашествия — включение Трансильвании в состав Венгерского королевства; ассимиляция славян румынами и венграми.

В известной работе «Славянская керамика в Трансильвании» К.Хоредт приходит к следующему выводу: «Исчезновение славянских племен отмечается накануне середины XII в. на основе установления того, что в саксонском диалекте не существует славянских элементов, поскольку в момент переселения этих колонистов в Трансильванию, начиная с 1150 года, ассимиляция славян закончилась». (Horedt 1951: 189). Любопытно, что вывод об ассимиляции славян «румынскими и венгерскими народами» накануне середины XII в. археолог К.Хоредт делает не на основе исследования памятников материальной культуры, а по косвенным лингвистическим данным.

В Молдову и Трансильванию, как уже упоминалось, славяно-болгарская материальная культура проникла с юга, в частности, из Добруджи. Исследуя поселение Диногечия (у с. Гарвэн в Добрудже) второй половины I и начала

II тыс. н.э., расположенное на месте римской и ранневизантийской крепости III-IV вв. н.э., М.Комша приходит к выводу, что керамика IX-X вв., обнаруженная в ряде жилищ этого поселения (вся гончарная — преимущественно горшки с линейно-волнистым орнаментом и серая посуда с пролощенным орнаментом) «...включается в ареал культуры, распространенной на большом пространстве на Балканском полуострове (Плиска, Мадар, Преслав и др.), в Добрудже и вдоль Дуная. По ареалу... эту культуру можно считать балканской и поздне-римско-византийской». (Комша 1957: 319).

Далее, анализируя керамику и жилища, М.Комша приходит к выводу, что в Диногечии в IX-X вв. преобладало славяно-болгарское население. «Существование славянского населения, — пишет М.Комша, — можно проследить до XII в. До исследования всего материала остается неосвещенным вопрос о существовании в этом поселении древнерумынского населения. Пока еще не выяснено, нужно ли связывать некоторые типы сосудов, по форме продолжающие поздне-римскую кухонную керамику с определенными древнерумынскими этническими элементами, или, скорее нужно считать, что славяно-болгарское население из Гарвена заимствовало эту керамику у древнерумынского населения окружающих областей». (Комша 1957: 323) *.

Падение гончарного производства в Диногечии во второй половине XI-XII вв. (конец существования поселения) М.Комша связывает с набегами кочевников-тюрок (Комша 1957: 323).

Подводя итоги исследования славянских древностей на территории Румынии, М.Комша писала: «В VI-VII вв. проникают на территорию нашей страны (Румынии — Г.Ф.) раннеславянские племена с керамикой пражского типа (Сэрата-Монтеору, Балта-Верде, Бухарест и его окрестности, Сучава, Тыргул-Секуеск). В конце VII-VIII вв. проникают славянские племена с запада (на территорию Трансильвании: Нушфалэу, Сомешень, Бистрица, Тоаркала и в Подунавье — Балта-Верде и Сатул Ноу). На территории Молдовы известны восточные славянские племена (культура Хлинча I — Лука Райковецкая)».

В IX веке во время экспансии первой болгарской державы на север от Дуная и на часть территории Трансильвании проникло на север с Балканского полуострова смешанное южнославянско-болгарское население и романское

* Следует отметить, что в 1967 г. был опубликован коллективный труд Г.Штефана, И.Барни, М.Комши и Е.Комши «Диногечия», т.1. (Dinogetia 1967: 1), и хотя в нем не содержится каких-либо качественно новых по сравнению с предыдущими публикациями материалов, авторы, в частности, автор раздела «Выводы» Г.Штефан, уже вполне уверенно говорят о сильных элементах древнерумынской материальной культуры на этом поселении.

население. Культура южных славян известна в поселениях городского типа Добруджи (Каменный вал, Гарвэн) и Подунавья, а также на территории Трансильвании в укрепленных поселениях: Бэлград, Целиград, Мойград и др. (Комша 1957: 327).

Годом позже М.Комша опубликовала уже не раз цитированную выше статью о восточных славянах на территории Румынии, в которой пишет о том, что на территории Румынии помимо славянских племен VI-VII вв., носителей культуры Пражского типа, известны и более поздние славянские племена — в Молдове — восточные славяне, носители культуры Хлинча I, в Трансильвании — западные славяне, на юге страны, а с IX в. на большей части ее территории на север от Дуная в период экспансии сюда I Болгарского царства, носители Балкано-Дунайской культуры (Comşa 1958: 73-75, 85).

Следует отметить, что в работах М.Комши впервые по археологическим данным были четко выделены и очерчены три ареала славянской культуры и славянского этноса на территории Румынии: восточнославянский в Молдове на востоке страны, западнославянский в Трансильвании и южнославянский-славяно-болгарский на юге страны, а с IX в. — на большей части ее территории, причем М.Комша считала, что эта культура, названная ею Балкано-Дунайской, принадлежала, видимо, смешанному южнославянско-романизованному населению.

Наличие западнославянских памятников в Трансильвании, восточнославянских в Молдове и Восточной Мунтении, южнославянских на юге страны, а с IX в. на большей части ее территории, не было результатом одновременного переселения каких-либо локальных групп. Пополнение этих трех центров за счет переселения западных славян в Трансильванию из Центральной Европы, восточных в Молдову и Восточную Мунтению из прилегающих юго-западных областей СССР и переселения южных славян с Балканского полуострова, из областей, расположенных к югу от Дуная, на большую часть Карпато-Дунайских земель и наложило свой отпечаток на всю последующую историю этого населения.

Наиболее сильным и охватывающим почти всю территорию страны было южнославянское проникновение, на востоке страны — восточнославянское, меньшим и по ареалу и по интенсивности было западнославянское. Завершающий этап этногенеза волохов не может быть принят без учета вышесказанного.

Нам представляется, что в начале этого этапа земледельческое славянское и пастушеское романизованное население проживало во все более тесном контакте между собой в Карпато-Дунайских землях, причем, можно предполагать, что, по крайней мере, часть восточнороманского населения постепенно осе-

дала на землю, переходя к земледелию, как это имело место на территориях к югу от Дуная.

После занятия венграми Паннонии, крушения I Болгарского царства, захвата нижнедунайской долины тюрками-кочевниками, распада Древнерусского государства, славяне, жившие в Карпато-Дунайских землях, оказались отрезанными от основных славянских центров и были, видимо, ассимилированы местным романизированным населением, которое пополнилось за счет переселения в эти земли пастушеского романизованного населения из территории, расположенной южнее Дуная, где, как показали исследования историков, на территории Мезии существовали крупные очаги романизации (Рикман 1976; Златковская 1978) в античное время, а позже, на территории Мезии (Аурелиановой Дакии) была сформирована византийская фема Паристрион, население которой состояло из влахов и болгар.

Таким образом представляется завершающий этап формирования восточнороманской народности — волохов. Примерно так представляли его и румынские ученые, что нашло свое отражение в академическом издании «История Румынии», вышедшем в 1960 г. в Бухаресте (Istoria României 1960: I; 1962: II). Относительно того, где, как и когда происходил этот завершающий этап формирования волохов или восточнороманской народности (по терминологии румынских ученых — проторумын, древних румын или просто румын), в румынской археологической науке всегда, во всяком случае, до последнего времени, существовали различные точки зрения.

Подавляющее большинство румынских археологов считает балкано-дунайскую культуру культурой этого проторумынского или древнерумынского населения. На краткой характеристике ее нам придется остановиться*.

Пройдя степи Северного Причерноморья, кочевые тюркские племена болгар под предводительством Аспаруха во второй половине VII в. пересекли Дунай и обосновались между Балканскими горами и Дунаем, а также в Добрудже, подчинив жившие там славянские племена. Тюрки-пришельцы были довольно быстро ассимилированы местными славянами, и уже в IX веке существовал славянский болгарский язык и письменность (Ангелов 1971). Процесс этнической консолидации славяно-болгарской народности сопровождался смешением собственно тюрко-болгарской и славянской культур и этносов, причем первые контакты между тюрками-болгарами и славянами начались, видимо, еще до образования I Болгарского цар-

* Характеристику Балкано-Дунайской культуры см.: Федоров, Негруша 1979.

* В книге опубликовано 16 могильников с кремацией, 24 биритуальных могильника с ингумацией по языческому обряду, 8 могильников с кремацией и по христианскому и 45 — христианских.

ства и на территориях гораздо восточнее Дуная, что облегчило и ускорило в пределах царства процессы ассимиляции болгар-тюрков славянами. Накануне сложения южнославянской болгарской народности памятники основных слагающих ее элементов — болгаро-тюркского и славянского — существовали уже раздельно (Въжарова 1976) **.

Это, с одной стороны, болгаро-тюркские погребения с ингумацией по языческому обряду и характерные сосуды, в том числе серые с проложенным орнаментом (например, могильники Нови Пазар, Бдинци и др. в северо-восточной Болгарии), а с другой стороны, типичные славянские погребения с остатками кремации и обычными славянскими горшками-урнами (могильник Попина, Разделна и др.) (Въжарова 1976), оседлые славянские поселения (например, нижний горизонт Попина, почти все поселения южной Болгарии и т.д.). Болгары-тюрки принесли на Балканский полуостров юртообразные жилища, обряд ингумации, специфическую керамику: серые, желтые, оранжевые кухонные горшки шаровидной или яйцевидной формы с линейно-волнистым орнаментом, покрывавшим большую часть тулова, часто с вертикальными полосами орнамента, а также серую керамику с проложенным орнаментом. Культура болгар-тюрков сложилась гораздо восточнее Подунавья, в Приазовье и в Подонье, где она достигла расцвета в VIII-IX вв. и известна под названием салтово-маяцкой по первым памятникам, открытым на Дону. Тюрко-болгары пришли на Дунай в VII в. н.э., т.е., до периода расцвета салтово-маяцкой культуры, чем, по нашему мнению, помимо тесного симбиоза со славянами, и объясняются наличие наряду с общим сходством и некоторых различий между салтово-маяцкой и Балкано-Дунайской культурами. *

В период I Болгарского царства (конец IX-начало XI вв.) ареал Балкано-Дунайской культуры и граница этого царства, в основном, совпадают. Они, помимо Болгарии, включают почти всю территорию Румынии и южную степную часть Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная. Для Балкано-Дунайской культуры характерна оседлость, преобладающая роль земледелия, полуземляночные прямоугольные жилища с печами-каменками, реже — с очагами, очень редко юрты, распро-

страненные у славян украшения, до принятия христианства в 865 г.н.э. — сочетание обрядов ингумации и кремации, наконец, своеобразный керамический комплекс, в котором преобладают сосуды славянской традиции и в меньшей степени сосуды салтово-маяцкой традиции (до 30% на поселениях). Расцвет Балкано-Дунайской культуры или культуры I Болгарского царства падает на IX-начало XI вв. (датировка по византийским монетам и византийским изделиям из Диногечи и др. памятников). В Балкано-Дунайской культуре, особенно в керамике, нашли яркое отражение два этнических элемента, из которых сложился болгарский народ (славяне и тюрки-болгары). Третьим слагаемым этой культуры была провинциально-византийская культура, привнесенная населением византийских городов и поселков, вошедших в границы I Болгарского царства.

Территория Добруджи вошла в границы I Болгарского царства на самом раннем этапе его существования и постепенно, по мере расширения экономического и политического влияния I Болгарского царства, включения в его состав все новых территорий, расширялся и ареал Балкано-Дунайской культуры, которая в период высшего расцвета занимала обширные территории между Балканами и Карпатами с юга на север и от Сербской Моравы и Тиссы на западе до Черного моря на востоке. Территория Румынии почти целиком, кроме северо-западной части Трансильвании, Марамуреша и северо-востока Молдовы (там продолжала существовать восточнославянская культура) вошли в ареал этой культуры. Падение I Болгарского царства в начале XI в. привело к сокращению ареала этой культуры, ее постепенному упадку и прекращению существования.

На территории Румынии памятники Балкано-Дунайской культуры появились в IX веке н.э. прежде всего в Добрудже и юго-восточной Мунтении. Таковы могильник близ Истрии (биритуальный — ингумация тюркского типа и кремация славянского), поселения в Камене, Мургиоле и др. в Добрудже, Мэркулешть, Георге Дежа, Мэнэстрия в Мунтении, Челей в Олтении.

В конце IX-начале X вв. памятники Балкано-Дунайской культуры распространились, как уже было отмечено, почти по всей территории Румынии (могильники Кастелу, Султана и Сату Ноу в Мунтении, Бландиана на юге Трансильвании, десятки поселений в различных районах страны). Балкано-Дунайская культура в целом однородная на всем своем ареале, имеет, однако, в Румынии некоторые специфические особенности: меньше, чем в Болгарии византийское влияние, наличие наряду с преобладающим южнославянским и западнославянского влияния в Трансильвании и восточнославянского в Молдове, где помимо поселений Балкано-Дунайской, восточнославянской и смешанной культур в IX-X вв. и позже в X-XIII вв.,

* Балкано-Дунайская культура в Карпато-Дунайских землях наряду с очень большим сходством с собственно салтово-маяцкой имела и ряд отличий: почти полное отсутствие юрт, иная форма многих очагов, иные детали обрядов погребений, значительно больший славянский компонент (в какой-то мере он есть и в собственно салтово-маяцкой культуре), что выражается в преобладании или очень большом проценте полуземлянок, в керамическом комплексе, вещевом ассортименте и т.д. — см. Плетнева 1967: 51-61, 71-102 и сл.).

видимо, продолжал существовать ряд поселений на базе смешения обеих этих культур и этносов. Крушение I Болгарского царства, наступление кочевников-печенегов, тюрков, половцев, а затем и татаро-монгол, обосновавшихся в нижнедунайской низменности к северу от Дуная, привели к разрушительным последствиям для культуры юга Молдовы, Олтении, запада Кришаны и Баната. Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства продолжалось более или менее последовательно в хорошо защищенных районах Трансильвании, предгорьях и холмистых областях, в частности, в холмистой и лесной центральной и северной Молдове, Добрудже, вновь захваченной византийцами в конце X в. и опоясанной цепью крепостей.

Большинство же румынских археологов видит в Балкано-Дунайской культуре (или культуре Дриду, как ее называют) культуру восточно-романского населения, причем существуют две различные интерпретации этой культуры. В 1956 году И.Нестор и Е.Захария начали раскопки селища у с.Дриду на берегу реки Яломица возле города Урзичень в области Плоешть. Это поселение и аналогичные ему поселения были объявлены авторами раскопок поселениями древнерумынскими. Раскопки поселения Дриду продолжались несколько сезонов (Nestor 1958; Nestor, Zaharia E. 1959a; Nestor, Zaharia E. 1959b; Nestor, Zaharia E. 1960) и завершились изданием специальной монографии (Zaharia E. 1967), а также интерпретацией и теоретическим обоснованием этнической атрибуции памятника и вообще культуры Дриду — Балкано-Дунайской культуры (Nestor 1962; idem 1964; idem 1960; idem 1969; idem 1970; idem 1973; Zaharia 1971).

На южном берегу озера Комэна и на берегу р. Яломицы северо-восточнее Бухареста у с.Дриду открыто неукрепленное поселение с прямоугольными в плане землянками, с одним или несколькими очагами или печами-каменками (обычно против входа, в левом дальнем углу). Гончарная керамика обычного для сельских поселений I Болгарского царства облика: преобладающая красная или коричневая окислительного обжига с углубленным линейно-волнистым орнаментом (80-90%), серая с ручками восстановительного обжига с пролощенным орнаментом (вертикальные линии, сетка и др.) салтовского облика, провинциально-византийская керамика, в том числе амфоры с византийскими клеймами. Протяженность селища около 1 км. Землянки расположены гнездами, видимо, по группам родственных семей. Различаются две фазы существования жилищ: более ранние больших размеров, глубже, чем более поздние. Датируется поселение второй половиной X в., как и вся культура. Обитание на поселении прекратилось, видимо, в результате нападения печенегов. Всего открыто 11

землянок, из них 7 ранних — с очагами, обожженными камнями и 4 поздних — с печами-каменками. Кроме того, найдены железные ножи, костяной наконечник стрелы и т. д.

Следует отметить, что по всем решительно элементам материальной культуры поселение Дриду, как и другие аналогичные ему поселения на территории Румынии, ничем не отличаются от сельских поселений I Болгарского царства, находящихся на территории Болгарии, в частности, в ее северной части — в центре царства.

В настоящее время на территории Румынии открыты уже сотни подобных поселений.

Так, на поселении у с.Александрия (область Бухарест), датированном авторами IX-X вв. н.э. открыты три полуземлянки с печами-каменками, орудия труда, горшки с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серые с пролощенным (вертикальные линии, сетка) орнаментом. Авторы справедливо сопоставляют это поселение с другими, находящимися к северу от Дуная (Гогошары, Пруду, Гряка, Тирноги, Хчинчу) и с поселениями, находящимися к югу от Дуная — в Болгарии, в частности с. Плиска (Mitrea V., Preda 1959: 175-178). К этой же культуре X века относит В.Зирра поселение, открытое в 50 км к юго-востоку от Бухареста между селами Иляна и Подури. Там найдены полуземлянки с глинобитными печами, находящиеся вне жилищ круглые печи с мощным подом (аналогичные раскопанным на древнерусских поселениях в Алчедаре, Руди и др. городищах Прутско-Днестровского междуречья). Гончарная керамика делится на три категории: 1 — 75-80% от общего количества керамики — баночного типа горшки окислительного обжига с линейно-волнистым орнаментом, иногда с клеймами на дне; 2 — 15-20% — серая керамика, часто шарообразная, восстановительного обжига с орнаментом из пролощенных линий; 3 — прекрасно обожженная керамика из каолина, покрытая красным помпейским ангобом — византийский импорт. Поселение датировано X в., по аналогии с первым уровнем поселения Гарвэн (Диногоция) и вторым уровнем Капидавы, где найдена такая же керамика вместе с византийскими монетами второй половины X в. (Zirga 1959: 501-509).

В.Теодореску, в упомянутой выше работе «К вопросу о культуре Ипотешть-Кынदेशть в свете археологических исследований в Мунтении» (Teodorescu 1964) утверждал, что культуре Дриду (датированной X в. н.э.) предшествует культура Прото-Дриду, памятники которой были выявлены и тогда еще не опубликованы в Тыргшоре и Ваду Сапат, что печи-каменки (они открыты в полуземлянках в этих пунктах) вообще не славянского происхождения, что они, якобы, есть у местного населения еще в IV в. н.э., как и глиняные сковороды, не приводя, впрочем, никаких фактов, подтверждающих это.

К культуре Дриду были отнесены нижние

слои крепости в низовьях Дуная на острове Пэкуял луй Соаре (Vilceanu 1963), ряд поселений в районе г.Олтеница, у с.Рение, а также Валя Попий (р-н Радовану), Сэличоара (р-н Куркань) (Morints, Ionescu 1968), Каменный вал в Добрудже также, как полагают, был воздвигнут местным населением носителей этой культуры для защиты от Византии. Вал этот пересекает Добруджу посередине между гг. Констанца и Черновода. Как полагает П.Дьякону, вал был возведен между 976 и 992 гг. н.э. (Diaconu P. 1965).

К культуре Дриду относят и погребения с трупоположениями, датируемые X в. н.э., открытые в Шейтине (р-н Арад), где наряду с гончарной посудой, обычной для Балкано-Дунайской культуры, есть и ряд изделий (поясные фигурные пряжки), часто находимых и в памятниках салтово-маяцкой культуры и на древнерусских поселениях, например, в Екимачах и Алчедаре (Marghitan 1965).

К культуре Дриду относят и керамику, найденную в пещерном монастыре Басарабь в Добрудже (Barnea 1962: 349-371), где обнаружены обычные для этой культуры три типа посуды: горшки с линейно-волнистым орнаментом окислительного обжига (большинство), серые сосуды восстановительного обжига с проложенным орнаментом и византийская керамика (раскрашенные и поливные сосуды и амфоры) и т.п. Представляют интерес найденные у с. Дитэру (р-н Георгень) 11 камней со знаками, большинство из которых являются балкано-дунайскими знаками времен I Болгарского царства и свидетельствуют о существовании здесь власти этого царства. Видимо, болгары проникли в Карпаты не только с запада через долину р. Муреш, но и из Валахии — через юго-восточные проходы, а затем по долине реки Олт на север, по крайней мере, до Георгень (Вако 1962b: 461-465).

Особенно полно оказались разработаны вопросы, связанные с культурой Дриду на востоке страны — в Молдове, т.е., в той области в Румынии, где эта культура появилась позднее, чем на юге (кроме юга Молдовы) и вообще в Дунайской долине. Отдельные элементы, связанные с этой культурой, появились еще на восточнославянских поселениях типа Хлинча I, а затем распространились и поселения собственно Балкано-Дунайской культуры или культуры Дриду: Шендрень близ Галаца, Дэнешть близ Васлуя, Спиноаса близ Ясс, Иоанешть близ г.Ботошань в северной Молдове, причем на некоторых поселениях, например, Дэнешть и Спиноаса сосуществуют элементы культуры Дриду и восточнославянской культуры *.

Поскольку культура Дриду датируется И.Нестором и Е.Захарией второй половиной X в.

* Впрочем первоначально румынские археологи определили поселение Спиноаса как чисто восточнославянское (см. выше).

(позже и началом или большей частью XI в.) в Молдове, как и в других областях Румынии был выделен этап «Прото-Дриду», характеризующийся для Молдовы сочетанием лепной керамики из грубого теста славянского типа и гончарной керамики обычных для Балкано-Дунайской культуры типов (с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серая с проложенным орнаментом). Всего на территории Молдовы выделено 78 пунктов с находками, характерными для этапа Прото-Дриду, датируемых IX-X вв. (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 118-122). Наиболее характерны для этого этапа уже упоминавшиеся селища Спиноаса и Дэнешть, а также селище Друмул Национал-Сучава. Этот период яскими археологами определяется как период совместного проживания славян и местного автохтонного романизованного населения (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 122).

Собственно культура Дриду по И.Нестору и Е.Захарии — вторая половина X в., по Д. Теодору — IX-XI вв., по Н.Захарии, М.Петреску-Дымбовица и Ем.Захарии — X-XII вв..

Развернутое детальное описание и классификацию памятников культуры Дриду (Балкано-Дунайской) на территории Молдовы предпринял Дан Теодор (Teodor 1968; idem 1973).

Это тщательное детальное исследование состоит из следующих разделов: задача исследования культуры Дриду; краткая история открытий и исследований; поселения и жилища культуры Дриду; могильники культуры Дриду IX-XI вв. (Спиноаса, Дэнешть, Шендрень и др.), а также ряд поселений VIII-IX вв., которые он определяет как Прото-Дриду (Мирослава Яссы, Сучава-Друмул Национал, Ойтуз-Бакэу и др.) **

Д.Теодор отмечает, что поселения культуры Дриду расположены так же, как поселения культуры Хлинча, что для них характерны, в основном, полуземлянки (иногда встречаются землянки или наземные жилища) прямоугольные с прямоугольными очагами или печами из камня и глины, хозяйственные ямы. К культуре Дриду относит Дан Теодор и ряд могильников IX-XI вв. из Молдовы, один из которых с остатками кремации (Кодрень), а остальные — с ингумацией, совершенной как по языческому (Пробота, Холбока, Бырлад), так и по христианско-

** Отметим, что Н.Захарией, М.Петреску-Дымбовица и Эм.Захарией поселения Спиноаса, Шендрень, Дэнешть определяются, как принадлежащие к ПротоДриду, а поселение Сучава-Друмул Национал автором раскопок М.Матеем определяется как славянское (Matei 1959: 409-439). В более ранней работе Д.Теодор определял поселение Спиноаса как чисто восточнославянское. Вот, что он писал: «Спиноасский археологический комплекс входит в ряд ранее открытых в Молдове поселений — Хлинча, Сучава, Доробанцу. Группа, открытая на молдавской территории, носит характер славянской культуры Ромен-Борщевского бассейна, датированной VIII-IX вв.» (См. Nițu, Teodor 1959: 485-493, 492).

му (Арсура-Хушь) обрядам. Детально анализируются и различные изделия как местные, так и привозные — византийские из металлов, глины, камня, кости, стекла, клады и отдельные византийские монеты (VIII-XI вв.), особенно подробно анализируется керамика, выделяются 4 категории (три местных и одна привозная — византийская) по составу теста и технологии производства, с указанием на процентное соотношение между различными категориями керамики. Первые 2 категории, различающиеся, в основном, по составу теста (в первой, преимущественно, примесь песка, во второй — шамота), составляют 80% от всего керамического комплекса, это, по преимуществу, горшки с линейно-волнистым орнаментом, обжиг окислительный. Третья категория — серые сосуды, обжиг восстановительный, орнамент — пролощенные линии, составляет соответственно 20%, четвертая категория — всего несколько фрагментов керамики белого цвета, из каолина высокого качества, привезена из Добруджи, византийская. Между посудой первой и второй категории есть промежуточные типы, содержащие примесь обоих видов (песок и шамот), в керамике 1 категории кроме песка встречаются примеси дробленного известняка и мелкого гравия. Горшки Д.Теодор подразделяет на 7 типов, отмечая для каждого типа характерную категорию состава теста и другие характерные особенности (форма, орнамент и т.д.), в том числе и такие, которые, по мнению автора, свидетельствуют о местном (романском) происхождении того или иного типа. Судя по описанию и фотографиям, типы 5 и 6 по составу теста, восстановительному обжигу, серому или желтому цвету, формам, орнаменту (пролощенные линии) и т.д. являются сосудами салтовомаяцкой традиции (по нашему мнению), наконец, 7 категория представлена котлами из глины, которые, по мнению Д.Теодора, характерны для кочевников (печенегов и половцев) и свидетельствуют о связях с ними. Д.Теодор отмечает, что на поселениях культуры Дриду в Молдове, где наряду с керамикой Дриду были найдены и фрагменты котлов, нет четкой стратиграфии, однако в долине Дуная и Добрудже, такие котлы найдены в слоях X-первой половины XI вв. и появление их, видимо, связывается с проникновением сюда печенегов. Классификация керамики отличается тщательностью и детальностью, обычными для этого исследователя, однако те черты, которые автор выделяет как характерные для местного романского населения, представляются нам отнюдь не бесспорными. Так, на стр.269 автор пишет: «Другой важный элемент в орнаменте горшков Дриду — каннелюры, элемент древней местной традиции». Однако, каннелюры в этот период широко использовались, например, на керамике соседней Византии, и могли попасть в местную керамику под влиянием византийской

провинциальной керамики, в условиях довольно широкого влияния (импорта) из Византии, и того обстоятельства, что в X веке Добруджа была снова захвачена Византией.

В разделе, посвященном хронологии культуры Дриду, Д.Теодор говорит о сложности установления этой хронологии, о том, что, хотя жилища Дриду ни разу не оказывались прямо над жилищами культуры Хлинча I, но в ряде случаев поселения культуры Дриду располагались над поселениями культуры Хлинча I.

На стр.270 автор пишет: «Местное развитие культуры Хлинча I в Молдове на протяжении VII-VIII вв. было возрастающим и сопровождалось в этот период параллельным изменением культуры в связи с важнейшими изменениями в этнической структуре (в этническом составе) местного населения, связанным с участием и присутствием определенных групп славян на территории Молдовы. Постоянная связь с романским населением Трансильвании и Нижнего Дуная не могла иметь другого результата, как сохранение восточных районов Румынии в сфере романо-византийского и византийского влияния. Существование денежного византийского обращения в VI-VIII вв. в Молдове не менее важно, чем наличие других романо-византийских элементов в материальной культуре и ясно доказывает, что проникновение и частичное оседание славян к северу от Дуная не имело постоянным следствием отрыв северо-дунайских областей от византийских романцев».

Данное рассуждение и вывод представляются нам в высшей степени спорными. Наличие византийских монет и византийских изделий на территории к северу от Дуная свидетельствуют о византийском импорте, византийском, а не романо-византийском и никак не может свидетельствовать само по себе о связях с византийскими романцами, о том, что Молдова в этот период была заселена романским населением. Ведь если считать, что наличие византийских монет и предметов византийского импорта в той или иной области свидетельствуют о том, что эта область была заселена восточными романцами, то ареал их распространения окажется прямо таки необъятным и никак не объяснимым.

К местной романской керамике Д.Теодор относит для VIII в. гончарную посуду с линейно-волнистым орнаментом, с примесью песка и мелкого дробленого гравия, а также керамику серо-черного цвета, отличной выделки, украшенную каннелюрами (в Молдове найден 1 фрагмент такой керамики). К местной керамике типа Дриду автор относит и гончарную керамику серого цвета с примесью песка, найденную в землянке А на поселении Хлинча I со славянской лепной керамикой, как в Сучаве, Бытка Ойтуз и др., датируемых VIII веком. Однако остается неясным, почему эта местная романская, а не провинциально-византийская керамика, а

если местная романская, то где и как ее производили, формовали, обжигали.

Д.Теодор датирует собственно культуру Дриду в Молдове IX-XI вв. и отмечает, что для нее характерны неукрепленные поселения (лишь на севере Молдовы есть несколько городищ, например, Фунду Херцей (раньше определялось как славянское — Г.Ф.), с прямоугольными полуземлянками, реже землянками и наземными жилищами, с печами из камня и глины или очагами, с различными формами хозяйственных ям, с могильниками с кремацией (Кодрень — VIII-IX вв.) или ингумацией — X-XI вв. Среди изделий встречаются украшения (серьги в виде виноградной грозди, пятилучевая серьга, бубенчики, византийские монеты IX-XI вв.). Керамика только гончарная, вышеописанных типов и категорий. Д.Теодор выделяет несколько фаз развития культуры Дриду в Молдове от появления элементов этой культуры в культуре Хлинча в VIII-IX вв. (Прото-Дриду) до расцвета этой культуры со второй половины X в. и последней фазы ее существования в конце X-начале XI вв., датируемой в ряде поселений (Шедрень, Диногечия, Сэрэчень-Мургень, Гиперешть, могильник Арсура-Хушь) керамикой и византийскими монетами Романа III (1028-1034).

В заключение автор приходит к выводу, что изучение культуры Дриду в Молдове показывает, что прото-румынская народность занималась ремеслами и сельским хозяйством, кузнечным делом, металлургией и т.д. Византийское монетное обращение и предметы византийского импорта свидетельствуют о связях местных жителей с византийским миром. Эти местные жители — прото-румынская народность — сохранила в своей культуре много докроманских традиций. В то же время материальная культура Молдовы VI-XI вв. имеет сходство с культурой других римских провинций.

Классификация различных категорий древней культуры Дриду сделана Д.Теодором на основании раскопок 20 поселений, ряда могильников и сбора подъемного материала со 139 памятников, и сделана с обычной для этого ученого тщательностью, однако его выводы, касающиеся этнических проблем, представляются нам весьма спорными, не опираются на должную аргументацию и фактический материал.

Через пять лет, в 1973 году Д.Теодор опубликовал новую работу, посвященную определению этнической принадлежности носителей культуры Дриду и вообще проблемам этнической истории на территории Румынии в I тыс. н.э. (Teodor 1973). Следует признать, что по сравнению с предшествующей работой этого же исследователя (о которой см. выше), данная работа и в методологическом отношении и во всех остальных является шагом назад. Не утруждая себя каким-либо доказательством, Д.Теодор объявляет черняховскую культуру (Сынтана де

Муреш) типичной позднеимперской провинциальной культурой (а, следовательно, ее носителей — романизованным или романским населением), утверждает, что якобы культура Ипотешть-Кындешть-Чурел в Валахии из черняховской культуры (VI-VII вв.) затем трансформируется в VIII веке в культуру Протодриду, а затем и в Дриду. Таким образом, без всяких доказательств и без всяких на то оснований все основные культуры I тыс. на территории Румынии связываются в одну эволюционную цепь и носителями их всех объявляется романизованное население. Славяне же, по утверждению Д.Теодора, придя в VI веке на территорию Румынии, принесли настолько примитивную материальную культуру, что не оказали никакого существенного влияния на развитие местной материальной культуры древнерумынского населения, быстро ассимилировавшего пришельцев.

В 1969 году были опубликованы две статьи Г.Коман, специально посвященные вопросам этнической истории по итогам исследования археологических памятников V-XI вв. на юге Молдовы (Coman 1969a: 227 etc; idem 1969b: 287-314; idem 1971: 479-497). Г.Коман считает всю материальную культуру на юге Молдовы в V-XI вв. результатом развития местного романского населения, испытавшего некоторое влияние славян и романо-византийского мира и делит эту эпоху на пять периодов:

1. Период V-VI вв. — памятники типа Костиша-Ботошана в Молдове, Ипотешть-Кындешть в Мунтении и Братей в Трансильвании. Лепная керамика, в частности, высокие горшки с защипами по венчику, имеющие облик дакийской посуды. В гончарной керамике прослеживаются черты керамики Черняховской-Сынтана де Муреш, свидетельствующие о преемственности в развитии культуры и этносе (Додешть, Бырлаешть и др. поселения). По мнению Г.Коман, для этого периода характерна непрерывность существования и единство местной автохтонной культуры и населения. Остаются неясными сами принципы выделения этого периода, основания датировки его V веком, отнесение высоких вытянутых лепных горшков с защипами по венчику, столь характерных для славянской керамики VI-VII вв., к дакийскому типу, определение части гончарных сосудов как продолжающих традиции черняховских. Причем само участие гето-дакийских племен в создании черняховской культуры было, видимо, вовсе не господствующим, и культура эта полиэтнична.

2. Период VI-VII вв.. В этом периоде к культуре местного населения, по определению Г.Коман, примешивается культура славянских племен, проникших на территорию Румынии. В результате симбиоза между местными автохтонными романскими элементами (тип Костиша) и славянской (тип Корчак) образовалась культура варианта Шипот-Незвиско. В керамике и

др. изделиях прослеживается влияние культуры Ипотешть-Кындешть, влияние в гончарной керамике культуры Сынтана де Муреш (черняховская) и романско-византийские элементы (фибулы, серьги, монеты). Высокие вытянутые горшки с ямочками или защипами по венчику продолжают традиции дакийской керамики III — IV вв., гончарная посуда — в основном такого же цвета и состава теста, как и лепная, представлена двумя типами горшков (с покатыми и хорошо профилированными венчиками) с нерегулярным линейно-волнистым орнаментом. Эта местная посуда, ее формы, орнамент и технология связаны с дакийским гончарным делом. Как и для предыдущей фазы, аргументы Г.Коман представляются неубедительными. Вытянутые лепные горшки с защипами и ямочками по венчику хорошо известны в славянском мире в VI — VII вв. и позже, связь каких-либо типов гончарной керамики VI — VII вв. с черняховской весьма сомнительна. Гончарная посуда — горшки с линейно-волнистым орнаментом, хотя по форме и орнаменту также могут быть связаны со славянским миром, однако, изготовление на гончарном круге для славян этого времени не характерно, не характерны эти сосуды и для провинциально-византийской керамики. Так что в этом типе посуды в какой-то мере правомерно предполагать результат влияния византийского гончарного дела VI — VII вв. на местное население.

3. Период VII — VIII вв. — характеризуется сильными элементами культуры «Протодриду», появившимися еще в предшествующей фазе, украшениями из бронзы провинциального римско-византийского типа. В лепной посуде автор видит развитие местных дакийских традиций, хотя они, как и для предыдущих фаз и еще менее чем для них, представляются весьма сомнительными. Лишь один тип горшков (преобладает на поселении Пойорэнь) — биконической формы с насечками по венчику, Г.Коман относит к восточнославянской культуре типа Ромен-Боршево. Гончарные горшки этого периода аналогичны гончарным горшками предыдущего периода, производство их также можно объяснить либо сохранением местных гончарных традиций романизованного гето-дакийского населения, либо влиянием византийского гончарного дела VI — VII вв. на гончарное производство местного населения. Аналогии этому периоду Г.Коман видит в культурах Ипотешть-Кындешть в Мунтении, Безид, Филяшь и Сэлашурь в Трансильвании и т.д.

4. Период VIII — IX вв. характеризуется Г.Коман как период Протодриду и в целом не отличается по керамике и др. изделиям от облика материальной культуры в центральной и северной Молдове, т.е. может быть отнесен к Балкано-Дунайской культуре. Следует отметить, что между керамическими комплексами III и IV периодов связь весьма относительная. Ни в III,

ни во II и I периодах совершенно нет столь характерных для IV и V периодов серых шарообразных или близких к ним по форме сосудов с орнаментом из пролощенных линий (вертикальных или сетка), столь характерных для салтово-маяцкой культуры и для культуры I Болгарского царства. Вообще гончарная посуда обычная для комплекса Балкано-Дунайской культуры и с гончарной посудой предшествующего периода не имеет связи.

5. Период X — XI вв. характеризуется Г.Коман как период господства культуры Дриду с ее исключительно гончарной керамикой, такого же облика, как и в Центральной и северной Молдове и других частях страны, а также на севере Болгарии и юго-западе СССР. Очень большой интерес вызывают круглые глинобитные печи, открытые на некоторых поселениях этого периода (Епурень, Додешть, Хорча, Бэчешть-Крята), аналогичные печам для обжига руды, открытым на древнерусских поселениях X — XII вв. Алчедар и Рудь в Прутско-Днестровском междуречье и тандырам салтово-маяцкой культуры, а также двухъярусный гончарный горн с керамикой типа Дриду из Епурень. Автор полагает, что этот горн сделан в древних местных традициях, и здесь с ним можно согласиться, в том отношении, что горн этот по конструкции близок к типу провинциально-римских горнов, распространенных в первых веках н.э. на обширных пространствах Европы, а также всего Средиземноморского бассейна, куда проникало римское влияние или власть. Подобные горны, правда, с некоторыми отличиями (большее количество продухов, наличие козла-опоры под обжигательной камерой), широко известны, например, во всем ареале черняховской культуры на территории СССР.

Г.Коман тщательно анализирует не только керамику, но и другие изделия V периода, указывает на находки римских монет Романа III (1028 — 1034) дающие, видимо, верхнюю дату культуры Дриду или Балкано-Дунайской, а также предметы византийского импорта. Подробная и тщательная классификация и типология керамики (в частности, например, глиняных котлов) делает работу Г.Коман очень важной и полезной, однако, далеко идущие выводы по этнической истории сделаны автором, как нам представляется, без достаточной аргументации, и ряд положений, как было показано выше, является неверным.

Последняя по времени и весьма подробная характеристика культуры Дриду в Молдове на востоке Румынии, как и описание ее памятников, содержится в уже не раз упомянутой фундаментальной работе Н.Захари, М.Петреску-Дымбовицы и Эм. Захари «Поселения в Молдове от палеолита до XVIII в.». опубликованной в 1970 г. (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 122 — 130).

Авторы датируют культуру Дриду X — XI вв.,

относят ее к периоду раннего феодализма. Авторы отмечают, что в отношении происхождения этой культуры имеются две точки зрения — И.Нестора, согласно которому эта культура в Румынии сформировалась на местной основе, на землях к северу от Дуная, на основе более ранних комплексов V — VIII вв. Братей-Морешть-Ипотешть-Кындешть и Безид-Сэлашурь, и точка зрения М.Комши, согласно которой формирование этой культуры произошло к югу от Дуная и складывалось из основных элементов протоболгарских (тюрских), южнославянских и византийских, к которым добавились позднее и другие местные романо-византийские традиции (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 124). Как увидим ниже, авторы не совсем точно излагают точку зрения М.Комши (Comşa 1960: 407). Сами авторы разделяют точку зрения И.Нестора. Авторы указывают и совершенно справедливо, что важнейшее значение для решения вопроса о происхождении культуры Дриду имеет гончарная серая керамика с пролощенным орнаментом, определение, откуда и как появилась она в культуре Дриду. Нестор связывает эту керамику с серой керамикой Карпато-Дунайской области IV в. М.Комша отрицает это ввиду отсутствия серой керамики в этом районе в V и VI вв. и отличий в форме и др. между керамикой IV в. и серой керамикой с лощением из культуры Дриду, хотя в последнее время и она стала предполагать, что истоки этой керамики следует искать в местной романо-византийской керамике (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 124; Comşa 1962). Авторы датируют культуру Дриду не второй половиной X в., как первоначально датировал ее И.Нестор, а всем X и XI вв. и дают ее характеристику в соответствии с той характеристикой, которая имеется в упомянутых уже работах И.Нестора и Е.Захария, отмечая сходство всех категорий материальной культуры, хозяйства и т.д. поселений культуры Дриду в Молдове и в Мунтении — в долине Дуная.

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с культурой Дриду, является и вопрос о погребениях. М.Комша считала, что не открыто еще ни одного могильника, который можно было бы определить как достоверный способ погребения для старорумын или проторумын. И.Нестор считает, что для культуры Дриду характерен обряд ингумации. И.Нестор считает таким проторумынским могильником Султана пе Мостиште. М.Комша определяет могильник Бландиана, Себеш, Истрию, как протоболгарские, смешанные с южнославянским и романским элементом.

Авторы целиком на стороне И.Нестора и соглашаются с ним, что культура Дриду в археологии показывает «начало процесса, с помощью которого славяно-проторумынский симбиоз трансформировался на последнем этапе в этногенез румын» (Nestor 1959: 62; Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 126). Авто-

ры отмечают, что на территории Молдовы в настоящее время открыты памятники культуры Дриду в 26 пунктах (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 127). Следует отметить, что Г.Коман в упомянутых уже работах называет значительно большее число поселений и пунктов с культурой Дриду на одном только юге Молдовы. Это получилось потому, что Г.Коман едва ли не механически зачисляла в культуру Дриду все памятники IX — XI вв.

Таким образом, в результате археологических открытий последних лет по наиболее распространенной в румынской археологии точке зрения или направлению, возглавляемому И.Нестором и рядом его последователей в Бухаресте, Яссах и т.д., заключительный этап этногенеза румын-волохов выглядит или, вернее, до самых последних лет выглядел так.

В VI — VII вв. на всей территории Румынии, прежде всего, в Мунтении сформировалась единая культура автохтонного — романского населения типа Ипотешть-Кындешть, из которой в IX веке сформировалась культура Протодриду, а затем и культура Дриду, сходная с синхронной ей болгарской культурой, из-за романо-болгарского симбиоза, который в конечном счете в X веке и привел к образованию именно румынской культуры Дриду и завершению этногенеза румын (Nestor 1959: 62). Название культуры «Дриду» является условным и обозначает культуру, распространенную на территории Румынии и Болгарии, точнее ту часть этой культуры, которая была распространена в Румынии. Болгары и румыны по-братски пользовались одной культурой*. В эпоху существования культуры Дриду на территории Болгарского царства жили румыны. В эпоху раннего феодализма нельзя говорить о строгом этническом и культурном совпадении — этнос и археологическая культура могут не совпадать, носителями одной и той же материальной культуры могут быть различные этносы. Так славяне, придя на Балканский полуостров, не сохранили свою прежнюю культуру, она изменилась от соприкосновения с местной культурой, их культуры перемешались. Поэтому в период раннего феодализма нельзя искать романских этнических особенностей в материальной культуре. Культура Дриду имеет облик провинциальной варваризированной византийской культуры. Очень важно, хотя и трудно, отделить романскую этническую общность от славяно-болгарской в культуре Дриду. В Трансильвании есть только памятники ранней стадии культуры Дриду (Бландиана, Себеш), в X веке (в конце X в.) в Трансильванию проникли венгры и в связи с этим там прервалось развитие культуры Дриду,

* В последние годы ряд румынских археологов, не приводя никаких доказательств, стали утверждать, что культура Дриду является особой, отличной от материальной культуры Болгарии и других сопредельных территорий (Mitrea I. 1972; Zaharia E. 1969).

вместо нее там появилась культура Биело-Брдо — смешанная славяно-венгерско-византийская культура. В IX — X вв. на территории Румынии, где по письменным и по этнографическим источникам жили румыны, не было другой культуры кроме культуры Дриду. Комплекс культур Дриду-болгарская отражает своей общностью братские связи периода формирования румынского и болгарского народов (Nestor 1958: 371; idem 1962; idem 1964; idem 1970; idem 1973). Такова вкратце схема этногенеза румын и ее теоретическое обоснование в работах И.Нестора и его последователей, схема, имеющая наибольшее распространение в румынской науке.

Как уже указывалось, эта концепция румынского этногенеза не является в румынской науке единственной и бесспорной и, с нашей точки зрения, как и с точки зрения ряда румынских ученых, является в ряде своих важнейших положений весьма уязвимой.

Наиболее развернутой и решительной критике эта концепция в румынской науке подвергалась со стороны одного из самых видных ее представителей академика К.Дайковичу. Выше уже отмечалось, что К.Дайковичу считает большой ошибкой признание культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел автохтонной дако-романской, что культура эта по своему основному облику является славянской и приведены некоторые соображения в пользу мнения К.Дайковичу. В частности, указаны некоторые фактические и методологические неточности, допущенные при этнической интерпретации этой культуры. Еще более решительной критике подвергает К.Дайковичу само выделение культур Протодриду и Дриду и их этническую интерпретацию. В цитированной уже нами работе «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований» К.Дайковичу вообще отрицает правомерность выделения и наименования культуры Дриду, считая, что памятники с нею связываемые полностью входят в ареал и комплекс Балкано-Дунайской культуры. Культура Дриду, как некая особая романская культура, распространенная в частности на юге Мунтении и на востоке Молдовы и не характерная для Трансильвании, вообще не существовала.

Относительно культур, по мнению И.Нестора, В.Теодореску и др., предшествовавших культуре Дриду и генетически с ней связанных, К.Дайковичу отмечает, что определение культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной в VI — VII вв. к востоку от Олта как дако-романской, как предшественницы культуры Дриду или Протодриду является большой ошибкой (Daicoviciu 1968: 90), мотивируя это, в частности, тем, что эта культура не является тождественной тем памятникам Трансильвании VII — VIII вв., в которых полностью доказано эффективное участие местных автохтонных элементов (Морешть-Банду, Ношлак).

Культура Дриду, по мнению К.Дайковичу, это просто часть Балкано-Дунайской культуры, распространенной в IX — XI вв. на значительном пространстве между Хемусом (Балканскими горами) и Нижним Дунаем, в том числе и на территории Румынии. Балкано-Дунайская культура имеет восточное происхождение и является, прежде всего, культурой прото-болгаро-славянской, точнее это: «смешанная культура болгаро-славянского характера с сильным византийским, провинциально-римским и понтийским влиянием. Определение этой культуры, как культуры проторумынской или румынской в целом не доказано» (Daicoviciu 1968: 90). Далее К.Дайковичу пишет, что в тех районах, где, по мнению некоторых ученых, был центр культуры Дриду — в Молдове и Мунтении — никогда не господствовали римляне и не было романизации. Если же предположить, что «культура Дриду», т.е. Балкано-Дунайская культура это культура протороманская, то какой же тогда была культура болгаро-славянская в период создания и существования I Болгарского царства — ведь это именно Балкано-Дунайская культура и есть, и она хорошо известна на территории I Болгарского царства. Далее К.Дайковичу пишет: «Ни открытие могильника эпохи раннего феодализма в Кастелу, датированного IX — XI вв., ни дофеодальный некрополь в Изворул, ни также византийская крепость Пэкуяллуй Соаре (X — XI вв.) не служат опорой для положений о «Дриду», а наоборот, опровергают его». Действительно, относительно романцев, населявших Нижнее Подунавье в VIII — IX вв. и позже мы ничего не знаем. Романцы здесь, как и те, которые находились поблизости к югу от Дуная, были поглощены славянами. Поэтому они не присутствовали ни в Пэкуяллуй Соаре, ни в Кастелу, ни в Изворул. Попытка видеть намек на романцев на Нижнем Дунае в письме папы Николая I к императору Михаилу III (842 — 867) также бесплодна, как и другие попытки в этом направлении. Историческая география также категорически против возможности существования проторумынской популяции или постоянного романского населения в районах открытой незащищенной равнины, без укреплений, когда различные конные племена приходили с востока. Конечно и данные лингвистики, подтверждающие наши археологические выводы, опровергают положение о культуре Дриду, как о романской (Daicoviciu 1968: 91).

Таким образом, К.Дайковичу полностью отрицает романский характер культуры Дриду (а также Чурел, Протодриду), саму правомерность выделения этих культур и считает культуру Дриду болгаро-славянской с сильным византийским влиянием, а также провинциально-римским и понтийским. Это мнение представляется нам в основном правильным. Однако, как нам кажется, общая концепция румынского этногенеза, выдвинутая И.Нестором и его пос-

ледователями-археологами, нуждается в специальном разборе, к которому мы и перейдем, предварив его несколькими общими положениями относительно методики использования археологических материалов для изучения процессов этногенеза.

Возможно ли такое использование? Полагаем, что в принципе возможно и плодотворно.

Могут ли археологические источники сами по себе, свидетельствовать об этнической непрерывности, о непрерывном обитании определенного этноса на той или иной территории?

Здесь возможности археологических источников довольно ограничены. Однако в том случае, когда мы имеем дело с установленным в течение определенного времени и на определенной территории непрерывным, преемственным по всем основным категориям материальной культуры существованием или эволюционным развитием этой культуры (при возможном включении инородных элементов), мы можем говорить и о непрерывности обитания на данной территории и в данный период того или иного этноса — носителя данной культуры.

Всегда ли совпадают понятия «материальная культура» и «этнос»? Нет не всегда. Бывают периоды начала становления, поляризации различных этносов, как, например, становления в конце I тыс. н.э. ряда европейских этносов, когда носителями многих общих черт материальной культуры были не один, а несколько консолидирующихся этносов. В этом случае задачей археологов является выделение специфических, характерных для того или иного образующего этноса черт в материальной культуре, и задача связать их с данными других, в частности, письменных, лингвистических, топонимических, этнографических и иных источников. Если выделить такие черты не представляется возможным, то археологические источники сами по себе бессильны служить базой для дифференциации различных этносов по материальной культуре.

Всегда ли коренные изменения в облике материальной культуры свидетельствуют и о коренном изменении этноса? Практика, при возможности сопоставления археологических и других, особенно письменных источников, показывает, что почти всегда это так.

Почти всегда, но не всегда. Бывают случаи, когда коренные изменения в материальной культуре наступают не в результате смены этноса в том или ином регионе, а в результате резкого изменения образа хозяйства, уровня развития производства и т.д. Как правило, в этом случае археологические источники само по себе не могут служить достаточной базой для определения и суждаются в данных иных, прежде всего письменных источников.

Для определения доли участия различных этносов в сложении полиэтнических материальных культур необходимо, прежде всего произ-

вести статистическую и типологическую обработку археологических материалов, изучение различных категорий материальной культуры с целью выделения и определения черт и количественных и качественных соотношений тех или иных категорий материальной культуры, характерных для того или иного этноса, из числа создателей или носителей этой культуры. Без статистической и типологической обработки археологических материалов можно говорить лишь о том, что в данной материальной культуре есть черты, характерные для материальной культуры тех или иных этносов. Однако определить, являются ли эти черты результатом участия того или иного этноса в создании данной культуры и доли этого участия или появление этих черт — просто результат культурных влияний, общения соседних этносов, не представляется возможным. Однако, такая обработка не всегда достижима, что также ограничивает возможности археологических источников для изучения этногенетических процессов.

После этих, необходимых с нашей точки зрения замечаний, относительно методики использования археологических источников для изучения процесса этногенеза, перейдем к оценке той теории этногенеза румын, которая выдвинута и разделяется группой румынских ученых-археологов и, прежде всего И.Нестором.

Отметим, что, как было показано выше, в Мунтении и Молдове не было сколько-нибудь значительной романизации населения и поэтому, если даже и признать культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел за культуру романского населения, то просто невозможно считать ее автохтонной, зародившейся на равнинах Мунтении. В самом деле, ведь можно говорить лишь о некоторых, причем весьма незначительных элементах одной из предшествующих культур (черняховской — Сынтана де Муреш). Да и сама Черняховская культура является полиэтнической, привнесенной на территорию Мунтении и Молдовы с востока, причем в числе ее создателей и носителей безусловно были и гето-дакийцы, но лишь как один из этнических компонентов — создателей этой культуры, да и то гето-дакийцы отнюдь, видимо, не романизованные, а лишь испытывавшие влияние провинциальной римской культуры.

Ни с какими другими предшествующими культурами на территории Мунтении и Молдовы культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, видимо, не была сколько-нибудь значительно связана. Наличие лепных горшков, близких, по мнению В.Теодореску и ряда других исследователей, керамике дакийской традиции, свидетельствует именно о дакийской традиции. Ее хранителями могли быть именно дакийцы, а не романизованное население. Кроме того, общий процент сосудов дакийской традиции, как на отдельных памятниках, так и в целом в этой культуре, остается неизвестным по отношению

ко всему керамическому комплексу.

То же можно сказать и о гончарных серых горшках. Не приведена их статистическая и типологическая обработка, неясно их происхождение, их соотношение с синхронными им византийскими сосудами из соседних византийских крепостей и городов, их процент в общем, керамическом комплексе этой культуры.

Все же основные качественные показатели по всем категориям материальной культуры (прямоугольные полуземлянки с печами-каменками, лепные вытянутые горшки с ямками или защипами по венчику пражского типа, обряд трупосожжения и его детали и т.д.) связывают культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел с раннеславянской культурой, распространенной в этот период на обширных пространствах Европы — буквально со всех сторон от долины Мунтени и Молдовы — с востока и с юга, с запада и с севера. Не отрицая возможности того, что эта культура смешанная, что в ее создании, возможно, принимали участие и романские или дако-романские элементы, в условиях полного молчания письменных источников о пребывании на этой территории в VI — VII вв. романского населения необходима статистическая и типологическая обработка материалов данной культуры, без чего все утверждения о ее романском этническом облике остаются пока недоказанными.

Что касается могильника Изворул и попытки интерпретировать его как связующее звено между культурой Ипотешть-Кындешть-Чурел, то выше уже была показана неудача этой попытки. То же можно сказать и о голословном утверждении Г.Коман и др. о том, что т.н. памятники Протодриду начинаются уже в VII — VIII вв., т.е. смыкаются с памятниками культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел. Общего же в большинстве этих памятников с памятниками Ипотешть-Кындешть-Чурел ничего нет, а в тех памятниках, где есть общее — это лепные славянские горшки. Памятники культуры Протодриду и Дриду византийскими монетами и др. предметами византийского импорта датируются временем не ранее IX в. Имеющиеся здесь гончарные серые сосуды (близкие к шарообразным горшкам, одноручные кувшины с орнаментом из проложенных вертикальных линий, сетки и т.д.) не находят аналогий в серой керамике культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, зато имеют полные аналогии в керамике Плиски, других центров I Болгарского царства и далее к востоку в салтово-маяцкой керамике VIII — IX вв. из Подонья.

В этом отношении весьма любопытен и общий облик культуры Дриду. Нельзя не согласиться с К.Дайковичу, что по всему своему облику эта культура входит в ареал Балкано-Дунайской культуры, которая является славяно-болгарской культурой с заметным провинциально-византийским, провинциально-римским

и понтийским влиянием. В самом деле, все основные категории материальной культуры: прямоугольные землянки и полуземлянки по преимуществу с печами-каменками, керамический комплекс и его орнаментация, обряд погребения и т.д. содержат в себе все элементы, тождественные материальной культуре центров Болгарского царства, элементы, характерные для южных славян — т.е. славян, ассимилировавших болгар-тюрков и впитавших в свою культуру ряд элементов болгаро-тюркской, салтово-маяцкой культуры, хорошо известной по памятникам Подонья и Приазовья. В керамическом комплексе памятников Балкано-Дунайской культуры на территории Румынии (и для юго-запада СССР) характерны 4 основных категории керамики, каждая из которых имеет и некоторые более дробные деления. Категории эти для всех памятников Балкано-Дунайской культуры одни и те же с очень небольшими различиями и соотношение между различными типами керамики также примерно одинаковое.

Категории эти следующие:

I. Горшки, имеющие окислительный обжиг, красного, розового, темно-желтого цветов, стройные, вытянутые, яйцевидной или шаровидной формы, или имеющие форму выгнутого, усеченного, перевернутого основанием кверху конуса. В тесте примесь песка, известняка, реже шамота. Почти все тулово украшено линейно-волнистым орнаментом различных типов: широкие пояски из 5 — 7 линий, нанесенные многозубным штампом, сплошной линейно-волнистый орнамент, вертикальные полосы по плечикам из многорядных прямых линий и ниже — пояски из горизонтальных прямых и волнистых линий. Такой керамики на селищах Молдовы 80%, по данным Д.Теодора, (на селище Иляна-Подури близ Бухареста — 75-80% по данным В.Зирра), около 80% на селище Криничном Болградского района Одесской области УССР (по данным автора этих строк). Д.Теодор делит эту керамику на две категории: имеющие примесь песка и имеющие примесь шамота, помимо других более редко встречающихся примесей. На селище Криничное прослеживается и различие форм между горшками первой категории. Большая часть горшков имеет вытянутое стройное тулово в виде перевернутого усеченного конуса с примесью шамота в тесте. Таких горшков среди посуды I категории около 90%. Меньшая часть горшков — они отличаются и орнаментацией (наличием вертикальных многорядных полос на плечиках) имеет форму яйцевидную или шаровидную — их около 10%. Горшки второго типа и по форме и по орнаменту связаны с салтово-маяцкой керамикой, в то время как горшки первого типа обычны для славянского, в частности, южно-славянского гончарства.

II. Посуда серого или желтого цвета, имеет

восстановительный обжиг, тесто без видимых примесей, или с примесью мелкого песка, по форме это либо одноручные кувшины либо горшки со сферическим или расширяющимся книзу туловом. Орнамент нанесен пролощенными линиями — это либо вертикальные линии, либо косая или прямая сетка на верхней части тулова и плечиках сосудов, редко сочетающаяся с одной или двумя прямой или волнистой углубленной линиями в верхней части сосуда. Таких горшков или кувшинов соответственно в Молдове — 20%, на селище Ильяна-Подури — 20-30%, на селище Криничное — свыше 20%. Это обычная салтово-маяцкая керамика.

III. Привозная византийская керамика — амфоры с каннелюрами и без них, кувшины с двумя-тремя ручками, с зеленой поливой или без нее, отличного качества сосуды из каолина белого цвета иногда покрытые ангобом — красным помпейским, белым или охрой. Возможно, что провинциально-византийской является и некоторая часть серой керамики. В редких случаях встречаются и обломки глиняных котлов, которые связывают обычно с кочевниками, в частности с печенегам и половцами. Византийская и кочевническая посуда представлена, как правило, единичными фрагментами.

Могильники встречаются с трупосожжениями, особенно типичными для славян (например, Кодрень, Сату Ноу, Кастелу), с трупоположениями по языческому обряду (обычны для тюрко-болгар) и смешанные биритуальные — и с трупоположениями и с трупосожжениями (Истрия и др.), с трупоположениями по христианскому обряду (Арсура Хушь и др.). Следует отметить, что для гето-даков была характерна кремация, для романизированного и романского населения более характерен обряд трупоположения, хотя встречается и обряд трупосожжения, в том числе, правда больше в первые века н.э. на самом Аппенинском п-ове.

Подводя итог, следует отметить, что Балкано-Дунайская культура была распространена на той территории, которую занимало I Болгарское царство в период своего высшего расцвета, большая — северная и центральная часть современной Болгарии, большая часть Румынии, степи и частично лесостепи Нижнего Подунавья и Прутско-Днестровского междуречья юго-запада СССР. На этой территории в IX — первой половине XI вв. была распространена единообразная культура, в которой отчетливо прослеживаются преобладающие южнославянские черты, черты тюрко-болгарские, в комплексе составляющие южнославянскую, болгарскую культуру впитавшую в себя тюркскую болгарскую, имеющую аналогии в салтово-маяцкой культуре Подонья и Приазовья.

Кроме того, в этой культуре прослеживаются провинциально-византийские элементы (некоторые типы керамики и украшений), со-

ставляющие однако и в количественном и в ассортиментном аспекте лишь незначительную часть в общем комплексе материальной культуры, а также незначительный процент посуды (котлы), видимо, связанной с появлением в ареале этой культуры кочевников из причерноморских степей (хотя котлы известны и на памятниках салтово-маяцкой культуры) *. Сколько-нибудь заметных значительных элементов, свидетельствующих о том, что создателями этой культуры было романское население, не выделено. Некоторые орнаментальные приемы (например, каннелюры), связываемые с местным романским населением, с местными романскими традициями в гончарном производстве вполне могли быть заимствованы из византийской керамики, которая производилась в непосредственной близости от северо-дунайских земель, да видимо, и в городах I Болгарского царства к югу от Дуная.

Таким образом, нет основания выделять из общего комплекса Балкано-Дунайской культуры культуру Дриду и утверждать, что это культура романизированного населения. Вполне возможно, что в период экспансии I Болгарского царства в Карпато-Дунайские земли, туда, в том числе и на румынскую равнину, продвинулись более или менее значительные группы населения, в том числе и романизированного пастушеского. Однако археологически оно пока, во всяком случае, на большей части территории Румынии не прослеживается. Балкано-Дунайская культура, носителями и создателями которой большинство упомянутых румынских археологов считает древне-румынское население, появилась в Карпато-Дунайских землях вместе с экспансией сюда I Болгарского царства и вместе с крушением этого царства в начале XI в. прекратила свое существование. Ее появление в этом регионе не было результатом развития материальной культуры местного карпато-дунайского романизированного населения. В Карпато-Дунайских землях эта культура не имеет корней, ни сколько-нибудь заметного продолжения.

Балкано-Дунайская культура, в том числе в ареале Карпато-Дунайских земель, требует дальнейшего изучения, в частности статистической и типологической обработки всех, особенно массовых (керамика и др.) материалов, а также сопоставления ее с салтово-маяцкой культурой, с культурой средневековых феодальных восточнороманских княжеств Молдавии и Валахии, с культурой в центрах I Болгарского царства, т.е. поисков типологических рядов и аналогий как в синхронных соседних культурах, так и в более ранних и более поздних известных по письменным источникам, безусловно, восточнославянских культурах (для более ран-

* Однако эти котлы, как замечает С.А.Плетнева, имеют другую форму и происхождение (Плетнева 1967: 108-110).

него времени просто романских) и т.д.

М.Комша выделяет из общего ареала Балкано-Дунайской культуры один из ее локальных вариантов, связанный по ее мнению с восточно-романским населением. При этом она исходит из определенных теоретических построений и из результатов ее археологических полевых работ, прежде всего на группе поселений у с.Буков.

Напомним, что под Балкано-Дунайской культурой М.Комша понимает смешанную южно-славяно-болгарскую и восточно-романскую культуру с заметным провинциально-византийским влиянием, а не просто протоболгарскую и южнославянскую культуру, к которой лишь позже добавились некоторые романо-византийские элементы.

Определив балкано-дунайскую культуру как культуру I Болгарского царства, культуру смешанную, в которой ясно различаются преобладающие славянские и болгаро-тюркские черты, а также считая, что носителями этой культуры, помимо болгаро-славян, было и восточно-романское население, М.Комша замечает: «...Большинство поселений Первой Болгарской империи состояло из южных славян и древнерумынского населения... Наибольшее влияние на древне-румынское население оказали южные славяне — на их язык, обычаи, общественную и культурную жизнь. Что касается материальной культуры проторумынского населения к северу от Дуная, находившегося в IX — X вв. под болгарским господством, то раскопками в Букове можно было установить пользование землянками с открытым очагом и керамикой романо-византийских традиций» (Comşa 1959b: 79).

Нам неизвестно, на основании каких демографических или иных данных утверждается, что большинство населения I Болгарского царства состояло не только из болгаро-славян, но и из древнерумынского населения, но сам факт обитания волохов в границах I Болгарского царства, как было показано выше, зафиксирован письменными источниками.

Перейдем теперь к рассмотрению результатов раскопок группы поселений у с.Буков.

Одновременно с началом раскопок И.Нестором поселения Дриду в 1956 году М.Комша начала раскопки другого неукрепленного поселения в предгорьях Карпат у с.Буков (район и область Плоешть). Раскопки эти продолжались несколько лет, и результаты их заслуживают подробного рассмотрения (Comşa 1959a; 1959c; 1960c; 1961).

На западной окраине села Буков, на мысе, некогда окруженном с трех сторон водой, было обнаружено селище середины IX — X вв. (Буков I или Буков-Ротарь). В южной части с.Буков открыто второе раннефеодальное поселение (Буков II или Буков-Тиока), имеющее два слоя — нижний, соответствующий по материалам и датировке с.Буков I, и верхний — второй поло-

вины X и возможно начала XI вв. Селища Буков I и селище нижнего слоя Буков II погибли в результате большого пожара, возможно, во время набегов печенегов.

На селище IX — X вв. найдены прямоугольные полуземлянки и землянки с открытыми очагами в углу, находящиеся рядом наземные сооружения без очагов, со стенами из плетня и жердей, обмазанных глиной, хозяйственные сооружения и мастерские (кузница) с соответствующим инвентарем, а также открыта круглая печь для выпечки теста, хозяйственные ямы, обугленное просо, византийские двуручные амфоровидные кувшины, византийские миски с зеленой поливой и без нее, многочисленная местная керамика (вся гончарная), калачевидные железные кресала, молотки, наконечники стрел, кинжал, железные шлак, уголь, кричное железо, керамическое сопло, кузнечный молот и т.д.

Более поздний тип жилища на селище Буков II характеризуется прямоугольными наземными жилищами с открытыми очагами в одном из углов, со стенами из плетня и жердей, обмазанных глиной. Видимо, этот тип жилищ развился из более раннего типа — землянок с очагами. Если для славянских жилищ — землянок или полуземлянок характерны печи-каменки или печи из глины, то представленные в Буковских землянках и наземных жилищах открытые очаги, в частности землянки с открытыми очагами, соответствуют древним местным традициям, ибо именно землянки с открытыми очагами характерны для дакийских поселений в глубокой древности. Однако очаги встречаются и в жилищах других культур, например, в салтово-маяцкой и славянской. На одном из кувшинов был обнаружен процарапанный знак в виде лежащей буквы «K»; на стенах кузнечной мастерской на поселении Буков I были обнаружены остатки кирпичей с процарапанными надписями. Эти надписи, а равно и форма кресал, наконечников стрел, византийские амфоровидные кувшины из желтого или серого теста и др. предметы послужили основанием для датировки и некоторых выводов по этническому составу обитателей поселений Буков I и II.

По мнению М.Комши, «жители поселения Буков занимались скотоводством (что доказывает большое количество костей животных), добыванием и обработкой железа. Земледелие здесь было развито слабо» (Comşa 1959c: 95). Самыми массовыми находками на обоих селищах являются фрагменты керамики. Ее М.Комша подразделяет на 4 категории, одна из которых византийская, привозная, уже описанная выше (амфоровидные кувшины, поливные миски) и составляет очень незначительную часть керамического комплекса. Местная керамика, вся сделанная на гончарном круге, делится на три основные категории.

1. «К первой категории относятся сосуды,

изготовленные на гончарном круге при довольно быстром вращении. Из-за этого на внутренней стороне сосуда заметны горизонтальные полосы, а на внешней стороне днища часто наблюдаются следы срезки шнуром... На многих сосудах ручка начинается от края венчика и спускается ниже середины сосуда. В отношении формы и техники выработки эта категория сосудов продолжает провинциально-римскую керамику и является промежуточной между нею и румынской керамикой феодальной эпохи» (Сомџа 1959с: 94).

На фотографии и рисунках в цитированной статье (Сомџа 1959с: 84-86, 88, 92) представлены те типы посуды, которые М.Комша относит к продолжающим древнеримские традиции, к древней или просто румынской или романским. Далеко не все признаки, выделенные М.Комшей, как характерные для этого типа посуды, с нашей точки зрения, правомерны. Так горизонтальные полосы на внутренних сторонах посуды, полученные во время формовки, а также срезы днища шнурком встречаются и на других типах посуды, например, на славянских и салтовских. По пропорциям и орнаментам многие из этих сосудов близки к славяно-болгарским или салтово-маяцким, особенно к последним. Однако есть и сосуды, возможно продолжающие романскую традицию. Горшки этой категории несколько более вытянутые, чем славянские, орнамент на них почти исключительно волнистый, чаще всего разреженный, а не сплошной: часты сосуды с ручками, в том числе небольшие одноручные кувшинчики, не характерные для славянской керамики того времени, венчики их чаще всего не утолщенные, или лишь слегка утолщенные с горизонтальным срезом, в то время как для славянской керамики этого времени более характерны фигурные или закругленные венчики. Ручки начинаются прямо от венчика.

С нашей точки зрения, необходимо составить таблицы, наглядно сопоставить те виды древнеримской или романо-византийской керамики, которые, по мнению М.Комши, и послужили прототипами для керамики 1 категории, показать результаты статистической обработки керамического комплекса Букова. М.Комша любезно сообщила автору этих строк, что керамика 1 категории составляет примерно 50% от всей буковской посуды.

«II категория сосудов представлена главным образом горшками грушевидной формы, обработанными на гончарном круге при более медленном вращении. На днищах этих сосудов заметны следы песка или золы, которыми присыпали круг, для того, чтобы сосуд легче отставал от него. На некоторых из них (донышках — Г.Ф.) есть клейма (рельефные знаки). В этой категории сосудов ясно видны черты славянской керамики».

Наконец последняя категория буковской

керамики охватывает серо-черные сосуды, представленные, главным образом, горшками шарообразной формы салтовского типа. Эта категория составляет примерно 10% всей керамики (Сомџа 1959с: 94).

2. Вторая категория керамики (составляющая примерно 40% от всего керамического комплекса), как и первая, имеет окислительный обжиг. Для этой — славянского типа посуды характерны только горшки (без ручек) с орнаментом как линейным, так и волнистым, часто покрывающим большую часть тулова сосуда, встречаются вертикальные или косые полосы из многорядных линий (характерные для орнаментации именно славяно-болгарской посуды), венчики чаще всего фигурные (с оттянутым нижним краем, с косым срезом и др.) или закругленные (см.рис. на стр.86-4/2, 88-5/4, 6, 9; 92-6/2, 3, 5, 10).

3. Третья категория керамики имеет восстановительный обжиг, орнамент из пролощенных линий, закругленные и утолщенные венчики и типична для болгаро-тюркской салтовской керамики. Основываясь на особенностях жилищ и керамики, М.Комша делает вывод, что материальная культура Букова относится к древнерумынскому населению и отличается от культуры славянской.

М.Комша замечает: «Комплексы в Букове нельзя отнести к так называемой «культуре Дриду» потому что они отличаются от комплекса Дриду как типом жилища (в Букове землянки с открытыми очагами, а в Дриду землянки славянского типа с каменными или глинобитными печами) и керамикой (в Дриду не встречается горшков с ручкой), так и родом занятия населения. (Отдельные жилища с очагами есть и в Дриду — Г.Ф.). Наличие некоторых славянских и салтовских элементов, наблюдаемых, главным образом, в керамике Буковских поселений, объясняется контактом местного древнерумынского населения со славяно-болгарским в пределах I Болгарской империи, охватывавшей в IX — X вв. и эту территорию» (Сомџа 1959с: 96).

Заметим, что те 50% керамики, которые М.Комша относит к древнерумынской (валашской) в значительной своей части, видимо, принадлежат Балкано-Дунайской и находят прямые, хотя и не полные аналогии в салтово-маяцкой посуде. Что же касается тех 50% посуды, которые сама М.Комша относит к славяно-болгарской, то наличие ее на поселениях у с.Буков не может быть свидетельством просто контакта «древнерумынского» населения со славянами.

В одной из работ, посвященных Букову, М.Комша замечает: «Древнеславянские надписи времен царя Симеона, кувшин с двумя ручками типа Плиска-Мадара, знак в виде перевернутой буквы «К», видимо, протоболгарские...». все это доказывает, что значительная часть территории к северу от Дуная входила в

состав Болгарского царства, что подтверждают и свидетельства письменных источников. Буков вместе с памятниками, открытыми в Бландиане, Себеше и др. в Трансильвании и Челей в Олтении, указывает, что Мунтения, Олтения, Банат и южная Трансильвания входили в состав I Болгарской империи. Будущим исследователям остается установить, не входила ли в состав I Болгарского государства и северная Трансильвания и часть Молдовы. Во время протоболгарского господства между населением северных и южных придунайских территорий существовала тесная связь. Такие отношения отражаются и на материальной культуре вследствие проникновения на северные территории Дуная керамики типа салтово-протоболгарского происхождения, а также других южнодунайских элементов.

Наличие поливной керамики и других привозных изделий показывает, что Буковское поселение имело торговые связи с Византией. Не исключается, что благодаря своему местоположению в долине реки Теляжен (долина, служившая в IX — X вв., как и в более позднее время, связью между Трансильванией и Придунайской равниной), Буков был и небольшим торговым центром» (Comşa 1960с: 576).

В 1978 г. М.Комша опубликовала обширную (181 стр.) монографию под названием «Древнерумынская материальная культура (поселения VIII — X вв. в Букове-Плоешти)» (Comşa 1978).

Если все предыдущие публикации результатов раскопок в Букове носили более или менее предварительный или частный характер, то здесь мы имеем дело с монографическим изданием памятника, изданием, снабженным планами, картами, сотнями рисунков и 28 сводными таблицами с рисунками и фотографиями. Монография состоит из 17 разделов, включающих введение, описание стратиграфии, местоположения памятников, жилых и производственных комплексов, различных категорий предметов материальной культуры, описание занятий обитателей поселений, их связей, социального устройства, обряда погребений и т.д.

В целом М.Комша в отношении интерпретации памятника сохраняет прежние позиции. Однако кое-что, по сравнению с предыдущими выводами и положениями изменилось. Так, например, если в предыдущих публикациях, как было показано, М.Комша, считала верхней датой обитания поселений у с.Буков X — начало XI вв., то в настоящей монографии она твердо датирует памятник VIII — X вв., замечая, что «во время раскопок не был найден какой-либо предмет, который точно датировался бы XI веком или последующими веками, на основе чего время прекращения жизни на исследованных поселениях могло бы быть передвинуто за пределы конца X в.» (Comşa 1978: 143).

Далее автор выделяет в этой монографии

не два, а три поселения в районе Букова, имеющих одну датировку, материальную культуру и т.д.: Буков-Ротарь, Буков-Гаспарь, и Буков-Тиока, расположенных поблизости друг от друга (Comşa 1978: 12 etc.), замечает, что, видимо, после пожара в результате печенежского нашествия, жизнь на поселениях прекратилась и произошло переселение их обитателей на более высокую террасу, где жизнь и продолжалась. Однако этот ответственный вывод сделан лишь на основании находки одного клада византийский монет конца XII — начала XIII вв. (Comşa 1978: 147).

Далее, если в предшествующих работах М.Комша считала и называла славян третьим слагаемым восточнороманской народности («древнерумынской» или «проторумынской», как она ее называет), а славянскую материальную культуру, вернее, ее элементы — частью материальной культуры этой народности, то в настоящей работе, славянские элементы в материальной культуре (они усматриваются в конусообразных горшках, сделанных на ручном круге) рассматриваются среди «чуждых этнических элементов, ассимилированных древнерумынским населением» (Comşa 1978: 100, 150 — 151).

Нам представляется настолько важной и заслуживающей рассмотрения этническая атрибуция памятника, сделанная в данной работе М.Комшей, что позволим себе привести всю аргументацию автора, весь текст монографии, посвященный данному вопросу (в нашем переводе). Этническая атрибуция Букова занимает значительную часть последнего раздела монографии, ее «выводы», а именно страницы 148 -151: «Элементы дако-романской традиции в материальной и духовной культуре населения Букова.

Как было показано выше, характерным типом жилища для данного поселения является землянка или наземное жилище с открытым очагом. Этот тип жилища известен на всей территории Дакии, как в доримскую, так и римскую и послеримскую эпохи.

Начиная с IV в., этот древний тип жилища с открытым очагом совершенствуется, и очаг окружается речной галькой или отделяется от остального помещения рядом камней или низкой каменной стенкой. Угол, или вся стена, где располагался очаг, обкладывали речной галькой, а в горных районах — бутовым камнем. Тип жилища с открытым очагом, имеющим каменную обкладку, низкую стенку или обкладку угла или стенки жилища возле очага, передается и в VIII — X вв.. Этот тип жилищ открыт в Букове и подобных ему памятниках.

Особо следует упомянуть землянку №1 в Букове-Тиока, которая имеет сложную планировку у миграционных народов (на территории Румынии — Г.Ф.). Они представляют прототип подобных землянок, которые появляются позже, в эпоху развитого феодализма» (Comşa

1978: 148).

О наземных жилищах судить трудно — остатки их слишком незначительны. Что же касается прямоугольных полуземлянок с отопительными сооружениями в углу (Сомşa 1978: 7, рис.6; 18, рис.7; 20, рис.8; 21, рис.9; 24, рис.11; 25, рис.12; 27, рис.13; и т.д.), то видеть в этих полуземлянках какие-то специфические дако-романские сооружения не представляется возможным. Жилища этого типа были распространены в I тыс.н.э. в юго-восточной и восточной Европе. Есть они у славян во второй половине I тыс.н.э., в том числе и на юго-западе СССР, в том числе и на территории Молдавии (например, на поселениях Алчедар, Бранешты I и др., есть и в Болгарии и т.д., а также в ареале салтово-маяцкой культуры, культуры I Болгарского царства. Кроме того некоторые из полуземлянок, судя по публикации (Сомşa 1978: 17, рис.6/3; 21, рис.9/3; 24, рис.11; 155, таб. IV, 1 — 2 и др.), в качестве отопительных сооружений имели не открытые очаги, а обычные славянские печикаменки.

Подбои и ниши в жилищах также часто встречаются в полуземлянках этого времени на широком ареале, например, одна такая полуземлянка с нишей была открыта при раскопках Алчедарского городища. Так что тип жилища для дако-романской атрибуции поселения Буков, вернее для «древнерумынской», не представляется нам убедительным.

Далее М.Комша пишет: «Другими традиционными элементами являются печи для выпечки хлеба, вырытые в материке с предпечной ямой. Эти печи сохранились как через романизированных даков, которые привнесли свое участие в формирование провинциальной римской культуры в Дакии, так и через группы даков и карпо-даков, оставшихся вне пределов римского лимеса. В Букове, учитывая и другие элементы провинциальной римской культуры, в особенности керамику, полагаем, что эти печи были сохранены до средневековья дако-римским населением» (Сомşa 1978: 148). Указанные, круглые в плане, печи с мощным каменным подом, глинобитным сводом и предпечной ямой (тандыром) известны в ареале салтово-маяцкой культуры, часты они и на славянских неукрепленных поселениях конца I и начала II тыс. н.э., в том числе и в Прутско-Днестровском междуречье (например, на посадах древнерусских городищ Алчедар, Рудь и др.) (Федоров 1964: 77-88, рис.31; Федоров, Рошаль 1973: 155-176; 157, рис.1; 164, рис.4; 170, рис.8). Видеть в этих печах (Сомşa 1978: 41, рис.27) специфические дако-романские сооружения как раз, учитывая и общий облик материальной культуры, в том числе керамический комплекс, не представляется возможным.

Далее М.Комша пишет: «Очаг с поднятыми краями (т.е. каменными стенками — Г.Ф. — каменка?), который появился в Букове как в

землянках, так и в домах (наземных — Г.Ф.) известен на обширных пространствах Европы еще с гальштата. На территории нашей страны (Румынии — Г.Ф.) в латене подобные очаги неизвестны, что объясняется скудностью исследований, ибо они встречаются иногда в некоторых дакийских комплексах II — III вв.

Так в Дульчанке (Телеорманский р-он) в землянке 3 над подбойной печью в останце был сооружен очаг с приподнятым краем. Землянка 3, в которой был открыт этот очаг, датируется монетой императора Гордиана III, отчеканенной в Виминациуме в 242 г.н.э.

Другой очаг с приподнятыми краями, красиво орнаментированный поясами из овальных углублений, был найден на дакийском поселении II — III вв.н.э. в Чичире (р-он Арад). Очаг из Чичира в отличие от очага из Дульчанка, который находился под печью, был небольшим. Таким образом, можно сказать, что часть очагов с приподнятыми краями, отдельные или фиксированные под печью, относящиеся к эпохе раннего феодализма, ведут свое начало от подобных же сооружений, открытых на поселениях даков первых веков н.э.

Также несомненно, что очаги с низкими стенками сохранились в северных районах вне пределов страны (Румынии — Г.Ф.) откуда определенные их типы были привнесены славянами на нашу территорию в VI — VII вв.» (Сомşa 1978: 148). Таким образом, сама М.Комша признает, что т.н. очаги с приподнятыми краями или печикаменки были (хотя бы некоторые типы их) привнесены на территорию Румынии славянами. При этом не уточняется в чем разница между такими сооружениями славянскими и происходящими от гето-дакийских или дако-романских сооружений, и какие именно из них были открыты в Букове.

М.Комша предполагает: «Занятия жителей также дают возможность проследить элементы автохтонной традиции. Виды домашних животных из Букова (крупный рогатый скот, а также гуси) близки по размерам и породе к центрально-европейским видам. Таким образом, констатируем, что (в Букове — Г.Ф.) не проследивается влияние кочевнических народов, скотоводов, по видам домашних животных (особенно дакийских) и отчасти славянских. Свины в Букове (более рослые, чем центрально-европейские и восточные) являются автохтонным видом, который появился у нас из-за благоприятных условий.

Частичный анализ (ибо исследователи еще продолжают работать) остеологического материала из дакийского поселения (укрепленно-го) Мэргэрешть (р-он Олт) и дакийского поселения в Кырломэнешть (р-он Бузеу) дали остеологические данные, близкие к полученным из Букова и др. аналогичных ему поселений.

Так, в Мэргэрешть домашние животные (крупный рогатый скот, свины) составляют 97%,

а дикие только 3%, а в Кэрлэмэнешть — соответственно 95,5% — домашних и 4,5% диких. В Букове домашних животных — более 90%, остальные дикие. Лошадь из Мэргэрешть, представленная небольшим количеством костей, использовалась как транспортная и тяговая сила, но срезы на костях говорят о том, что она употреблялась и в пищу. Так же было и в Букове. Подобная же картина открывается в результате анализа части остеологического материала из дакийского поселения Владическа (р-он Илфов). Здесь, как и в Мэргэрешть, гораздо больше костей домашних животных (86, 74%), чем диких (13, 26%). Следует подчеркнуть, что среди костей домашних животных больше всего костей свиньи (50, 66%), далее костей лошади (11, 14%), крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота (10, 88% и 10, 61%). Подобная же картина получена и в Кэрлэмэнешть. В отличие от Кэрлэмэнешть и Мэргэрешть, во Владическа пока не получены данные о том, что лошадь употреблялась в пищу.

На поселении Владическа, хотя оно и располагалось на острове в конце озера Мэстиштеа, обитатели поселения рыболовством не занимались, зато собирали моллюсков, которых употребляли в пищу. Как и во II — I вв. до н.э. во Владическа тысячелетием позже в Букове сбор моллюсков являлся существенным источником пополнения пищи, а рыболовство, хотя поселения и находились вблизи реки Телеажен, было лишь спорадическим занятием.

Приведенные выше данные указывают на сходство образа жизни даков и обитателей поселений у Букова. И у тех, и у других существовало смешанное хозяйство, основу которого составляло скотоводство (крупный рогатый скот, свиньи), земледелие и ремесла» (Comşa 1978: 149).

Этническая атрибуция, произведенная М.Комшей на основании остеологических данных, производит грустное впечатление и вряд ли нуждается в комментариях. Подобные черты сходства можно обнаружить у десятков различных этнических общностей Европы на протяжении сотен лет и никаким основанием для этнической атрибуции они служить не могут.

М.Комша продолжает: «Элементы дако-римской автохтонности могли быть установлены на ряде сельскохозяйственных орудий труда, найденных в Мунтении. К сожалению, в Букове не сохранились земледельческие орудия труда (наличие земледелия там установлено на основе зерен, отпечатков соломы на очагах с приподнятыми краями и наличия домашней птицы, питающейся зерном), подобную картину можно представить и для этих поселений» (Comşa 1978: 149). Вряд ли нужно доказывать, что и вышеприведенные слова не могут служить критерием для этнической атрибуции Букова.

Далее: «Костяные шилья в виде стилия, которые встречаются на римско-византийском

поселении Сучидава-Челей. Их нет ни у одних кочевников. Они доказывают, безусловно, присутствие постоянного романского населения на Нижнем Дунае, продолжавшего использовать эти инструменты до раннефеодальной эпохи» (Comşa 1978: 149).

Эти костяные шилья (?) изображены в монографии на стр.163, таб.XII, рис.1-3, 9-12. Достаточно взглянуть на них, чтобы понять, что это обыкновенные костяные проколки, которые во второй половине I и начале II тыс.н.э. (и ранее) в изобилии встречаются на самых различных памятниках в ареале многих культур Восточной и Юго-Восточной Европы (сотни их, например, найдены на славянских поселениях Прутско-Днестровского междуречья), и никаким критерием ни для какой этнической атрибуции эти предметы служить не могут.

«Автохтонным римским наследием, — продолжает М.Комша, — нужно считать и игольники. Прочные игольники без отверстий для подвешивания, неорнаментированные, имеют широкое применение в римской империи и в римско-византийское время. Вероятно, что в провинциальном римском мире имеют свои корни и костяные игольники с орнаментом. Вероятно римской традицией является и дисковидный предмет» (Comşa 1978: 150; см. с.136, рис.10, 104/7).

Я не нашел аналогий костяным дискам. Что же касается костяных цилиндров (обрезанных костей конечностей, видимо, мелкого рогатого скота) (Comşa 1978: 136, рис.104/5), те, если и игольники, то вряд ли они могут служить основанием для этнической атрибуции. Подобные игольники не раз попадались мне при раскопках различных памятников I тыс. на юго-западе СССР.

Основным аргументом в пользу дако-романской атрибуции Букова М.Комша считает керамику: «Точные автохтонные традиции были зафиксированы особенно в керамике. Так, керамическая посуда, сделанная на быстром (гончарном — Г.Ф.) круге, найденная в Букове, как было показано, продолжает провинциально-римские производственные технические приемы, особенно употреблявшиеся в бывших провинциях Дакия и Мезия. К этому прибавляется и часть керамики, сделанной на ручном круге, происходящей от лепной позднедакийской керамики из Мунтении, или лепной, или сделанной на ручном круге посуде, сделанной в Дунайских римских провинциях» (см. «Керамика», Comşa 1978: 100 — 101).

Керамика, сделанная из беловатого теста, окрашенная охрой, провинциально-римского мезийского происхождения, доказывает, что население подкарпатской зоны Мунтении поддерживало связь с романизованным населением Добруджи. Связи поселений в Букове с Добруджей проходили двумя путями. Первый вел от Букова долиной р.Телеажена, затем до-

линой р.Яломица, через Вадул Оий, проходит между Пиуа Петрий и Хыршова, а второй путь шел долиной Телеажена, затем р.Дымбовица и р.Арджеш через брод у Кэлэоаш-остров.

Присутствие этой керамики доказывает, что связи древнерумынского населения, обитавшего к северу от Дуная, с Добруджей и вообще с романизованным населением к югу от Дуная не прекращались с падением лимеса (римско-византийского) в зоне Нижнего Дуная в 602 и 610 гг., а также и после 680 г., а продолжались по традиционным путям, о которых речь шла выше и в VIII — X вв. и после X в». (Comşa 1978: 150).

Что касается керамики, второй из категорий, о которой пишет М.Комша, то она действительно имеет провинциально-византийский характер (Comşa 1978: таб.ХХIV, рис.7-14; 175 и др.), вполне вероятно происходит из Добруджи. Не совсем понятно только, почему ее производило именно романизованное население, хотя, как было показано выше, такое население, судя по письменным источникам на территории бывшей Мезии, в частности Нижней Мезии, имелось по крайней мере до V в.н.э., видимо, и позже. Однако, обитало там и нероманизованное население, например, славяно-болгарское и др.

Для первой категории посуды — сделанной на быстром круге, которую М.Комша считает посудой местного романизованного населения, продолжающей местные дако-романские традиции, то для большей части этой посуды такая атрибуция представляется в высшей степени спорной.

Достаточно взглянуть на изображение этой посуды (Comşa 1978: 61, рис.39; 62, рис.40-41; 62, рис.42-43; 64, рис.44-45; 65, рис.46-47; 165, таб.ХIV; 166, таб.ХV; 167, таб.ХVI; текст (описание) — стр.60-66), чтобы убедиться в том, что и по формам, и по орнаменту, и по всему облику большая часть этой керамики входит в тот круг, который характерен для салтово-маяцкой керамики с линейно-волнистым орнаментом или соответствующей категории керамики I Болгарского царства или Балкано-Дунайской культуры.

Для некоторых сосудов действительно как будто намечаются черты сходства с провинциальной римской керамикой. Так среди гончарных сосудов римской Дакии есть большие пифособразные горшки с углубленным волнистым (реже линейно-волнистым) орнаментом, напоминающие орнамент на некоторых буковских горшках первой категории. Есть среди позднеримской керамики и вытянутые горшки-кувшины с одной ручкой и горшки без ручек, близкие к некоторым типам посуды первой категории из Букова, а также небольшие одноручные кувшинчики.

Однако все это нуждается в статистическом анализе, обработке, типологическом исследовании и сопоставлении. Никакой керамики, ко-

торую можно было бы считать происходящей от лепной дакийской, ни в описаниях, ни в рисунках обнаружить нам не удалось.

Таким образом, как нам представляется, большинство керамики 1 категории, которую М.Комша считает дако-романской, в действительности является славяно-болгарской, т.е. тюрко-славянской, и лишь в некоторых типах прослеживаются как будто черты провинциальной римской керамики.

Далее М.Комша пишет: «Булавки (или заколки) для волос имеют римско-византийское происхождение. Они найдены на поселении Буков-Ротарь и датируются VIII — IX вв. Такие булавки не встречаются у кочевников, пришедших в зону Дуная. Они являются еще одним доказательством присутствия на этих территориях (Буков — Г.Ф.) населения романского происхождения» (Comşa 1978: 150). Изображения этих булавок отсутствуют в монографии, но, как представляется, можно поверить автору на слово.

Далее М.Комша пишет: «Культ собаки, встречаемый в той форме у даков и карпов, как и музыкальный струнный инструмент, который имеет происхождение от аналогичных инструментов, встречаемых в римскую эпоху в Добрудже, доказывают, что обитатели Букова были не только наследниками провинциальной римской материальной культуры, но и хранителями духовных ценностей дакийской и провинциально-римской традиции, которые представляют довольно значительный элемент континитета.

Ямы с обожженными стенками, дном и с углями доказывают продолжение вплоть до IX в. погребального обряда, характерного для романизованного населения на территории бывшей римской провинции еще со II в». (см. раздел XVI) (Comşa 1978: 138-143).

Под культом собаки М.Комша подразумевает открытую на поселении Буков-Тиока круглую яму (диам.200 см, глубина 80 см — под землянкой No 19), в которой находился скелет собаки. Автор отмечает, что такие же ритуальные и культовые захоронения собаки замечены на карпатском поселении Пояна Дульчешть и др., на дакийском поселении Мэтэсару, Бухарест-Милитари и Бухарест-Тей, на других дакийских поселениях, а также на поселении IV в. черняховской культуры в районе Бырлада и Васлуя. Считая это проявлением культа собаки, характерного для местного гето-дакийского и романизованного населения, М.Комша видит в погребении собаки в Букове проявление этой древней дако-романской традиции (Comşa 1978: 138, 156, таб.V, рис.5).

Что касается костяной детали струнного музыкального инструмента, то М.Комша отмечает, что эта деталь (Comşa 1978: 136, рис.104-2, 3), найденная на поселении Буков-Тиока в землянке No 4, аналогичная детали музыкального инструмента, найденного в одном из погребе-

ний с ингумацией в саркофаге римской эпохи в Мангалии (греко-римская колония Каллатия в Добрудже). Других аналогий для этой костяной поделки я не нашел. Интересно было бы выяснить, где именно и именно ли в дако-романском мире подобные поделки производились.

На поселении Буков-Ротарь неподалеку от жилищ были открыты две (№№ 1, 2), а на поселении Буков-Тиока пять (№№ 1, 3, 5, 7, 8) ям прямоугольной формы или овальной формы с обожженными стенками и дном. В заполнении — пережженные кости, зола, уголь; стеклянные бусины различных форм, в основном, цилиндрические, реже сферические, белого и др. цветов (Comşa 1978: таб. XXVI), фрагменты гончарной керамики — серой и с пролощенными орнаментами и желтой, коричневой, красной с линейно-волнистым орнаментом, обычным для балкано-дунайского типа посуды, железные ножи, глиняные пряслица (Comşa 1978: 140, рис. 106, 1-19). (Описание этих могильных ям, инвентаря и датировку см. Comşa 1978: 138-143, рис. 105/1-7; 140, рис. 106/1-19; 141, рис. 107/1-9). В заполнении найдены также мелкие кости животных, мелкие фрагменты костей. М. Комша датирует погребения по-разному — от середины IX до начала X в.

Автор отмечает, что погребения в обожженных ямах известны на территории Румынии со II — III вв. н.э. в римской Дакии и Нижней Мезии (Добрудже), что этот обряд сохранялся и в послеримское время (погребение у с. Георгия и Братей, у с. Удешть-Сучавы); последнее относится к VI — VIII вв. н.э. (Comşa 1978: 142 — 143) *.

Этим исчерпываются характерные для дако-романского или романизированного, или древнерумынского населения особенности в материальной культуре.

Далее М. Комша пишет: «На поселениях Буков появляется и ряд чуждых элементов. В керамике встречается ряд элементов славянского типа (см. Comşa 1978: 66 — 80, рис. 48-73 — Г.Ф.), а также сделанной под влияние северной или западной — причерноморского гончарного дела (Comşa 1978: 101). Славянские элементы (к ним М. Комша относит горшки с линейно-волнистым орнаментом, сделанные, как она определяет, на ручном круге — Г.Ф.) проявляются особенно в ряде форм типичных конусообразных горшков, сделанных на ручном круге, которые (романизованным населением — Г.Ф.) были переняты в результате контактов славян с романизованным населением на Дунае. Они сосуществуют вместе с банкообразными горшками и горшками провинциально-римского типа. Они вошли в керамический комплекс

* По форме могильных ям и их заполнению (уголь, зола, бусины, кости) буковские погребения близки к салтовскому Ново-Покровскому могильнику, хотя и отличаются рядом черт ориентировкой (север-юг), наличием обожженных слоев и др. (Плетнева 1967: 100 — 101).

местного древнерумынского населения благодаря контактам (его со славянскими племенами — Г.Ф.), а затем и в результате постепенной ассимиляции славян, осевших в подкарпатской зоне в Мунтении.

Другие чуждые элементы в керамике объясняются контактами или спорадическим присутствием на поселениях Буков некоторых групп населения, пришедших из северо-причерноморских зон. Имеется в виду серолощенная керамика (которая, как мы видели, составляет не больше 10% от общего количества керамики из Букова), привнесенная на Нижний Дунай и в северо-восточные части Балканского полуострова кочевническим населением, которое под влиянием крымских и восточных причерноморских городов перешло к полуоседлому образу жизни, а некоторая часть его даже к оседлому, как и некоторые группы алан. Следует также отметить, что в Букове эти пришельцы быстро растворяются среди местного населения. Это отражается в перенятии (местным населением — Г.Ф.) характерной для них керамики и особенно изменением типа жилищ, соответственно меньшей глубиной котлована печи (очага), который заполнялся частично, и обкладкой стен котлована вокруг очага речной галькой (землянка №6 из Буков-Тиока) (см. Comşa 1978: 18, рис. 7 — Г.Ф.).

В итоге констатируем, что и в материальной и в духовной культуре населения Букова отмечаются многочисленные черты в экономике, орудиях труда, керамике, украшениях, обрядах и т.д. постоянной автохтонной традиции дако-римского происхождения, которая вопреки контактам с другими народностями сохранилась в течение веков и составила основу древнерумынской материальной культуры» (Comşa 1978: 150-151).

Здесь требуются некоторые уточнения. Судя по описанию и по таблицам рисунков, в данном случае М. Комша отнесла к разным этносам единый керамический комплекс. Речь идет о сосудах 1 категории (см. выше), которые М. Комша определяет, как сделанные на быстром круге, и относит к местным дако-романским. Это яйцеобразные или шарообразные (в большинстве) горшки с углубленным линейно-волнистым орнаментом с одной стороны (Comşa 1978: 60 — 66, рис. 39/47; 165, таб. XIV; 166, таб. XV; 167, таб. XVI), а также черные или серолощенные сосуды с пролощенным орнаментом, которые М. Комша относит к чуждым элементам, привнесенным кочевниками из Северного Причерноморья (Comşa 1978: 86-87). Между тем оба эти вида керамики входят в единый керамический комплекс, который и по формам, и по технике выделки, и даже по соотношению между ними соответствует керамическому комплексу I Болгарского царства и салтово-маяцкой культуры.

Что же касается горшков с линейно-волнистым орнаментом славянского типа, то непо-

нятно, почему наличие их в Букове М.Комша считает результатом славянского влияния, а не делом рук самих славян.

Следующий раздел работы М.Комша посвящает определению места поселений у Букова в общем комплексе древнерумынской материальной культуры. Он так и называется: «Место поселений у Букова в рамках древнерумынской материальной культуры».

М.Комша пишет: «Поселения в Букове не представляют собой изолированного культурного комплекса. Керамика, очень близкая к Буковской, также развившаяся из провинциально-римской керамики Дакии или Мезии, датируемая IX — X вв., была найдена в последние годы во всех регионах страны» (Сомџа 1978: 151). Здесь М.Комша делает сноску (№ 220), в которой, однако, указано лишь 5 пунктов находки подобной керамики. Далее М.Комша пишет: «Широкое распространение имеют также типы жилищ, связанные с древнейшей автохтонной традицией (в особенности землянки с открытым очагом), довольно значительное количество землянок с подбойной печью, печи для выпечки хлеба и т.д. имеют широкое распространение».

Все это доказывает, как мы показали в другой работе, что поселения у Букова принадлежат к культурному комплексу, который в IX — X вв. занимал обширную территорию, расположенную к северу от Дуная. Этот культурный комплекс имел в своей основе автохтонную дако-римскую культуру, к которой, начиная с IV в., прибавились элементы римской или римско-византийской мезийской культуры, а также паннонские и даже провинциально-римско-далматийского происхождения элементы культуры. К этому культурному комплексу были присоединены элементы культуры других народностей, с которыми в течение I тыс.н.э. романизованное население, а затем румынское население вошло в контакты и постепенно их ассимилировало.

В результате взаимных влияний, которые происходили во время этих контактов, культурный комплекс древнерумынского населения обогатился новыми элементами, которые, однако, не привели к радикальным изменениям дако-романского наследия, оставившего основной комплекс древнерумынской материальной культуры.

В рамках этого большого древнерумынского комплекса, цельного в своих главных чертах в IX — X вв., можно выделить некоторые детали, появившиеся в тех исторических условиях, в которых жило романизованное население к северу от Дуная и его отношений с другими народностями в течение веков.

Культура типа Букова, в особенности, судя по тем данным, которыми мы располагаем к настоящему времени, была распространена в подкарпатском регионе, в горном массиве Мун-

тении между рекой Прахова и долиной р.Слониц, правого притока р.Бузеу.

Не исключено, что границы этих локальных вариантов древнерумынской материальной культуры, совпадут, по крайней мере, частично, с границами некоторых политических древнерумынских образований IX — X вв., о которых шла речь выше» (Сомџа 1978: 151). В данном случае речь идет о тех валахско-славянских княжествах, о которых упоминает венгерский «Аноним», известия и интерпретация которых была сделана выше.

Отметим, что, делая такие ответственные выводы, как вывод о широком распространении памятников типа Буков в Карпато-Дунайских землях, М.Комша ни в данной работе, ни в каких-либо других, как впрочем, и остальные румынские археологи, не помещает списка памятников этого типа (как и Балкано-Дунайской культуры), не картографируют их и т.д., ограничиваясь лишь общими заключениями по этому поводу.

Если в предшествующих публикациях Букова, имеющих отчетный или предварительный характер, фактический материал публиковался лишь в незначительном количестве и имел в основном иллюстративное значение, то в данной монографии имеется полная, во всяком случае, по мнению автора, публикация памятника и все аргументы в пользу его этнической атрибуции, как относящегося к древнерумынскому населению, приведены автором полностью и с возможной основательностью. Все карты, так сказать, выложены на стол.

Насколько они основательны, насколько можно по археологическим данным относить памятники типа Буков к древнерумынскому или по нашей терминологии, к восточнороманской народности, кажется ясно из уже изложенного выше. Действительно, ряд признаков говорит о том, что некоторые черты в материальной культуре Букова можно связать с дако-романской традицией, как с местной, так и мезийского происхождения (некоторые типы посуды, фрагменты струнного музыкального инструмента, некоторые типы изделий и сооружений и т.д.). Однако по подавляющему большинству тех категорий и видов предметов материальной культуры, которые вообще могут быть использованы для этнической атрибуции и, прежде всего по основному керамическому комплексу, памятники типа Буков, безусловно, относятся, прежде всего, к культуре I Болгарского царства, и можно лишь полагать, что среди носителей и создателей этой культуры в подкарпатской или карпатской зоне, как об этом указывают перечисленные выше признаки, принимало участие романизованное население. В то же время мы знаем по письменным источникам, что в конце I — начале II тыс.н.э. восточнороманская народность уже существовала, и, если отнести с доверием к указаниям «Повести временных

лет» и венгерского «Анонима», обитали волохи именно в Карпатах и подкарпатской зоне. Таким образом, процесс ее этногенеза уже завершился или завершился, ассимиляция романизованным населением славян происходила и в какой-то мере уже подходила к концу, а кое-где видимо и закончилась. Чем объяснить, что при этом материальная культура имела в основном болгаро-славянский характер, ответить трудно. Полностью доказательных и аргументированных объяснений этого феномена не существует. Можно высказать лишь предположение, что и будет сделано в конце настоящей работы.

Еще в 1963 году М.Комша опубликовала статью, в которой писала об эволюции, датировке и фазах развития и распространения Балкано-Дунайской культуры на территории Румынии (Comşa 1963). В этой статье М.Комша обосновывает датировку этой культуры от первых десятилетий IX в. до начала XI в. и прослеживает 4 фазы ее существования:

Первая фаза — от первых десятилетий до конца IX в. Эта культура была распространена лишь в Добрудже (Истрия, Тариверде, Чорбу де Жос), Мунтении и Олтении (Маркулешти-Вишоара, Мэнэстирия и др.). Для этого времени характерны горшки окислительного обжига с линейно-волнистым орнаментом и серые сосуды восстановительного обжига с пролощенным орнаментом (горшки, одноручные кувшины).

Вторая фаза — конец IX — начало X в. Появление Балкано-Дунайской культуры и в Трансильвании, сначала лишь в области между Алба Юлия (Бэлград) и р.Себеш (Бландиана). А в начале X в. памятники типа «Бландиана А» сменяются памятниками типа «Бландиана В». К этой фазе относятся памятники типа Кастелу, Султана (Добруджа), Буков I и др. Для этого периода характерны типы керамики, описанной при рассмотрении Букова. В Молдову, особенно в ее центральную и северную часть Балкано-Дунайская культура проникает лишь в начале X в., постепенно ассимилируя культуру Хлинча I.

Третья фаза — от середины X до 971 года. В Добрудже это памятники типа Басарабь и Капидава, в Мунтении — Дриду и др. Происходит развитие всех предшествующих типов керамики и увеличение количества привозной византийской керамики, в частности двуручные амфоровидные кувшины, в том числе и кувшины с охрой.

Четвертая фаза — от 971 года до, приблизительно, 1000 года н.э. — памятники типа Буков II, Гарвэн (Диногоция), Капидава, Новиодунум, Дриду и др. Керамический комплекс в основном такой же, как в 3 фазе. Нашествия печенегов в X — XI вв. положили конец развитию Балкано-Дунайской культуры на территории Молдовы, Мунтении и Олтении.

В Молдове элементы Балкано-Дунайской культуры принимали участие в образовании

комплексов Хлинча II — Рэдукэненъ, относящихся к XI — XII вв. В Мунтении и Олтении пока встречены лишь слабые следы XI — XII вв. Поэтому трудно определить развитие материальной культуры здесь после нашествия печенегов. Однако и здесь элементы Балкано-Дунайской культуры способствовали сложению материальной культуры XI — XII вв. В Добрудже и на северо-востоке Балканского полуострова местная Балкано-Дунайская культура продолжает свое существование в рамках Византийской империи при Иоанне Цимисхии и Василии II. В начале XI в. серая керамика исчезает, но беловатая керамика (с врезным орнаментом) продолжает бытовать, принимая участие в сложении византийской провинциальной культуры Нижнего Дуная» (Comşa 1963: 120).

Через год после опубликования этой статьи М.Комша сделала доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнических наук в Москве в августе 1964 года (опубликован в 1970 году в 5 томе Трудов Конгресса). В этом докладе нарисована другая картина процесса румынского этногенеза, хотя за это время не были открыты какие-либо новые материалы, требовавшие изменения общей концепции.

М.Комша приходит к следующим основным выводам: «...На территории нашей страны (т.е. Румынии — Г.Ф.) в IV — VI вв., т.е. до прихода славян на территорию Румынии образовалась культура, единая в своих общих чертах, но в то же время содержащая и разные отличия в отдельных деталях, на основе которых можно выделить несколько локальных вариантов... В VI веке во внекарпатские области проникают первые славянские племена (склавины и анты), которые соприкоснулись и сосуществовали с местным романским населением, как это было указано при рассмотрении комплексов типа Ипотешть-Кындешть-Чурел.

...Кроме территории бывшей Дакии в течение III — IV вв. романизовались и территории Мунтении, и часть Молдовы вследствие переселения в эти области римского населения из провинции Дакии, либо с юга от Дуная из Мезии, о котором свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Надеемся, что скоро сможем написать об этом подробную работу..

В отличие от внекарпатских областей, в Трансильванию славянские племена пришли позднее, в начале VII в. Здесь они нашли местное романское население, а также остатки германского населения, занимавшего господствующее положение... Тот факт, что первые славянские племена как во внекарпатских областях, так и в Трансильвании органически включаются в поселения и могильники местных жителей, доказывает, что мы имеем дело с мирным проникновением, новые пришельцы совместно проживали с местным населением. За этими первыми проникновениями последовали

ли в VII — VIII вв. и другие из разных областей. В то же время непрерывное бытование местных элементов и их сосуществование со славянскими может быть прослежено до X в. включительно. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, дали также возможность установить, что различные славянские племена, пришедшие на территорию нашей страны, не осели равномерно по всей территории страны. Они гуще заселили равнинные области, тогда как в более отдаленных районах местное население всегда было преобладающим.

Процесс сосуществования со славянами, который во внекарпатских областях начался уже в VI веке, а в Трансильвании — в начале VII в., может быть прослежен и в последующие столетия до X в. включительно, когда ассимиляция славян завершается на большей части территории Румынии» (Комша 1970: 285 — 286). К статье приложены 7 таблиц керамики.

Разумеется, в кратком докладе, опубликованном в виде статьи, М.Комша не могла дать развернутую аргументацию выдвинутых ею положений, и все же ряд положений вызывает недоумение.

Прежде всего, непонятно, чем может быть обосновано утверждение, что в IV — VI вв. еще до прихода славян на территорию Румынии сложилась единая в основных чертах культура, подразумевается культура местного романизованного населения. М.Комша ссылается при этом только на культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел в Мунтении и Олтении и на сходные с нею культуры в других частях Румынии, причем все эти культуры датируются авторами публикаций и раскопок как культуры VI — VII вв., а не IV — VI вв., и все без исключения памятники этих культур содержат лепную славянскую керамику, т.е. они возникли не до прихода славян, а с приходом или после их прихода и по всем параметрам являются славянскими. Что же касается непрерывности обитания романизованного населения и дакийского населения на территории Румынии после оставления Дакии римлянами, то оно бесспорно установлено только для Трансильвании, а для Мунтении, Молдовы и др., вопреки утверждению М.Комши, ни по письменным, ни по археологическим источникам не установлено, и таких источников ни М.Комша ни какой-либо другой исследователь не приводит.

Памятники культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел и соответствующие им памятники в Трансильвании, Молдове, Добрудже М.Комша считает принадлежащими смешанному романо-славянскому населению. Как уже было показано, такая точка зрения подвергается критике со стороны К.Дайковичу, который не считает культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел из Мунтении и Олтении в какой-либо мере романской. Однако, если считать точку зрения М.Комши правильной, то необходимо показать, из какой местной романской культуры вырастает

культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, с какой именно романской или дако-романской культурой на территории Румынии и какими категориями изделий, жилищ и т.д. времени до VI — VII вв. связана преемственность развития этой культуры. Задача, с нашей точки зрения, невыполнимая.

Далее, остается недоказанным тезис о том, что в течение III — VI вв. романизации подвергалась не только Дакия, но и Мунтения и часть Молдовы. Каких-либо письменных или убедительных археологических источников, подтверждающих эту мысль, мы не знаем, не приводит их и М.Комша. В статье даже не упоминается о Балкано-Дунайской культуре, в течение многих лет исследовавшейся М.Комшей, и остается за рамками статьи такой важнейший вопрос, как сопоставление местных, распространенных на территории Румынии, культур с культурой центров I Болгарского царства, в границы которого в IX — X вв. входила большая часть территории Румынии. (С нашей точки зрения остается недоказанной и генетическая связь между культурами Ипотешть-Кындешть-Чурел, с одной стороны, и культурой древнерумынского населения IX — X вв., иллюстрированная лишь сопоставлением профилей 6 типов верхних частей сосудов).

Наконец, тезис, что в X веке завершился наконец процесс формирования «древнерумынской» народности или восточнороманской народности, археологически остается недоказанным. Утверждение же, что в X веке ассимиляция славян завершилась на большей части территории Румынии, находится в противоречии, как с фактами, так и с положениями самой М.Комши, высказанными ею в предшествующих статьях, где она пишет, что в Трансильвании этот процесс ассимиляции славян завершился лишь в XII веке, а в Молдове еще долгое время после X в. автохтонное население сосуществовало со славянами.

Несмотря на ряд недоказанных положений, и противоречий, концепция М.Комши представляется интересной и перспективной. Попытки выделить в общем комплексе культуры I Болгарского царства черты, которые могут быть связаны с дако-романским населением заслуживают внимания и продолжения.

Сравнительно недавно была четко сформулирована еще одна концепция этногенеза восточнороманской народности, выдвинутая академиком К.Дайковичу. В своей концепции он опирается на письменные, этнографические, топонимические источники, а особенно на археологические, в значительной части открытые и исследованные самим К.Дайковичу и возглавляемым им сильным коллективом клужских археологов. Выше указано, что ряд работ клужских археологов и, прежде всего, фундаментальная монография Д. Протасэ содержит убедительные доказательства (по археологическим и нумизматическим материалам) непрерывно-

го обитания на территории Дакии после ухода римских войск и администрации значительного романизованного и дакийского населения.

Концепция этногенеза восточно-романской народности была наиболее четко и развернуто высказана К.Дайковичу в докладе в Мюнхене в 1966 г. на сессии Ассоциации «Юго-Восточная Европа...». В переработанном и дополненном виде доклад был опубликован сначала в Мюнхене и Сибиу, а затем, под названием «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований» — в сборнике «Единство и непрерывность истории румынского народа», вышедшем в 1966 г. в Бухаресте под редакцией профессора Д.Берчу (Daicoviciu 1968).

Концепция К.Дайковичу представляется в высшей мере интересной и важной, заслуживающей особого внимания и разбора. Он выступает решительным сторонником непрерывности, так как и большинство румынских ученых считает, что румынский народ сформировался из дако-римлян и других племен и народов, подвергавшихся на протяжении длительного времени романизации после завоевания Дакии Траяном. К.Дайковичу — решительный противник Р.Респера и др., считающих, что восточные романцы сформировались на землях южнее Дуная и на территории нынешней Румынии переселились между XI и XIII вв. Он считает, что непрерывным проживание романизованного населения было в Дакии — своем естественном центре — на землях к северу от Дуная, причем после эвакуации римских войск из Дакии она была заселена свободными даками и другими племенами, в том числе и с территории севера Нижнего Подунавья.

Выше было упомянуто, что археологическими исследованиями последних лет, обобщенными в монографии Д. Протасэ, доказано, что до второй половины V в., т.е. до гуннского нашествия, на территории Дакии продолжало оставаться романизованное население. Гуннское нашествие и последующие битвы между различными племенами, во главе которых стояли наследники Атиллы, принесли значительные разрушения и опустошения, привели к сокращению населения. Однако в последние годы открыт и ряд поселений в Дакии местного романизованного населения, или, во всяком случае, смешанного населения с участием дако-романцев, относящихся ко времени после гуннского нашествия в VI-VII вв. Эти поселения открыты в центральной части Трансильвании в долине Муреша на возвышенных плато и в предгорьях Карпат в районе, имеющем естественную защиту в виде горного кольца, в прилегающих районах Олтении. Таковы неукрепленные поселения Цапа возле Клужа, Сопорул де Кымпие возле Турда, Чипэу, Сфынтул Георге, Морешть около Тыргу Муреш, Братей около Медиаша. Жилищами служили прямоугольные или круглые землянки. Характерно почти полное

отсутствие печей. Иногда печи сооружались снаружи, возле землянок. Совсем нет обычных для славян печей-каменок. На поселении Братей в долине р. Тырнава Микэ на юге Трансильвании, которое датируется V-первой половиной VI в., открыто около 100 землянок.

Судя по очень большому количеству костей крупного рогатого скота, основным занятием жителей было скотоводство, хотя они занимались и земледелием, и выплавкой железа. Переход к скотоводству, как основному занятию, не случаен. Нашествия гуннов и ряда других племен привели к тому, что дако-романское население забросило города и большинство поселений, расположенных в долинах и на ровных плато, и переселилось в горные и предгорные области, имеющие хорошую естественную защиту и маскировку. Это обусловило и переход к новой форме хозяйства — выдвиганию на первый план скотоводства. Население Трансильвании в VI-первой половине VII в. использовало как лепную, так и гончарную посуду. Среди лепной керамики заметное место занимают горшки местной дакийской традиции: биконические с широким горлом и дном. Есть здесь и гончарная посуда провинциально-римско-византийского облика — серые округлобокие горшки часто с заметным перегибом в средней части тулова, орнаментированные на плечиках горизонтальными и волнистыми линиями. Подобная посуда встречается и за Карпатами на памятниках типа Чурел. Есть на этих поселениях и гепидская керамика — гончарные серые грушевидные сосуды с орнаментом из пролощенных линий или штампованные лунками или розетками, заимствованные из провинциальной римской керамики.

Переселившиеся на территорию бывшей провинции Дакии племена — готы, гепиды, авары и др. с местным населением вступали в контакт, и при более или менее длительном совместном проживании подвергались со стороны этого населения ассимиляции. В результате кроме собственно дако-римских и греко-романских поселений (поселение последнего типа открыто, например, у с. Тибискум в долине Тимиша) появились поселения смешанные, а также поселения переселившихся в Дакию племен, в культуре которых заметны черты дако-романской культуры местного населения. Такие элементы (в керамике) прослежены, например, на поселении Морешть, имеющем, в основном, гепидский характер. Чисто гепидским был, видимо, могильник Братей III.

Население Трансильвании в VI-VII вв. до прихода славян было смешанным. Поселения и могильники типа Морешть-Банду-Ношлак принадлежат, судя по материальной культуре, смешанному романизованному дако-римскому и гепидскому населению. Для погребений на всех могильниках этого времени (Морешть, Чипеу, Ношлак и др.) характерен обряд трупо-

положения (при разных деталях этого обряда), а в более позднее время — в VII в., с приходом славян — появляются и могильники с трупосожжениями. Могильники типа Банду, Ношлак использовались до середины VII в., когда в Трансильвании появилось значительное славянское и аварское население. Материальная культура VII-VIII вв. в Трансильвании носила, в основном, славянский характер (Сомешень, Нушфалэу, Нушень, Окна Сибиулуй и др.). После сильной консолидации славян в Дакии и установившейся благодаря этому стабилизации начался процесс возвращения местного скотоводческо-земледельческого населения с гор и предгорий в долины и на поля, заселенные славянами. Тогда и начался дако-романско-славянский симбиоз, который завершился на протяжении X-XI вв. ассимиляцией славян дако-романцами, обусловленный рядом специфических обстоятельств.

Дако-романско-славянский симбиоз доказывается не только смешанным характером материальной культуры, но и многочисленными древними славянскими элементами в румынском языке, преимущественно южнославянского характера, доказывающими, что славяне в Дакию шли вероятнее всего с юга. Выделение в материальной культуре тех элементов, которые связаны с местным населением, есть одна из важнейших задач, стоящих перед историками и археологами. Вряд ли можно говорить для периодов от VI до VIII-IX вв. для территории долин Мунтении и Молдовы о существовании здесь автохтонного романского населения, хотя и на этих территориях не исключается влияние материальной и духовной культуры, идущее с территорий, находящихся южнее Дуная. Мирное сосуществование славян с местным населением привело к их тесным контактам и к появлению в середине VII-VIII вв. смешанных славяно-романских поселений, таких как Безид и Сэлашурь возле г.Тыргу Муреш в Центральной Трансильвании, на которых открыты круглые и прямоугольные землянки с очагами или печами-каменками, лепная и гончарная керамика и т. д. Лепные горшки стройные, с насечками или защипами по венчику, гончарные — с линейно-волнистым орнаментом. Керамика эта очень близка к славяно-аварской из могильника VII-VIII вв. Девинска Нова Вес в Словакии. На многих из этих поселений жили, видимо, славяне и романизованное население. На славянских по основному облику культуры селищах Трансильвании — Безид, Сэлашурь, Чипэу наряду с лепной славянской керамикой позднего пражского и других типов найдены горшки местной традиции — гончарные римско-византийского облика и гончарные вытянутые с линейно-волнистым орнаментом. Еще в VII-VIII вв. появляются в Трансильвании смешанные романо-славянские поселения (например, Братей — поселение и могильник).

В центральной Трансильвании в аварских могильниках (Аюд, Гымбаш, Теюш) есть и посуда, сделанная в местных традициях. В последние годы открыты смешанные романо-славянские могильники (Медиаш, Окна, Сибиулуй, Братей), в которых есть и труположения и трупосожжения.

В IX — начале XI вв. почти вся современная Румыния была занята двумя культурами: романско-славянской культурой типа Буков и южнославянской, по преимуществу смешанной (славяно-болгары, тюрко-болгары, элементы восточных романцев), распространенной на нижнем Дунае. В Трансильвании небольшой островок Балкано-Дунайской культуры существовал, видимо, среди ареала культуры Буков на юге (р-н Бландианы). Культура Буков известна на значительной части территории Румынии и связана главным образом с горными местами, предгорьями и плато Карпатской области. Памятники этой культуры найдены в Трансильвании, Олтении, Банате, Кришане, Марамуреше, в северо-западной Мунтении и западной Молдове, где проходила полоса соприкосновения культуры Буков с Балкано-Дунайской и восточнославянской культурами. Характеристика этой культуры дана выше. Поселения, в основном, — неукрепленные — селища, но в Трансильвании есть и с укреплениями — Морешть, Дабыка, Молдовенешть, Мойград, Сириоара. Укреплениями служили деревянно-земляные валы и рвы. Могильники известны. Культура Буков развилась как локальный вариант Балкано-Дунайской культуры в период нахождения большей части территории в границах I Болгарского царства. Помимо горных областей, поселения ее открыты в холмистой прикарпатской зоне (Буков, Слон, Бырлагу) с землянками, характерными для дакийской и дако-романской традиции и с открытым очагом.

Элементы культуры Буков отмечены в Ношлаке, Дэбыка и др. пунктах в Трансильвании. К.Дайковичу считает, что остатки крепости возле с.Дэбыка в Трансильвании (к северу от Клуэжа) являются развалинами крепости вождя влахо-славян Гелу, упомянутого в сочинениях анонимного секретаря венгерского короля Белы III в качестве властелина, князя влахо-славянского народа в долине Сомеша. Южнославянский, в основном, характер славянизмов в румынском языке К.Дайковичу объясняет тем, что славяне, поселившиеся в VIII-IX вв. на территории бывшей Дакии и позднее ассимилированные романцами, пришли в Дакию с территории южнее Дуная, из районов Нижней Мезии. Таким образом, К.Дайковичу отвергает положение о том, что южнославянский характер топонимов и славянских заимствований в румынском языке свидетельствует о том, что румынский народ и его язык формировались на Балканах.

Подводя итог рассмотрению археологических, письменных и других источников, К. Дайковичу приходит к заключению: «На основании всего вышесказанного мы можем придти к следующим бесспорным выводам: теория реслериана (прерывности, термин произошел от фамилии сторонника этой теории Р. Реслера — Г. Ф.), в соответствии с которой формирование румынского народа и его языка происходило на Балканах и румынский народ переселился в Дакию с юга Дуная, не выдерживает критики, не подтверждается всеми видами источников: археологическими, историческими, лингвистическими. Наоборот, все эти источники свидетельствуют о том, что формирование румынского народа и его языка происходило не во внутренних областях Балканского полуострова, а к северу от Дуная на территории Дакии» (Daicoviciu 1968: 93).

Со времен романизации Дакии и Нижней Мезии латиноязычный народ жил на обширной территории — от Балканских гор до Северных Карпат и Дакии. Но на всей территории восточно-романская народность непрерывно не обитала. Такое обитание не подтверждается историческими и археологическими источниками.

Первоначально центром романизации была Дакия. Дунайские романцы с юга проникали на территорию Дакии, усиливая здесь романский элемент. После проникновения болгар-тюрков на Нижний Дунай и основания I Болгарского царства Дакия осталась единственным сильным и мощным восточно-романским центром. Придунайские романцы, прежде всего жители городов и общинных сел, численно сократились и расселились из-за сильной в то время славянизации. Единый массив этих романцев прекратил свое существование. Одни из них перешли к пастушескому отгонному скотоводству, другие продолжали сидеть на местах, но обратились к новому виду хозяйства — оседлому скотоводству. Расселение восточных романцев происходило и на земли к северу от Дуная, в частности, в Дакию, лучше защищенную от нашествий, а также на юг и запад Балканского полуострова, где до настоящего времени существуют румыны. Поля и долины Нижнедунайской низменности непрерывно истощались в это время вторжениями кочевых племен. После крушения Византийского владычества на Балканском полуострове могли существовать сезонные переправы пастушеских проторумынских племен за Дунай и обратно. Передвижения пастухов, естественно, зависели от ситуации, в которой находились районы Подунавья в пору перегона скота в горы на летние пастбища и обратно.

В период высшего расцвета I Болгарского царства Балкано-Дунайская культура распространилась на большую часть территории современной Румынии (Мунтения, Добруджа, Молдова, южная Олтения (Челей), южная Трансиль-

вания (Бландиана). Среди кухонных горшков этой культуры — в целом южнославянского облика — прослеживаются реминисценции древних местных провинциально-римских традиций. Относительно существования непрерывного, прочного и стабильного проторумынского населения на Нижнем Дунае или в «Дунайском болоте» мы не имеем никаких свидетельств источников — ни исторических, ни археологических, ни лингвистических. Проторумынское население и не могло жить в долинах Мунтения и Олтения хотя бы из-за непрерывных нападений с востока. Напротив, холмистые и горные пространства бывшей римской Дакии приобретали большую ценность в качестве убежищ и мест сохранения дако-романской народности. Эта дако-романская общность усиливалась и консолидировалась также вследствие постоянной ассимиляции славян, остатков других пришлых племен, а также за счет продолжавшейся инфильтрации дако-мезийцев из низовьев долины Дуная. Вынужденные в результате многочисленных нападений и миграции извне переместиться на плато в горные районы альпийской и приальпийской зоны дако-романцы перешли к скотоводству и жили в небольших, недолговременных поселениях, в которых занятие земледелием и даже скотоводством были весьма затруднительны. Этим объясняется исчезновение дако-римской топонимики и замены ее славянской, поскольку славяне в течение нескольких вв. обитали на поселениях на территории бывшей провинции. Славянская топонимика была воспринята проторумынами в VIII-X вв. в зоне совместного проживания романцев и славян. Сильная консолидация славян на этой территории создала для местного дако-романского населения условия, необходимые к возвращению к прочной оседлости и земледелию, не оставляя, конечно, при этом и ставшего традиционным пастушества, которое и дальше оставалось одним из самых характерных для романцев занятий. Совместное длительное проживание славян и проторумын привело к началу спокойной мирной ассимиляции славянских элементов романцами. На протяжении всего периода совместного проживания и ассимиляции происходило проникновение в румынский язык из славянского слов, связанных с земледелием и социально-политическими процессами, а в славянский язык ряда терминов, относящихся к скотоводству.

Вероятно, уже в IX в. во внутрикарпатской Дакии начали возникать первые романо-славянские политические раннефеодальные образования. Процесс формирования волохов и их языка имел место в последние два или три века I тыс. н.э. Основным районом, где происходил и закончился процесс этногенеза, был и мог быть только район холмов и гор бывшей римской Дакии. В последний период I тыс. и

первые века II тыс. н.э. из этого центра романизация распространилась и на остальные районы — те, в которых никогда не было романизации или где романизованное население давно исчезло. К этому выводу привели К.Дайковичу исследования археологических, лингвистических и историко-географических фактов и источников. Правда, и ему свойственно употреблять термин «румын», хотя до XII в. уместны лишь употребление терминов «волох» или «влах».

Из всех теорий этногенеза восточнороманских народностей данная представляется мне наиболее убедительной, аргументированной, увязанной с различными видами источников и с общими процессами этногенеза в Юго-Восточной Европе. Однако и клужской школе, хотя и в меньшей мере, свойственны некоторые методологические недостатки в использовании археологических материалов для решения проблем этногенеза. Главный из них, как представляется, недостаточно аргументированное выделение из Балкано-Дунайской культуры ее романо-славянского варианта типа Буков, хотя в определенной мере это можно проследить по некоторым видам керамики, возможно, отопительным сооружениям и др. признакам, а также по ландшафтно-географической зоне.

Необходимо более четко выделять соответствующие признаки, подвергнув их (особенно, массовый материал) статистической и типологической обработке и картографированию. Указать, если таковые выявляются, четкие признаки, выделяющие культуру Буков из общего ареала Балкано-Дунайской культуры, составить археологическую карту памятников типа Буков, указать их количество. В закрытых комплексах жилищных или менее раскопанных памятниках путем сопоставлений, статистической и типологической обработки установить долю различных этнических элементов в этой культуре, открыть и исследовать могильники. Особая потребность во всем этом выявилась после монографического издания памятника Буков М.Комшей в 1978 г.

Далее, К.Дайковичу пишет об участии дако-романцев с низовьев Дуная в формировании восточнороманской народности в Трансильвании, однако не уточняет, каков был их вклад в этом процессе.

В IX-X вв. н.э. в Карпато-Дунайских землях в условиях сохранившейся экономической и культурной стабилизации продолжалось развитие близких по своему облику (в основном, ландшафтному) культур. Выражением стабилизации стало относительное единообразие материальной культуры на большей части Карпато-Дунайских земель, которого не существовало здесь со времен римского господства, а до того — до расцвета гето-дакийского царства. Создание третьего в хронологической последовательности этнокультурного ареала в Карпато-

Дунайских землях в конце I тыс. н.э., видимо, знаменовало собой и третий, заключительный этап в сложении восточно-романских народностей, одним из важных слагаемых которых были славяне. Но при всех недоработках и уязвимых местах концепция восточнороманского этногенеза, выдвинутая К.Дайковичу, представляется наиболее убедительной и правомерной.

Однако еще до смерти К.Дайковичу (1973 г.), а особенно после нее, его концепция была практически отвергнута официальной археологической наукой Румынии. Ныне господствующей является концепция И.Нестора, описанная выше. Центральным ее положением является утверждение, будто Балкано-Дунайская культура (или культура Дриду) является культурой восточнороманской, проторумынской или древнерумынской, а иногда ее называют просто румынской. В соответствии с этим положением конструируются, как было показано выше, с целью показать автохтонность культуры Дриду, некие культуры Протодриду (куда зачисляются без особого разбора самые различные культуры — черняховская, раннеславянская), а также ПостДриду и т.д. Соответственно, производится без какого-либо основания этническая перетрибуция памятников, чаще всего со славянских на якобы древнерумынские. Так, например, восточнославянские памятники типа Хлинча I — Спиноаса стали называться памятниками культуры Протодриду и приписываться проторумынской народности, а памятники культуры Дриду, соответственно, румынской единой народности (Teodor 1968; Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 99-136; Ștefan 1968; Zaharia E. 1967; Nestor 1973).

Следует отметить, что концепция И.Нестора и его последователей, ныне господствующая в румынской археологической науке и основой которой является представление о Балкано-Дунайской культуре, или культуре Дриду, как о восточнороманской или древнерумынской, не была принята в зарубежной науке.

Болгарские ученые считают и называют эту культуру на всем ее ареале культурой I Болгарского царства, выделяя в ней фракийские, славянские и тюркские элементы и отрицая ее якобы древнерумынский характер (Милчев 1973; Въжарова 1973; Ангелов 1971; Бокшлов 1973; Он же 1970; Михайлов 1969). Также культурой I Болгарского царства, южнославянской, славяно-болгарской или салтово-маяцкой, наложившей свой отпечаток на славянскую, называют и определяют эту культуру и советские археологи. Единственным исключением является И.Г.Хынку, который в целом стоит на точке зрения И.Нестора, раздвигая, однако, границы ранней (в первые века н.э.) романизации и на территорию Прутско-Днестровского междуречья. И.Г.Хынку без всяких на то оснований датирует балкано-дунайскую культуру X-XIV вв. н.э., восточнославянское летописное племя

тиверцев считает полиэтническим (выделяя в нем романский элемент), утверждает, что именно тиверцы были носителями Балкано-Дунайской культуры, которую он также считает полиэтнической, видя в ней романский «автохтонный» элемент, иногда выдвигая его на первое место в этой культуре (Хынку 1966; 1968; 1969; 1970; 1971; 1976).

Такая интерпретация Балкано-Дунайской культуры подвергалась в советской историографии развернутой критике (Федоров, Чеботаренко 1974: 67-69, 97-98, 108-115; Бырня, Рафалович 1979). Балкано-Дунайская культура в советской историографии тоже интерпретируется как культура I Болгарского царства, с соответствующей этнической атрибуцией. Точка зрения И.Г.Хынку, примыкающая к взглядам И.Нестора и его школы, является в советской историографии исключением. Не приняли концепцию И.Нестора и его школы, в частности ее романскую атрибуцию, и польские археологи. Так, София Хилцеровна в своей рецензии на монографию Еуджени Захарии о Дриду (Hilczegowna 1970), подробно анализирует содержащиеся в ней выводы и показывает несостоятельность этнической атрибуции культуры Дриду как древнерумынской. София Хилцеровна указывает и на многие методологические ошибки в монографии Е.Захарии, на игнорирование славянских черт культуры и приходит к выводу, что культура Дриду, прежде всего по своему керамическому комплексу, была славянской, точнее, славяно-болгарской.

Таким образом, последние годы в разработке проблемы восточнороманского этногенеза по данным археологии в румынской науке ни в методологическом, ни в теоретическом отношении не привели к прогрессу, а скорее явились шагом назад. Вместе с тем, продолжают открытыя и раскопки памятников I тыс. н.э., хотя важнейшие для данной проблемы памятники первой половины II тыс. н.э. почти не исследуются.

Нельзя, однако, не сказать о том, что в разработку проблем восточнороманского этногенеза румынские археологи все же внесли важный вклад, наполнив конкретным содержанием представление о трех этапах основных слагаемых этногенеза. Однако до полной ясности в этой проблеме еще далеко.

Прежде чем подвести итоги, представляется целесообразным провести краткий обзор событий в Карпато-Дунайских землях, следовавших в период после X в., чтобы с ретроспективной точки зрения — от хорошо известного по письменным и другим источникам периода — оценить выводы, сделанные по I тыс. н.э.

В XI в. период этнической, культурной и экономической стабилизации на Балканах прервался. В начале XI в. в результате ударов, нанесенных Византией и кочевниками I Болгарского царству, оно было разгромлено, террито-

рия его захвачена. Наступило время непрерывных вторжений на Балканы, запустения многих поселений, отлива населения, особенно из Дунайской равнины. Ареал Балкано-Дунайской культуры резко сократился, многие ее поселения были превращены в развалины (Дриду, Буков и др.). Сама культура фактически прекратила существование. Еще в начале X в. венгры, разгромив Великоморавскую державу, проникли в Трансильванию. В XI в. распалось самое могущественное из славянских государств — Древнерусское. В результате было ослаблено то мощное влияние, которое оказывали эти три великих государства на поселения нынешней территории Румынии. Византийская империя в конце X — начале XI вв. перешла в наступление и раздвинула свои границы вплоть до Дуная, а в нижнедунайской изменности обособились пришедшие с востока кочевники — печенеги, торки, половцы, а с середины XIII в. и татаро-монголы, оставившие огромное количество курганов по всей Нижнедунайской изменности. Мунтения и Олтения в XI-XIII вв. были опустошены набегами кочевников, следы пожаров и разрушений в конце X — начале XI вв. встречаются на поселениях Балкано-Дунайской культуры повсеместно (Ильяна, Дриду, Бэрляска, Мэркулешть, Путиной, Буков и др.). Обособившись в начале X в. в Южной Бессарабии и Молдове, печенеги в конце столетия переместились в Мунтению и Олтению, в значительной степени истребив и вытеснив оттуда местное население. На юге Мунтении в Тынгару (близ г.Джурджу) найдено печенежское погребение, в Мунтении, Олтении, Молдове и Трансильвании с конца X в. получили распространение печенежские глиняные котлы.

В начале XI в. печенеги начали совершать нападения на земли к югу от Дуная — в частности, на Добруджу. Вскоре после этого византийцы поселили в Добрудже большую группу печенегов для охраны области от новой волны кочевников — узов или торков, которые все же в 1065 году форсировали Дунай и вторглись в Добруджу. Соединенные византийско-печенежские силы отбросили их. В конце XI в. византийцы разгромили печенегов. Остатки их небольшими группами ушли в Венгрию, Трансильванию, Кришану, Банат и Молдову. Печенеги постепенно оседали на землю и смешивались с местным населением. В конце XI в. с востока на нынешнюю территорию Румынии вторглись половецкие орды. Видимо, печенегу или половцу принадлежит кочевническое погребение XI-XII вв., открытое в Мовилице возле города Урзичень в Мунтении (Diaconu Gh., Diaconu P. 1963: 197-205). Оседая на землю, смешиваясь с местным населением, печенеги и половцы приносили и элементы своей культуры: костяные наконечники стрел, накладки от луков, глиняные котлы, фрагменты которых найдены на ряде поселений (Рэдукэнь, Хлинча II в Мол-

дове, Сынкрэнь в Трансильвании и др.). Д. Теодор, исследовавший эти котлы на поселении XI-XII вв. в Рэдукэнь (Молдова), считает, что они появились на стационарных поселениях в результате оседания на землю печенегов или половцев, находившихся в контакте с местным романо-славянским населением. В Молдове котлы найдены в определенном районе — в степной части, в XII-XIII вв. занятой половцами и входившей в состав «Половецкой епархии». После XII в., когда произошло переселение значительной части половецких племен, котлы в Молдове исчезли (Teodor 1963: 197-205).

В 1241-1242 гг. территория нынешней Румынии, как и значительная часть Восточной и Центральной Европы, испытала страшное татаро-монгольское нашествие. По пути на запад, пройдя через Молдову и Трансильванию, татаро-монголы опустошили эти области и ушли в Центральную Европу. Там, потерпев ряд поражений от чешских и немецких войск, они перезимовали в Далмации и в 1242 г. повернули обратно в причерноморские степи, вновь пройдя через нынешнюю территорию Румынии. Одна из татаро-монгольских орд, улус темника Ногай, обосновалась в Нижнедунайской низменности, подчинив или вытеснив на севере в предгорные и горные области Карпат редкое местное население, и кочевала там вплоть до образования восточнороманских средневековых княжеств — Валахского (в начале XIV в.) и Молдавского (в середине XIV в.).

Несмотря на нарушение стабильности развития, многочисленные вторжения, особенно вторжение и захват кочевниками Нижнедунайской низменности, жизнь местного населения, имевшего уже прочные традиции в развитии материальной культуры, продолжалась во всех тех областях страны, где оставалось оседлое земледельческо-скотоводческое население, меньше пострадавшее от нашествий и нападений кочевников. Это относится к значительной части территории Румынии, прежде всего к защищенной горами Трансильвании, и холмистой и лесной центральной и северной Молдове, к Добрудже, вновь захваченной Византией в конце X в. и опоясанной цепью крепостей, продолжавшихся, как, например, Диногечия, до XII в., когда из-за непрерывных нападений кочевников жизнь там постепенно замирала и во второй половине XII в. совсем прекратилась.

В Молдове в XI-XIII вв. жизнь была сосредоточена главным образом в центральной и северной частях — холмистых и покрытых густыми лесами, служившими надежной защитой от кочевников. На ряде поселений (Сучава, Байя на севере Молдовы, Хлинча II, Валя Лупулуй, Спиноаса, Рэдукэнь и др. в центральной Молдове, Продана у Бырлада — на границе со степью в южной Молдове) (Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia E. 1970: 130-143) продолжалось развитие предшествующей культуры с по-

степенным ее эволюционным изменением, но при сохранении ряда восточнославянских и общеславянских особенностей (тип жилища с печами-каменками и др.). Видимо, именно в период татаро-монгольского нашествия был зарыт на территории Молдовы ряд кладов с драгоценными украшениями древнерусского, византийского, местного и половецкого типов (Федоров, Полевой 1973: 338-340).

Трансильвания, Кришана и Банат в XI-XIII вв. были довольно густо заселены. Здесь существовали как укрепленные, так и неукрепленные поселения, на которых, как и в Молдове, продолжалось развитие предшествующей культуры (например, на поселении Морешть) с заметными элементами западнославянской и частично южнославянской культур (поселения укрепленные — тип Морешть-Шириоара близ г.Бистрица, Вихаря в Кришана близ г.Орадя и др., а также неукрепленные поселения, например, Сынкрэнь на востоке Трансильвании). Жилищами, как и прежде, служили полуземлянки с печами-каменками и с очагами. Судя по сведениям, сообщаемым анонимным нотариусом венгерского короля Белы III и русским летописцем в «Повести временных лет», венгры, придя в Трансильванию, застали здесь славянское и романское население или смешанное славяно-романское.

Как уже указывалось, К.Хоредт приходит к выводу, что ассимиляция славян местным романским населением закончилась не позже середины XII в., т.к. саксонские колонисты, переселившиеся в Трансильванию с 1150 г., в своем диалекте не имеют никаких славянизмов. Таким образом, ассимиляция славян романцами на территории Трансильвании закончилась между X и серединой XII вв. Однако, реминисценции славянской культуры остались в культуре местного населения. Развитие материальной культуры в Трансильвании в XI-XIII вв., с одной стороны, продолжало традиции культур предшествующего времени, с другой — испытало сильное влияние передовой для того времени немецкой феодальной экономики и культуры. В Трансильвании бурными темпами шло развитие феодализма, вырастали крепости, города, феодальные замки. После включения Трансильвании в границы Венгерского королевства начался постепенный отлив романского населения на юг, в частности, в холмистые районы Молдовы.

Подводя итоги, можно сказать, что использование археологических материалов для изучения этногенеза восточных романцев позволило прийти к определенным выводам и установить следующие факты:

1. Непрерывность обитания дако-романского и дакийского населения после эвакуации из Дакии римских войск и до середины V в. — до гуннского нашествия — полностью доказана для территории Трансильвании.

2. Утверждение, что материальная культура VI-VII вв. на всей территории Румынии (культура Ипотешть-Кындешть-Чурел) является восточнороманской, нельзя считать доказанным, т.к. не установлена типологическим и статистическим анализом ее связь с римской, дако-романской культурой, не проведено сопоставление ее основных категорий с окружающими провинциально-византийской, славянской культурами, хотя культура эта была смешанной и наряду со славянами (тип жилищ — полуземлянки с печами-каменками, посуда пражского типа и др.) среди ее носителей было и местное романизованное население. Преемственность культур, а видимо и этноса VI-VII вв. от более ранних культур и этноса первой половины I тыс. н.э. четко устанавливается лишь для территории Трансильвании, как и для последующего времени, когда материальная культура на всей территории Румынии, в том числе и на территории Трансильвании, имела ярко выраженные славянские черты.

3. В VIII-IX вв. довольно четко обозначаются три ареала влияния и проникновения славянской культуры на территорию Румынии: западнославянский, идущий из Центральной Европы в Трансильванию; восточнославянский, идущий с востока в Молдове; южнославянский, идущий с юга на Добруджу, Южную Молдову и прилегающие области. В IX в. в связи с экспансией I Болгарского царства на север, в частности на земли к северу от Дуная, культура I Болгарского царства (т.н. Балкано-Дунайская) распространилась и на большую часть территории Румынии. Интенсивность влияния этих трех славянских культурных ареалов на культуру местного населения оказалась очень стойкой и существовала в течение столетий.

4. После оставления Дакии римскими войсками и администрацией и участвовавших нашествий варваров, дако-романское население перешло с плато и речных долин в горные и холмистые области, имеющие лучшую естественную защиту и маскировку. В связи с этим, на первый план в хозяйстве выдвинулось скотоводство при существовании земледелия и некоторых ремесел, а поселения стали небольшими и относительно недолговременными.

5. Приход славян, в частности включение большей части Карпато-Дунайских земель в границы I Болгарского царства, принес стабилизацию — как экономическую, так культурную и политическую. В результате дако-романцы снова стали спускаться в долины, переходить к земледелию, не оставляя, однако, ставшего уже традиционным скотоводства.

В VII-XII вв. проходил процесс тесного симбиоза между дако-романским и славянским населением, закончившийся ассимиляцией славян и формированием восточнороманских народностей. В этом процессе, помимо дако-романцев, непрерывно обитавших на территории

Дакии, определенное участие приняли, видимо, и остатки романизованного населения Нижней Мезии, отброшенного после падения провинции в Балканские горы и перешедшего к скотоводству, а после включения большей части Карпато-Дунайских земель в границы I Болгарского царства в IX-X вв. частично перебазировавшихся в Дакию.

6. Процесс формирования восточнороманских народностей в какой-то мере в археологическом плане нашел, видимо свое отражение в создании варианта Балкано-Дунайской культуры Буков, распространенной, главным образом, в горной и холмистой частях Карпато-Дунайских земель. В этой культуре, наряду с преобладающим южнославянским, славяно-болгарским, прослеживаются, видимо и некоторые местные дако-романские черты. Однако предстоит еще значительная работа по статистической и типологической обработке массового материала и всего комплекса культуры Буков, чтобы определить долю участия в этой культуре дако-романцев, романизованного населения. Попытка объявить проторумынской или древнерумынской всю балкано-дунайскую культуру, распространенную в IX-X вв. по всему I Болгарскому царству, не выдерживает критики, ибо эта культура имеет ярко выраженные славянские черты, тюрко-болгарские черты, связывающие ее с тюркской культурой Подонья и других областей (салтово-маяцкая культура), наконец, некоторые провинциально-византийские элементы и не имеет сколько-нибудь ощутимых романских черт, хотя в числе ее носителей, возможно, было и отброшенное в Балканские и Карпатские горы и перешедшее к пастушескому скотоводству романизованное население.

7. Балкано-Дунайская культура как таковая не имеет корней и истоков на территории нынешней Румынии. Ее истоки, основные и составляющие элементы — славянские и салтово-маяцкие (болгаро-тюркские) — находятся гораздо севернее и восточнее Румынии, а формирование из них единой культуры произошло южнее Карпато-Дунайских земель — на территории северо-восточной Болгарии, т.е. южнее Дуная, где к первоначальным двум элементам добавились черты провинциально-византийской культуры. Балкано-Дунайская культура на территории Румынии имела некоторые специфические особенности, отличающие ее от в общем-то идентичной культуры в центре I Болгарского царства на территории современной Болгарии: 1) относительно меньшее, чем к югу от Дуная, однако достаточно четкое влияние и проникновение элементов провинциальной византийской культуры; 2) наличие, наряду с преобладающим южнославянским — болгарским, и элементов западнославянских, особенно моравских, и восточнославянских. Однако в целом эта культура была однородной во всем своем ареале. Для нее характерны одинакового

устройства и конструкции жилища, печи, хозяйственные сооружения, само расположение поселений, погребальный обряд и его особенности, основные категории вещей, своеобразный керамический комплекс (сочетание славянского, салтовского и византийского типов), наконец, славянская письменность, распространенная не только в Болгарии, но и в Румынии (кириллические надписи и буквы обнаружены в Букове, в кладе Каменного вала в Добрудже, на стенах пещерного монастыря этого времени в Басарабь в Добрудже).

Локальный вариант этой культуры — культура Буков, распространенная в основном в горных, предгорных и холмистых районах Румынии, имеет ряд отличительных черт, указывающих на то, что ее носителями, возможно, было, помимо южных славян, и романское население (жилища с открытыми очагами, некоторые типы керамики и др.). Однако необходимо провести картографирование памятников типа Буков, исследование всего комплекса их материальной культуры (в частности, типологическую и статистическую обработку массового материала и его сопоставление как с предшествующими (римскими, дакийскими), так и с современными этой культуре (салтово-маяцкой, славянской, славяно-болгарской и византийской) сериями. Без такой обработки и сопоставления вопрос о доле участия (а иногда и о факте участия) каждого из составляющих эту культуру элементов остается открытым. После крушения I Болгарского царства в начале XI в. во всем его ареале прекращает существование и Балкано-Дунайская культура, в частности, исчезают керамические комплексы, связанные с тюркским, салтово-маяцким гончарством: серая с пролощенным орнаментом посуда, шаровидные и яйцевидные горшки и т.д. Остаются, хотя и видоизменяются, горшки славянского облика (например, на поселении Морешть XI-XII вв.). Элементы Балкано-Дунайской культуры вошли в более поздние местные культуры.

8. Процесс формирования восточнороманских народностей на базе ассимиляции дакороманцами славян, прежде всего на территории Дакии, как и процесс формирования ряда других народностей Восточной и Центральной Европы, в основном закончился в конце I и начале II тыс. н.э., хотя предстоит еще наглядно показать процесс его завершения. Однако и после завершения этого процесса стойко сохранились и сохраняются в материальной и духовной культуре традиции, обусловленные длительным совместным обитанием романизованного населения с тремя группами славян: южной, восточной и западной. Развитие материальной культуры после X в., хотя и нарушаемое частыми катаклизмами, приведшими, в частности, к гибели Балкано-Дунайской культуры, в значительной степени было уже построено на эволюционном развитии предшествующих

культур с включением новых и изменяющихся элементов.

Материальная культура двух восточнороманских княжеств — Молдавии и Валахии, образовавшихся к XIV в., отличается от материальной культуры предшествующего времени, в частности, от Балкано-Дунайской и культуры Буков и т.д. (Федоров, Полевой 1973: 345-384; Andronic 1961; Diaconu Gh., Constantinescu 1960; Giurescu 1967; Matei 1963; 1970; Panaitescu 1971; Константинуеску 1962; Constantinescu 1969). Некоторая преемственность прослеживается лишь в типах жилищ, определенных видах керамики, орудиях труда и т.д. Эти значительные отличия еще ждут своего объяснения.

Археологическая наука Румынии в послевоенный период внесла весомый вклад в изучение проблемы этногенеза восточнороманских народов, их общего предка — восточнороманской народности волохов. Самым важным в этом вкладе был показ на конкретном археологическом материале, что главными слагаемыми в процессе этногенеза восточнороманской народности были три основных компонента: первый, наиболее древний из них (автохтонный) — гето-дакийские племена, обитавшие в Карпато-Дунайских землях и создавшие в последних веках до н.э. и в I в. н.э. единообразную культуру. Второй компонент — латинский. После захвата придунайских и карпатских областей римлянами во вновь образованных провинциях, особенно в Дакии, прошел процесс усиленной романизации, в результате которого в первые века н.э. создана новая этническая общность — дако-романская, романизованное население, имеющая и соответствующую материальную культуру. Третий компонент — славяне южные, восточные и западные. В разное время, в разных пропорциях и регионах расселялись они в Карпато-Дунайских землях на протяжении второй половины I тыс. н.э. Как показывают археологические материалы, славянская материальная культура стала важнейшим слагаемым образовавшейся восточнороманской народности.

Процесс ассимиляции славян романизованным населением и был заключительным этапом этногенеза волохов. Наличие этих трех компонентов, основных слагаемых волохов, подтверждается письменными, лингвистическими, этнографическими и др. видами источников. В то же время ни один из источников пока не позволяет в полной мере проследить на конкретных данных эволюцию материальной культуры Карпато-Дунайских земель конца I и начала II тыс. н.э. в материальную культуру княжеств Молдова и Валахия, в границах которой происходил завершающий этап формирования молдаван и румын (валахов), раскрыть процесс трансформации носителей этой культуры в молдаван и валахов.

Однако и без того в разработке проблемы этногенеза восточнороманской народности румынские археологи добились значительных успехов. Надо надеяться, что будет преодолен тот методологический и теоретический кризис, который наблюдается в настоящее время в румынской археологической науке.

Судя по письменным источникам в конце I и начале II тыс. н.э. возник новый этнос — волохи или влахи. Исходя из общеисторической ситуации, можно предположить, что третий этап восточнороманского этногенеза заключался и не мог не заключаться в ассимиляции части славян романизованным населением бывших римских придунайских провинций. Об этом свидетельствует и появление с конца I тыс. н.э. в русских, венгерских и византийских источниках термина «волох» или «влах», который, как показали исследования, не был однозначным, однако, основным его значением было наименование восточнороманской народности, находившейся в тесном контакте (то в объединении, то в конфронтации) со славянами и ассимилировавшей часть славян. Судя по письменным и археологическим источникам, завершающий этап формирования восточнороманской народности именно в этом и заключался и протекал он, в основном, в Карпато-Дунайских землях, причем определенную роль сыграло и продвижение в эти земли с территории южнее Дуная, с Балкан и Мезии, пастушеского романизованного населения бывшей римской провинции, когда большая часть Карпато-Дунайских земель входила в пределы I Болгарского царства. Свидетельства письменных источников о волохах X в. в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании, опровергаются сторонниками миграционной (балканской) концепции, считающими, что волохи переселились в эти земли с Балкан лишь в конце XII-начале XIII вв. (с этого времени волохи стали постоянно упоминаться в венгерских хрониках, в актах венгерских королей как население Трансильвании). Само их переселение сторонники миграционной теории обычно связывают с созданием и укреплением II Болгарского царства, в котором волохи играли большую роль, что известно по письменным источникам. В частности, известно их участие в борьбе против византийского владычества. После XII в. они стали упоминаться в византийских источниках редко, зато с начала XIII в. — куда чаще в венгерских источниках, а это обстоятельство сторонники миграционной теории и связывают с переселением волохов с Балкан в Карпато-Дунайские земли.

Упоминание о волохах в Карпато-Дунайских землях (видимо, именно в Трансильвании), уже в конце IX-X вв. обитавших здесь вместе со славянами, содержащееся в «Повести временных лет» и в хронике венгерского «Анонима» (оба источника XII в.) сторонники мигра-

ционной теории считают в отношении волохов недостоверными. Однако последние исследования советских историков, как было показано, позволяют к этим свидетельствам относиться с доверием. Уже в конце I тыс. н.э. волохи упоминаются в письменных источниках в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании. До известной степени об этом можно судить и по данным археологии. Отсюда, видимо, и произошло их расселение по Карпато-Дунайским и Карпато-Днестровским землям. Последнее подтверждается и этнографическими и лингвистическими источниками. Так, диалектные особенности молдавского языка ближе всего к языку трансильванских румын.

По археологическим данным прослеживаются и первые два этапа этногенеза восточнороманской народности: создание гето-дакийской этнической общности, ее романизация и формирование дако-романской этнической общности. Важнейшим вкладом археологии в изучение этих двух этапов является доказательство самой романизации и того, что и после римской эвакуации из Дакии на ее территории продолжало обитать романизованное население.

Однако третий этап — ассимиляция романизованным населением славян, по археологическим данным пока не прослеживается. В конце I и начале II тыс. н.э. материальная культура этого региона (кроме кочевнической, венгерской и византийской) носила, по преимуществу, славянский характер, и в ней можно проследить лишь отдельные черты, связанные с романской традицией. Можно было бы сказать, что это свидетельствует в пользу сторонников балканской теории этногенеза волохов. Однако, это не так. Дело в том, что на Балканах для этого, как, впрочем, и для других периодов, не выделяется культура, которую можно было бы связать с волохами, а в Карпато-Дунайских землях, как показывают археологические данные, романизованное население бесспорно обитало до V в. включительно и черты его материальной культуры прослеживаются и в более позднее время.

Чем же объяснить, что на третьем, заключительном этапе этногенеза восточнороманской народности ее материальная культура носила, в основном, славянский облик?

По этому поводу пока что можно высказать лишь предположение. Думается, ключ к не совсем обычному явлению нужно искать в образе жизни и хозяйственной деятельности романизованного населения этого периода.

По письменным (в частности, византийским) источникам, мы знаем, что волохи были, по преимуществу, скотоводами. Сам термин «волох» или «влах» иногда обозначал не этническую принадлежность, а род занятий — именно пастушеское и отгонное скотоводство (сви-

детельство Анны Комниной). Предметы материальной культуры скотоводов, изготовлявшиеся в значительной части из кожи, шерсти, дерева и т.д., сохраняются плохо. Скотоводы, как на Балканах, так и в Карпатах, жили и пасли скот в основном в горах и предгорьях. Частые передвижения за стадами не способствовали развитию требующих прочной оседлости ремесел — металлургического, кузнечного, гончарного и др. По этнографическим и археологическим данным мы знаем, что кочевники, пастушеское, скотоводческое население во многом использовали материальную культуру оседлых народов. Такими были в Карпато-Дунайских землях прежде всего славяне.

Интересные соображения по этому поводу высказывал, опираясь на мнение Ж.Г.Моргана, В.Д.Королюк: «В горах, где были пастухи, или в степях, где были только кочевники, естественно поиски археологов не дают больших результатов. Дело в том, что «постоянные перемещения не оставляют после себя длительных следов, а ветер и дождь уничтожали пепел очагов временных стоянок, на земле остаются лишь несколько обожженных камней, да редкие оставленные или забытые вещи...» (Морган 1926: 161).

Следовательно, археологи могут обследовать долины. На горах, на полонинах, где жили пастухи, реконструкция образа жизни населения не может быть полностью осуществлена. Поэтому на основе археологических материалов нельзя решить вопрос об этническом характере населения горных районов. Для этого необходимо привлечь прежде всего свидетельства древних памятников письменности, которые могут послужить ориентиром для определения района, занимавшегося тем или иным этносом (Королюк 1978: 183).

Не все в этих рассуждениях представляется верным. В.Д.Королюк не учитывает, например, таких важнейших археологических памятников как курганы, оставленные часто именно кочевниками, скотоводами и др. Однако, в общем, мысль представляется правомерной. Собственная материальная культура волохов-ско-

товодов археологически трудно уловима. Кроме того, волохи, видимо, широко использовали предметы материальной культуры соседних земледельческих народов, прежде всего славян — в частности, керамику, железные изделия и т.д. А переходя к оседлости, смешиваясь со славянскими народностями, они еще более широко использовали материальную культуру славян — исконных земледельцев.

Совокупность всех этих причин, с моей точки зрения, и объясняет тот феномен, что и в период завершения своего формирования восточнороманской народности — ассимиляции романизованным населением славян — материальная культура волохов имела, в основном, славянский облик.

Такой же облик она в значительной мере сохранила и позже — в XII-XIII вв. Лишь в XIV-XV вв., после образования Молдавского и Валахского княжеств, их материальная культура приобрела особый, значительно отличающийся от славянского характер, хотя заметные славянские черты в ней остаются. Впрочем, материальная культура XIV-XV вв. н.э. всей Восточной Европы уже значительно отличается от культур предшествующего времени — конца I и начала II тыс.н.э.

Из сказанного не следует, что поиски специфических черт романизованного населения в материальной культуре Карпато-Дунайских земель I тыс. н.э. безнадежны и их следует прекратить. Нет, с нашей точки зрения, такие поиски перспективны и их следует продолжить, не стараясь, однако, «опережать события», подгонять археологические материалы под умозрительную этногенетическую схему или даже гипотезу, построенную на основе анализа других видов источников. Поиски, безусловно, необходимо продолжить. Однако к каким бы открытиям не привели поиски, они вряд ли изменят основной вывод: завершающий этап этногенеза восточнороманской народности в Карпато-Дунайских землях проходил на фоне преобладания материальной культуры славянского облика.

IV. Роль археологических источников в разработке проблемы формирования молдавского народа (Вместо заключения)

Этногенез волохов был важнейшим, но не завершающим этапом формирования молдавского народа. Волохи — восточнороманская народность были общим предком молдавского и румынского народов, подобно тому, как древнерусская народность была общим предком русского, украинского и белорусского народов, на которых эта народность разделилась лишь в середине второго тысячелетия н.э. Однако это разделение не произошло внезапно, качественные отличия накапливались в течение длительного времени. Сходным и по характеру, и по конкретно-историческим условиям и по

времени был процесс разделения волохов на молдаван и румын, и предшествующий этому разделению длительный процесс постепенного накопления качественных различий в духовной и материальной культуре, в этногенетических, ассимиляционных и других областях, в этнических (в широком понимании этого термина) контактах и взаимных влияниях, в политических и социальных структурах и судьбах и т.д.

Разработка проблемы формирования молдавского народа началась сравнительно недавно, хотя уже более трехсот лет судьбы и формирование восточных романцев находятся в

поле зрения исторической науки и служат предметом острых дискуссий. Причина этого парадоксального явления заключается в том, что для буржуазной исторической науки, в частности для крайне националистической румынской буржуазной историографии, было характерно, вопреки очевидности, вообще отрицание существования молдавского народа, попытка рассматривать эти два восточнороманских народа как один румынский народ, существовавший издревле и поныне.

За последние десятилетия учеными различных специальностей: историками, археологами, филологами и др. сделано много для конкретной разработки проблемы истории формирования молдавского народа, хотя нельзя считать эту работу завершенной.

Последним по времени издания и с нашей точки зрения наиболее обоснованным является труд Н.А.Мохова «Очерки истории формирования молдавского народа», опубликованный в Кишиневе в 1978 году.

Н.А.Мохов с обычной для этого исследователя высокой степенью компетенции и отточенности методики, используя и сопоставив все виды источников, в том числе и археологические, нарисовал убедительную картину истории формирования молдавского народа, как она могла быть представлена на том уровне состояния изученности источников и публикаций, который существовал ко времени написания этого труда.

Основные этапы истории формирования молдавского народа, выделение и обоснование которых осуществил исследователь, вряд ли претерпят какие-либо существенные изменения в процессе дальнейшей разработки и изучения проблемы формирования молдавского народа. Однако, новые, притом важнейшие данные, имеющие прямое отношение к данной проблеме, в том числе данные археологии, полученные в последнее время и еще не опубликованные или опубликованные лишь частично, внесут значительный вклад в конкретную картину истории формирования молдавского народа, заполнят существующие лакуны и позволят по-новому переосмыслить уже известные данные.

Тогда появится возможность поднять на новый уровень разработку проблемы формирования молдавского народа, ее историю.

Видимо, созданию такого нового обобщающего труда, скорее всего коллективного, по данной проблеме должна предшествовать публикация серии монографий ученых разных специальностей. Одной из таких монографий, думается, и является настоящая работа, посвященная истории формирования волохов. Следующий этап этнической истории — выделение и формирование из волохов-восточнороманской народности собственно молдаван, должен быть предметом специальных исследований

историков, филологов, археологов и т.д.

В заключении к настоящей работе представляется целесообразным в порядке постановки вопроса наметить основные этапы накопления качественных отличий, как о них можно судить по материальной культуре, отличий, приведших в конце концов к выделению молдаван из волохов и формированию молдавского народа, как отдельного этноса.

Археологические данные показывают при этом, что при всех многочисленных микро- и макромиграциях в Юго-Восточной Европе, в частности в Днестровско-Карпатских землях, как и в Карпато-Дунайских, полной смены населения не происходило, хотя иногда такая смена и была очень значительной и ассимиляционные процессы неоднократно меняли этнический облик региона. Однако, ассимилируемые, как правило, вносили свой вклад в материальную культуру тех, кто их ассимилировал, т.е. по большей части какая-то, то большая, то меньшая преемственность в развитии материальной культуры сохранялась.

К сожалению, в настоящее время в науке нет общепринятого понятия «этнос» и «этногенез», вернее общепринятых формулировок этих понятий. Греческое слово «этнос» употребляется чаще всего в значении «народ», а также в значениях «множество, тьма, племя, нация». Греческое слово «генезис» обычно употребляется в значениях «происхождение, зарождение, процесс развития».

Таким образом, понятие этногенеза должно включать, видимо, не только начальный период зарождения, но и все последующие этапы формирования и развития этнической общности. Для этнической же общности характерно наличие устойчивых наглядных признаков, отграничивающих ее от других этнических общностей. Определение этих признаков — особая тема, выходящая за пределы тематики настоящей работы, отметим лишь главные из них: общность языка, культуры, этнического самосознания, особенности психических стереотипов, эндогамия и др.

Общая схема этногенеза обычно проходит следующие этапы: род — племя — союз племен — народность — народ — нация — интернациональная общность, имеющая тенденцию перерасти в новый этнос. Разумеется это только схема. В реальной истории, при смене основных этносов, возможны отступления к предшествующим этапам, тупиковые ситуации и т.д.

Мать История бывает вынуждена возобновить этногенетические процессы, если и не с самого начала, то, во всяком случае, вернуться к некоторым из уже пройденных этапов.

Стадии развития этноса от формирования нации и более поздние целиком приходятся на периоды новой и новейшей истории и здесь археологические источники не играют практи-

чески никакой роли. В свою очередь самая ранняя стадия формирования этноса — род — не всегда может быть прослежена по материальной культуре, зачастую общей или сходной у ряда, иногда многих родов или более или менее прочных родовых объединений.

Таким образом, в сфере нашего внимания при постановке вопроса об использовании археологических источников для разработки проблемы формирования молдавского народа могут и должны быть следующие стадии развития этноса: племя — союз племен — народность — народ.

После этих предварительных замечаний, перейдем к конкретному рассмотрению этапов этногенеза молдавского народа, как они могут быть прослежены по данным археологии, а также письменным источникам.

Известно, что формирование молдавского народа завершилось в пределах Молдавского феодального княжества, т.е. в Карпато-Днестровских землях, на территории Западной Молдовы и Прутско-Днестровского междуречья, причем и общность территории и общность государственной принадлежности, по мнению ряда ученых, (Н.Н.Чебоксаров, С.А.Токарев, Г.В.Шелепов, Ю.В.Бромлей и др.) также являются одними из признаков этнической общности. Формирование же румынского народа завершилось в основном в пределах Валашского феодального княжества, т.е. в Карпато-Дунайских землях.

На рубеже бронзового и железного веков на обширных пространствах Юго-Восточной Европы, в пределах Балкано-Дунайских, Карпато-Дунайских и Днестровско-Карпатских земель сложилась фракийская этническая общность, из которой, на протяжении раннего железного века, на основе культуры фракийского гальштата в 550 — 300 гг. до н.э. начали формироваться северо- и южнофракийские культурные и этнические общности.

Северные фракийцы, как свидетельствуют письменные источники, в свою очередь делились на два больших основных межплеменных объединения — даков, населявших Карпаты и Прикарпатье, и гетов, обитавших на Дунайской равнине и в Днестровско-Карпатских землях. Письменные источники свидетельствуют о близком родстве гетов и даков, сходстве языка, обычаев и т.д., однако различают их, в том числе, например, по уровню социального развития.

Особенности материальной культуры гетов и даков, наряду с рядом сходных черт, четко прослеживаются на протяжении последних веков до н.э. и первого века н.э. по типам поселений, жилищам, различного рода изделиям и т.д., а также по различным культурным влияниям и включениям (Федоров, Полевой 1973: 107-154).

На территории будущего Молдавского княжества обитали только геты. На территории будущего Валашского княжества — геты и даки —

по преимуществу, в Трансильвании — только даки. Таким образом, уже в последние века до н.э. и первом веке н.э. между обитателями будущих Молдавского и Валашского княжеств наряду со значительным сходством имеются и определенные этнокультурные различия. Эти различия, меняясь по характеру, становятся особенно сильными в последующий период — в период завоевания римлянами Дакии, существования римской провинции Дакии (106 — 271 гг.) и римской провинции Нижней Мезии, образованной в Добрудже, захваченной римлянами в середине I в. н.э. К римской провинции Нижняя Мезия на очень короткое время (всего 10 лет) отошли в начале II в. н.э. часть Мунтении и Южной Молдовы. К римской провинции Верхняя Мезия отошли Олтения и Банат. В дальнейшем Олтения, Трансильвания и Банат вошли в римскую провинцию Дакия. В Дакии, Верхней и Нижней Мезии произошла быстрая романизация населения, заселение провинций выходцами из других провинций и римскими ветеранами и колонистами, романизация языка, материальной и духовной культуры.

Таким образом, под властью римлян оказалась половина нынешней территории Румынии и большая часть будущего Валашского княжества. По всей территории этих римских провинций были возведены римские города, гражданские и оборонительные сооружения, проложены каменные дороги, возведены мосты, и т.п. Вся материальная культура приобрела провинциально-римский облик. Помимо того, что в пределы этих римских провинций были переселены большое количество римских ветеранов и колонистов, прежде всего в Дакию, большие массы местного населения были перемещены в другие отдаленные провинции, в центральные районы империи в качестве рабов и в составе вспомогательных войск. Таким образом, этнокультурный облик территории будущего Валашского княжества и Трансильвании коренным образом изменился в первые века н.э.

Совершенно иной была этнокультурная ситуация в Днестровско-Карпатских землях на территории будущего Молдавского княжества. Здесь не было никакой романизации, ни римских ветеранов, ни римских колонистов или администрации, не было ни римского лимеса, ни римских городов, лагерей, зданий и т.п., материальная культура совершенно не носила римского облика. Римские монеты и другие предметы, находимые в этом регионе, по ассортименту и количеству не превышают обычного объема для римского экспорта в соседние и даже отдаленные от римских провинций земли. Линии римских укреплений, ограждавшие римские провинции, располагались западнее будущей территории Молдавского княжества для провинции Дакия и южнее для провинции Нижняя Мезия (Федоров, Полевой 1973: 178-

184). Нижний Траянов вал в южной степной части Прутско-Днестровского междуречья был возведен и использовался лишь в период кратковременного пребывания римлян в южной Молдове в первой четверти II в. н.э. Здесь, в пределах будущего Молдавского феодального княжества (на востоке граница его располагалась вдоль Днестра, несколько восточнее его, на западе — вдоль Серета и значительно западнее его, на юге — доходила до Черного моря, на севере — до наибольшего сближения между Днестром, Прутом и Серетом, севернее линии Черновицы-Хотин), в период римской оккупации Дакии, Паннонии, Верхней и Нижней Мезии, господствовала материальная культура различных обитавших там «варварских» племен: полиэтническая т.н. черняховская культура, в которой отчетливо прослеживались, в меньшей степени славянские и готские элементы, а также собственно гетская, собственно сарматская и другие «варварские» материальные культуры.

После кризиса Римской империи и эвакуации римлянами Придунайских и Карпатских провинций в конце III — IV вв. н.э. и на территорию этих бывших провинций хлынули многочисленные «варварские» племена и этнокультурная ситуация снова изменилась.

Перед археологами, изучающими материальную и этническую историю Днестровских и Карпато-Дунайских земель в первой половине I тыс. н.э., встают два чрезвычайно важных вопроса:

1. Сопровождалась ли романизация Карпато-Дунайских земель полным вытеснением местного доримского населения?

2. Сохранилось ли после эвакуации этих провинций (Дакии — в 271 г. н.э.) в их пределах романизованное местное доримское население или оно целиком исчезло?

Письменные источники не содержат каких-либо данных по этому поводу. Однако выдающийся румынский археолог академик К.Дайковичу и созданная им Клужская школа археологов сумели ответить, по крайней мере, для территории Дакии, на оба эти вопроса:

1. В период романизации на территории Дакии сохранялось местное население, как подвергшееся романизации, так и сохранившее в основном свою традиционную северофракийскую культуру.

2. После эвакуации римлянами Дакии на ее территории сохранилось довольно значительное местное население, в том числе и романизованное. На ряде римских городов и других населенных пунктов, хотя и пришедших в упадок, жизнь продолжалась, существовали ремесла, сельское хозяйство и т.д., в определенной мере в материальной культуре, наряду с римскими возродились и прежние еще доримские традиции. Непрерывное обитание на территории Дакии местного населения, в том чис-

ле и романизованного дакийского, по археологическим источникам прослежено до гуннского нашествия, т.е. до середины V в. н.э. (Protase 1966; Федоров, Полевой 1973), наряду с поселениями и могильниками различных мигрировавших на эту территорию этносов: носителей черняховской культуры, восточных даков-карпов, германских племен готов, гепидов и лангобардов, а также сармат, аваров и т.д.

Сарматы, носители черняховской культуры, карпы и некоторые другие племена продвинулись на территорию Карпато-Дунайских земель именно с Днестровско-Карпатских земель и Дунайской равнины. Однако в Днестровских землях ни по письменным, ни по археологическим источникам не прослеживаются гепиды, лангобарды и ряд других германских племен. Зато по письменным и по археологическим источникам здесь уже можно говорить о начале проникновения славян (Федоров 1960: гл. II, III). В целом этнокультурный облик Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель в первой половине первого тысячелетия н.э. имел весьма существенные отличия.

Ни письменные, ни археологические источники не содержат сколько-нибудь обширных данных о населении изучаемых регионов в V в. н.э., за исключением разве некоторых германо-дакийских могильников в Трансильвании. Вообще V в. н.э. изучен пока что совершенно недостаточно, что не может не сказаться и в исследовании этнокультурных процессов. Ничего не сообщают письменные источники и о судьбах местного романизованного фракийского населения вплоть до X в. Археологические же памятники позволяют судить об этом населении лишь до V в. н.э., а затем уже не просто романизованное, а восточнороманское население — новый этнос проявляется в материальной культуре Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель лишь с появлением Молдавского и Валашского княжеств.

Объяснение того, почему, хотя письменные источники уже с X в. сообщают о существовании восточнороманского населения — волохов, а их материальная культура, обладающая своими специфическими чертами, проявляется лишь на несколько столетий позже — в Молдавском и Валашском феодальных княжествах и в Трансильвании, содержится в предыдущей главе данной работы.

Как можно полагать, романизованное население бывшей римской провинции Дакии, под страшным давлением различных мигрирующих в эти регионы племен, было вынуждено укрыться в горах, в Западных и Центральных Карпатах, и основной отраслью хозяйства у него стало наиболее возможное в этих условиях скотоводство.

С VI в. н.э. многочисленные письменные, для VI — VII веков в основном византийские, и археологические источники позволяют судить

об этнической и культурной истории населения изучаемых регионов.

В VI — VII вв., как Карпато-Дунайские, так и Карпато-Днестровские земли были заселены славянами, на протяжении конца VI и VII вв. захватившими и большую часть Балканского полуострова. Славянская колонизация Карпато-Дунайских, Карпато-Днестровских и Балкано-Дунайских земель, значительной части Центральной и Юго-Восточной Европы имела очень большое значение для этнокультурной истории населения этих земель. Славяне, будучи земледельцами, прочно осваивали новые территории и принесли относительную экономическую, культурную и этническую стабилизацию, в частности, ассимилировав местное неславянское население — фракийское, сарматское и др., элементы культур которых вошли в славянскую культуру и удержались там на века (Федоров, Салманович 1964: 3).

В VI — VII вв. в культуре и этносе славянского населения на территориях Валашского и Молдавского княжеств прослеживается заметная разница. Для первого региона характерно господство славянской культуры пражско-корчакского типа, чисто славянского облика. Носителями этой культуры исследователи обычно считают склавен (славян), о которых сообщают византийские авторы VI — VII вв. Для второго региона, наряду с памятниками пражско-корчакского типа, характерны и даже в большем количестве памятники пражско-пеньковского типа, в которых, наряду с преобладающими славянскими, содержатся и некоторые элементы культуры местного дославянского ираноязычного населения (скифо-сарматского). Эту культуру ученые обычно связывают с упоминаемыми византийскими авторами VI — VII вв. славянскими племенами антов, которых они помещают восточнее склавен (Седов 1982: 5-28, карта с.11).

В последующий период — VIII — IX вв. — различие в этносе и культуре между населением двух изучаемых регионов еще более возрастает. В этот период уже произошло, сохранившееся и поныне, деление славян на три большие группы: южную, западную и восточную. Так вот, в первом регионе (будущая территория Валашского княжества) преобладают памятники южнославянские (культура I Болгарского царства), а на северо-западе региона встречаются и западнославянские. Во втором регионе (будущая территория Молдавского княжества) господствуют восточнославянские памятники типа Луки Райковецкой (Русанова, Тимошук 1981: 27-28).

В X — XI вв., судя по письменным источникам и по данным археологии, различия в этносе и культуре между двумя изучаемыми регионами продолжали возрастать, а ареалы их претерпевают некоторые изменения: значительная часть Карпато-Днестровских земель входит в границы Древнерусского государства, а население — в состав древнерусской народ-

ности. Возникают многочисленные гнезда поселений, в центре которых вырастают многочисленные раннефеодальные города с большими посадами. Города, где жили знать, ремесленники, торговцы и т.д., были носителями товарного производства, военными, административными, ремесленными и торговыми центрами сельской округи.

Материальная культура Карпато-Днестровских земель в этот период тесно связана с материальной культурой Древнерусского государства, хотя и имеет некоторые специфические черты, видимо — особенности летописных тиверцев, а затем и уличей, населявших эти земли. В результате наступления с юга, со стороны южнорусских степей кочевников (печенегов, торков, половцев и др.), захвативших степные пространства Днестровско-Бугского междуречья, значительную часть Нижнедунайской равнины и степную южную часть Прутско-Днестровского междуречья, и продвигавшихся далее на север, значительная часть древнерусских городов региона была разрушена, население частично отступило на север — на протяжении XI — XII вв. под защиту лесных массивов и Галицкого княжества. Однако восточнославянское население в регионе сохранилось, правда лишь как сельское и даже пополнилось за счет беженцев из Галицкого княжества т.н. «галицких выгонцев», о чем свидетельствует и специфическая галицкая керамика на ряде поселений изучаемого региона в XII — XIII вв. Как известно, по летописям, «галицкие выгонцы», собрав большое войско, проделали легендарный поход на ладьях вниз по Днестру до его устья, затем по Черному морю и Днепру, где они присоединились к основному русскому войску в 1223 году и сыграли свою роль в битве при Калке с татаро-монголами. Кроме того, судя по летописным данным, еще в XII в. киевские князья посылали своих посадников в земли Нижнего Подунавья.

В X в. в результате экспансии I Болгарского царства значительно расширились его границы и ареал специфической материальной культуры этого царства, в которой нашли отражение процессы ассимиляции славянами тюркоболгар и создание славянской болгарской народности. Культура I Болгарского царства широко распространилась в Карпато-Дунайских землях, достигая на северо-западе Трансильвании, а на востоке степных районов Прутско-Днестровского междуречья, которое, возможно, вошло в границы этого царства. В конце X — начале XI вв. в результате разгрома I Болгарского царства Византией и печенегами, культура его прекращает существование на всем своем ареале. В пограничье между степью и лесостепью, в обширной контактной зоне между болгарской и древнерусской культурами в XII — XIII вв. и позже существуют своеобразные поселения со смешанной культурой: болгарской,

древнерусской и тюркской. Эта культура, видимо, отражала процесс оседания тюрко-кочевников на землю и перемешивание их с болгарами и древнерусским населением. Южная степная часть Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель на длительное время (XII — XIII вв.) становится зоной господства кочевников, в частности половцев, а затем и татаро-монгол. Любопытно, что членение на два этнокультурных комплекса — южный (степная часть Прутско-Днестровского междуречья) и северный (зона лесостепи), четко прослеживаемое уже в VIII — IX вв. и особенно ярко в X — XII вв., сохранилось и до настоящего времени, что указывает на стойкость этнокультурных традиций (Федоров, Салманович 1970: 55-65).

В X в. волохи впервые упоминаются в письменных источниках, и, судя по этим источникам, в XIII в. начинается их проникновение в Карпато-Дунайские земли (Мохов 1978), их широкое расселение и в Карпато-Днестровских землях. Как явствует из вышесказанного, к этому времени уже на протяжении многих столетий существовали и постепенно возрастали этнокультурные различия у населения этих двух регионов. Волохи, поселившиеся в Карпато-Днестровских землях, встретились здесь с остатками древнерусского населения, и в течение ряда веков они ассимилировали его, впитав от него многое в свой язык, материальную и духовную культуру. Волохи, расселившиеся в Карпато-Дунайских землях, ассимилировали южнославянское, болгарское население и кочевников, в свою очередь, восприняв элементы их материальной и духовной культуры. Ко времени образования Молдавского и Валашского феодальных княжеств, в рамках которых и завер-

шилось образование молдавского и румынского народов, наряду, со значительным сходством в материальной и духовной культуре населения Молдавского и Валашского княжеств с самого начала их существования — с XIV в. н.э., прослеживаются и серьезные различия в материальной и духовной культуре, отражающие и различия в этносе и этническом субстрате. Проявления этих различий восходят к более ранним векам и на протяжении столетий происходило постепенное их наращивание.

Таким образом, наращивание различий в этносе, материальной и духовной культуре, приведшие в рамках Молдавского и Валашского княжеств к образованию молдавского и румынского народов — процесс длительный и сложный, включающий взаимные влияния, ассимиляцию различных этносов и т.д. Для полного и развернутого освещения сложнейших вопросов формирования молдавского и румынского народов необходимы координированные исследования историков, археологов, этнографов, филологов и ученых ряда других специальностей.

Приведем в заключение достаточно выразительную характеристику, данную С. Курнатовской в цитированной уже ее работе «Южные славяне», необъективному подходу к проблеме восточнороманского этногенеза в последних работах румынских археологов: «Интерпретация различных открытий (румынских археологов — Г.Ф.) затруднительна из-за наметившейся тенденции уменьшить роль славян в этногенезе румынского народа. Из этого проистекает вызывающая сомнения этническая атрибуция многих материалов и памятников этого периода» (Kurnatowska 1977: 14).

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов Д. 1971. Образование на българската народности. София.
- Аурелиан П. 1962. Предварительные сведения с хронологией могильника в Пятра Фрекацей // *Dacia*, NS, VI, Bucureşti.
- Бокшлов Ив. 1970. Культура Дриду и Първото Българското царство // Исторически Преглед, 4, София.
- Бокшлов И.А. 1973. България и печенезите 1896 – 1018 // Исторически Преглед. София.
- Бырня П.П. 1966. Сельские поселения Молдавии XV – XVII вв. Кишинев.
- Бырня П.П., Рафалович И.А. 1979. Проблема местного поселения Днестровско-Прутского междуречья и Балкано-Дунайская культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М.
- Въжарова Ж. 1973. Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славяните и средиземноморският свят VI – XI в. София.
- Въжарова Ж. 1976. Славяне и пробългари по данни на некрополите от VI – XI вв. на територията на България. София
- Златковская Т.Д. 1953. Племенной союз гетов под руководством Буребисты (I в. до н.э.) // ВДИ. N 2.
- Златковская Т.Д. 1978. Исторические аспекты романизации балканских земель в античное время (к проблеме этногенеза влахов) // Славяноволошские связи. Кишинев.
- Колосовская Ю.К. 1957. О романизации Дакии // ВДИ. No 1.
- Комнина Анна 1965. Алексиада. М.
- Комша М. 1957. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI – XII вв.н.э. на территории РНР // *Dacia*, NS, Vol.1. Buc.
- Комша М. 1959. Курганный могильник с трупосожением в Нушфалэу // *Dacia*, NS, III. Bucureşti.
- Комша М. 1963. Новые сведения о расселении славян на территории РНР // *Romanoslavica*, IX. Bucureşti.
- Комша М. 1970. Проникновение славян на территорию Румынской Народной Республики и их связи с автохтонным населением // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5.
- Константиnescу Н. 1962. Исследования в селе Коконь и вопрос о деревне в Валахии в XIV – XV

- вв. // *Dacia*, NS, VI. București.
- Королюк В.Д. 1971 а. Волохи и славяне «Повести временных лет». // Советское славяноведение, №4.
- Королюк В.Д. 1971 б. Влахи и славяне русской летописи. Кишинев.
- Королюк В.Д. 1972 а. К вопросу о месте известия о волохах в «Повести временных лет» // Советское славяноведение, №1.
- Королюк В.Д. 1972 б. Славяне, влахи, римляне и «римские пастухи» венгерского «Анонима» // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.
- Королюк В.Д. 1978. Пастушество у славян в I тыс. н.э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи. // Славяно-волошские связи. Кишинев.
- Кругликова И.Т. 1955. Дакия в эпоху римской оккупации. М.
- Литаврин Г.Г. 1972. Влахи византийских источников X – XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.
- Макря М. 1958. Славянский могильник в Сомешень // *Dacia*, NS, II. București.
- Матей М. 1960. Славянские поселения в Сучаве // *Dacia*, NS, IV. București.
- Милчев А. 1973. Формирование староболгарской культуры. // Славяните и средиземноморският свят VI – XI в. София.
- Михайлов Ст. 1969. Археологически извори на европейската цивилизация // Археология, София, XI, №1.
- Морган Ж.Г. 1926. Доисторическое человечество. М.-Л.
- Мохов Н.А. 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.
- Петрович Э. 1959. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики // *Romanoslavica*, I, București.
- Петрович Э. 1965. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // *Romanoslavica*, X, București.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.
- ПВЛ 1950 – «Повесть временных лет». 1950. Т.1. М.-Л.
- Полевой Л.Л. 1972. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.
- Рикман Э.А. 1976. О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тыс. н.э. // Карпатский сборник. М.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А. 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.
- Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI – XIII вв. Археология СССР. М.
- Степи Евразии 1982 — Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1982.
- Федоров Г.Б. 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс.н.э. // МИА, вып.89.
- Федоров Г.Б. 1964. Работы Пруто-Днестровской экспедиции в 1960 – 61 гг. // КСИА, Вып.99.
- Федоров Г.Б. 1970. Древние славяне в Пруто-Днестровском междуречье. София.
- Федоров Г.Б., Негруша В.М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1973. Жилые и производственные сооружения древнерусского поселения Рудь // АИМ 1970–1971. Кишинев.
- Федоров Г.Б., Салманович М.Я. 1964. Этническая и культурная история населения Юго-Запада СССР от начала железного века до XIX ст. М.
- Федоров Г.Б., Салманович М.Я. 1970. Этнокультурные комплексы по данным материальной культуры (Исследования в Пруто-Днестровском междуречье). // Вестник Академии наук СССР, N8.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI – XIII). АКМ, выпуск 6. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1966. Археологические памятники X – XIV вв. в Ганчештских и Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1968. Памятники балкано-дунайской культуры X – XI вв. в лесостепной полосе Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1969. Поселения XI – XIV вв. в Оргеевских Кодрах Молдавии. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1970. Балкано-Дунайская культура // Молдавская энциклопедия, Т.1. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1971. Балкано-Дунайская культура лесостепной Молдавии X – XIV вв. и ее этнокультурный состав // Очерки материальной культуры Молдавии. Кишинев.
- Хынку И.Г. 1976. Этнические черты в жилищах населения Молдавии IX – XI вв. // Балканские исследования. М.
- Шушарин В.П. 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М.
- Шушарин В.П. 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX – XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев.
- Ambrojevici C., Popovici R. 1945. Zur Vorgeschichteichen mittelalterlichen. Vergangenheit des Bezirkes Dorohoi // *Dacia*, IX – X. București.
- Andronic A. 1961. Contribuții arheologice la istoricul orașului Iași în perioada feudală // *Arheologia Moldovei*, I, Buc.
- Aurelian P. 1964. Cîteva mărturii ale culturii Sîntana de Mureș-Cerniahov în Schytia Minor // *SCIV*, 15, №1. București.
- Bako C. 1962 a. Elementele slave în necropola de la Bandu de Cîmpie // *SCIV*, XIII, Buc.
- Bako G. 1962 b. Încă o mărturie cu privire la dominația primului stat Bulgar la Nord de Dunăre // *SCIV*, 13, №2. București.
- Barnea I. 1962. Ceramica din cariera de cretă de la Basarabi (reg.Dobrogea) // *SCIV*, 13, №2. București.
- Berciu D., Berciu I. 1937. Antichități medievale în Oltenia // *Buletinul Comisiunii monumentelor istorice*. Buc. T.XXX.
- Coman Gh. 1969 a. Cercetări arheologice cu privire la secolele V – XI în sudul Moldovei // *Arheologia Moldovei*, VI.
- Coman G. 1969 b. Cercetări arheologice în sudul Moldovei cu privire la secolele V – XI // *SCIV*, 20, №2. București.
- Coman Gh. 1971. Evoluția culturii materiale din Moldova de Sud în lumina cercetărilor arheologice cu privire la secolele V – XIII // *Memoria Antiquitatis*, III, Piatra-Neamț.
- Comșa M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR și pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice // *SCIV*, IX, №1. București.
- Comșa M. 1959 a. Săpăturile de la Bucov // *Materiale și*

- cercetări arheologice, V. București.
- Comșa M. 1959 b. Slavii pe teritoriul RPR în secolele VI – IX în lumina cercetărilor arheologice // SCIV, X, №1. București.
- Comșa M. 1959 c. Contribuții la cunoașterea culturii străromâne în lumina săpăturilor de la Bucov (r. și reg. Ploiești) // SCIV, X, 1, București.
- Comșa M. 1960 a. Die bulgarische Herrschaft nördlich der Donau während des IX und X Jh. im Lichte der archäologischen Forschungen // Dacia, NS, IV, București.
- Comșa M. 1960 b. Discuții în legătură cu pătrunderea și așezarea slavilor pe teritoriul RPR // SCIV, XI, №1. București.
- Comșa M. 1962 c. Săpăturile de la Bucov // Materiale și cercetări arheologice, VI. București.
- Comșa M. 1961. Săpăturile de la Bucov // Materiale și cercetări arheologice, VII. București.
- Comșa M. 1962. Problema genezei și evoluției culturii balcano-dunărene (Dridi) în sec. IX – XI. Raport prezentat la Seminarul romano-bulgar din 1962. București.
- Comșa M. 1963. Cu privire la evoluția culturii Balcano-Dunărene în sec. IX – XI // SCIV, XIV. București.
- Comșa M. 1968. Sur l'origine et sur le territoire de la civilisation protoroumaine aux VI – X siècles sur le territoire de la Roumanie // Dacia, NS, XII. București.
- Comșa M. 1978. Cultura materială veche românească (Așezările din secolele VIII – X la Bucov – Ploiești). București.
- Constantinescu N. 1969. Note arheologice și istorice asupra Curții feudale de la Tîrgșor (sec. XV – XVII) // SCIV, 20, №1. București.
- Constantiniu M. 1966. Elemente romano-bizantine în cultura materială a populației autohtone din partea centrală a Munteniei în sec. VI – VII // SCIV, 17, №4. București.
- Daicovicu C. 1968. Originea poporului Român după cele mai noi cercetări // Unitate și continuitate în istoria poporului român. Buc.
- Daicovicu C., Petrovici E., Ștefan Gh. 1965. La formation du peuple roumain et sa langue. București.
- Dankanits A., Ferenczi I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbud // Materiale și cercetări arheologice, VI. București.
- Diaconu Gh. 1965. Tîrgșor – necropola din secolele III – IV e.n. București.
- Diaconu Gh., Constantinescu N. 1960. Cetatea Scheia. București.
- Diaconu Gh., Diaconu P. 1963. Un mormînt de călăreți nomazi din sec. XI – XII descoperit la Moviliță (r. Urziceni, reg. București) // SCIV, XIV, №1. București.
- Diaconu P. 1965. Din nou despre valul de piatră din Dobrogea și nota toparhului grec (partea 1) // SCIV, 16, №1. București.
- Dolinescu-Ferche S. 1967. Un complex din sec. al VI-lea e.n. la Sfîntești // SCIV, 18. București.
- Dolinescu-Ferche S. 1969. Cuptor de ars oale din secolul al VI-lea e.n. la Dulceanca // SCIV, 20. București.
- Draganu N. 1933. Românii în veacurile IX – XIV pe baza toponimicii și onomasticii. – București.
- Geza B. 1971. Autohtoni și migratori la Tîrgșor în secolul al IV-lea e.n. // SCIV, 22, №1. București.
- Giurescu C. 1967. Tîrguri sau orașe și cetăți moldovene. Buc.
- Hilczzerowna S. 1970. Le probleme de la civilisation de Dridu (Remarques polémiques) // Slavia Antiqua, Warszawa – Poznań, XVII.
- Horedt K. 1951. Ceramica slavă din Transilvania // SCIV, II, Buc.
- Horedt K. 1958. Contribuții la istoria Transilvaniei (sec. VII-XIII). București.
- Istoria României 1960. București. Vol. 1.
- Istoria României 1962. București. Vol. 2.
- Kurnatowska Z. 1977. Słowiańszczyzna Południowa. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.
- Macrea M. 1959a. Șantierul arheologic Someșeni-Cluj // Materiale și cercetări arheologice, VI. București.
- Macrea M. 1959b. Necropola slavă de la Someșeni // Materiale și cercetări arheologice, V. București.
- Marghitan I. 1965. Morminte din epoca feudală timpurie descoperite la Seitin // SCIV, 16, №3. București.
- Matei M. 1959. Contribuții la cunoașterea ceramicii slave de la Suceava // SCIV, X, №2. București.
- Matei M. 1963. Contribuții arheologice de la istoria orașului Suceava. Buc.
- Matei M. 1962. Die slavischen Siedlungen von Suceava (Nordmoldau, Rumänien) // SIA, X, №1.
- Matei M. 1970. Studii de istorie orășenească medievală (Moldova sec. XIV – XVI). Suceava.
- Mitrea B. 1967. Unele probleme în legătură cu necropola prefeudală de Izvorul (r. Giurgiu) // SCIV, 18, №3. București.
- Mitrea B. și col. 1954. Șantierul Suceava — Cetatea Neamțului // SCIV, V, №1 – 2. București.
- Mitrea B., Preda C. 1959. Săpăturile de salvare de la Alexandria // Materiale și cercetări arheologice, V. București.
- Mitrea I. 1972. Contribuții la cunoașterea culturii Dridu din regiunea dintre Carpați și Siret a Moldovei // Carpica. Bacău.
- Morints S., Ionescu B. 1968. Cercetări arheologice în împrejurimile orașului Oltenița (1958 – 1967) // SCIV, 19, №1. București.
- Nestor I. 1953. Șantierul Sărata-Monteoru // SCIV, . V, №1 – 2. Buc.
- Nestor I. 1957. La necropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru // Dacia, NS. București, p.289-325.
- Nestor I. 1958. Contributions archéologiques au problème des proto-Roumains. La civilisation de Dridu // Dacia, NS, Vol. II. București.
- Nestor I. 1959. Slavii pe teritoriul RPR în lumina documentelor arheologice // SCIV, X, №1. București.
- Nestor I. 1960. Principalele realizări ale arheologiei românești în anii regimului democrat popular // SCIV, XI, №1. București.
- Nestor I. 1961. La necropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru // Dacia, NS, Vol. V, Buc.
- Nestor I. 1962. Arheologia perioadei de trecere la feudalism pe teritoriul RPR // Studii. Revista de istorie, XV, N 6, Buc.
- Nestor I. 1964. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple roumain // Revue roumaine d'histoire. №3, Buc.
- Nestor I. 1969. Continuitatea în istoria formării poporului român // Magazin istoric. №3, Buc.
- Nestor I. 1970. Continuitatea în istoria formării poporului român (sub red. lui A.Otetea) // Istoria poporului român. Buc.
- Nestor I. 1973. Autochtones et les slaves en Roumaine // Les slaves et le monde Méditerranéen en VI – XI siècles. Sofia.
- Nestor I., Zaharia E. Șantierul arheologic Sărata-Monteoru // SCIV, VI, №3 – 4. București.
- Nestor I., Zaharia E. 1957. Săpăturile de la Sărata-Monteoru din 1955 (reg. Ploiești, r. Buzău) // Materiale și cercetări arheologice, IV, București.
- Nestor I., Zaharia E. 1959. Săpăturile de la Sărata-

- Monteoru // Materiale și cercetări arheologice, V, Buc.
 Nestor I., Zaharia E. 1959. Săpăturile la Sărata-Monteoru // Materiale și cercetări arheologice, VI, Buc.
 Nestor I., Zaharia E. 1959 a. Sondajele de la Dridu (or. Urziceni, reg. Ploiești) // Materiale și cercetări arheologice, V, București.
 Nestor I., Zaharia E. 1959 b. Săpăturile de la Dridu // Materiale și cercetări arheologice, VI., București.
 Nestor I., Zaharia E. 1960. Săpăturile de la Dridu // Materiale și cercetări arheologice, VII. București.
 Nestor I., Zaharia E. 1960. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. / // Materiale și cercetări arheologice, VII, Buc.
 Nițu A., Teodor D. 1959. Raport asupra sondajului din așezarea prefeudală de la Spinoasa // Materiale și cercetări arheologice, V, Buc.
 Nițu A., Zaharia E., Teodor D. 1960. Sondajul din 1957 de la Spinoasa-Erbiceni // Materiale și cercetări arheologice, VI, Buc.
 Panaitescu P. 1971. Cercetări arheologice a culturii materiale din Țara Românească în sec. al XIV-lea // SCIV, 22, №2. București.
 Petrescu-Dîmbovița M. și col. 1953. Șantierul Hlincea – Iași // SCIV, IV, №1 – 2. București.
 Petrescu-Dîmbovița M. și col. 1954. Șantierul arheologic Hlincea – Iași // SCIV, V, №1 – 2. București.
 Petrescu-Dîmbovița M. 1954. Rezultatele ultimelor cercetări ale arheologilor sovietici cu privire la așezările de tip Romen-Borșeva și importanța lor pentru arheologia RPR // SCIV, V, №3 – 4. București.
 Petrescu-Dîmbovița M. 1958. Slawische Siedlungen in Moldaugebiet Rumäniens. // Slovenska Archeologia, Bratislava, VI, №1.
 Petrescu-Dîmbovița M., Nițu A., Zaharia E., Dinu M. 1955. Șantierul arheologic Hlincea – Iași // SCIV, VI, №3 – 4. București.
 Petrovici E. 1960. Toponimice slave de Est pe teritoriul Republicii Populare Române // Romanoslavica, IV, București.
 Philipide A. 1930. Originea Românilor. – Iași. – T.1.
 Protase D. 1966. Problema continuității în Dacia în lumina arheologiei și numizmaticii. București.
 Rosetti D.V. 1934. Siedlungen der Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit bei Bucarest // Germania, Berlin.
 Sulsar F.I. 1781 – 1782. Geschichte der transalpinischen Daciesien
 Ștefan Gh. 1968. Le problème de la continuité sur le territoire de la Dacia // Dacia, NS, XII. Buc.
 Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. 1967. Dinogetia, I, București.
 Teodor D. Gh. 1963. Cîteva observații în legătură cu căldările de lut descoperite la Raducăneni (r.Huși, reg. Iași) // SCIV, XIV, №1. București.
 Teodor D.Gh. 1968. Contribuții la cunoașterea culturii Dridu pe teritoriul Moldovei // SCIV, 19, №2. București.
 Teodor D.Gh. 1973. Apartenența etnică a culturii Dridu // Cercetări istorice, NS, Iași.
 Teodor D. Gh. 1980. Elemente și influențe bizantine în Moldova în secolele VI – XI // SCIV, 21, №1. București.
 Teodorescu V. 1964. Despre cultura Ipotești-Cîndești în lumina cercetărilor din Nord-Estul Munteniei (regiunea Ploiești) // SCIV, 15, №4. București.
 Thurman I. 1774. Untersuchungen über die Geschichte der ostlichen europäischen Völker. Leipzig.
 Vlăceanu D. 1963. Cu privire la data de început a cetății de la Păcuiul lui Soare (r. Adamclisi) // SCIV, 14, №1. București.
 Zaharia E. 1967. Săpăturile de la Dridu. Contribuția la arheologia și istoria perioadei de formare a poporului român. București.
 Zaharia E. 1969. Cîteva observații despre arheologia și istoria secolelor VII – X pe teritoriul RS Română // Aluta.1.
 Zaharia E. 1971. Données sur l'archéologie des VI – X siècles sur le territoire de la Roumanie. La culture de Bratei et la culture de Dridu // Dacia, NS, XV. Buc.
 Zaharia N. 1955. Recunoașteri arheologice executate la Iași, în anul 1953 în cuprinsul Moldovei // SCIV, VI, №1 – 2. București.
 Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița M., Zaharia E. 1970. Așezări din Moldova de la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. Buc.
 Zirra V. 1959. Cercetări feudale timpurii la Ileana-Poduri // Materiale și cercetări arheologice, V. București.